

Эдгар Аллан По

Заколдованный замок. Сборник

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9093279

*Заколдованный замок. Сборник / Эдгар Аллан: Клуб Семейного Досуга; Харьков, Белгород; 2015
ISBN 978-966-14-8593-7, 978-966-14-8315-5, 978-5-9910-3126-4, 978-966-14-8592-0*

Аннотация

От этих историй замирает сердце и мороз идет по коже!

В запертой комнате произошло ужасное убийство. Только Огюст Дюпен знает, где искать того, кто его совершил («Убийства на улице Морг»).

На обрывке пергамента неожиданно проявляется зашифрованная карта сокровищ («Золотой жук»).

Инквизиция обрекла его на мучительную смерть. Каждый миг может стать последним... («Колодец и маятник»).

Убийце постоянно слышится стук сердца его жертвы... («Стук сердца»).

Хозяин дома уверен, что в здании воцарилась странная и страшная сила... («Падение дома Ашеров»)

Содержание

Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета	5
Предисловие	5
1	7
2	12
3	19
4	23
5	27
6	31
7	36
8	40
9	44
10	48
11	51
12	55
13	59
14	64
15	69
16	72
17	75
18	78
19	82
20	85
21	89
22	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Эдгар Аллан По

Заколдованный замок

© DepositPhotos.com / hitdelight, Adikk, обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2015

Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета

Предисловие

Через несколько месяцев по возвращении в Соединенные Штаты после ряда удивительных приключений в морях к югу от экватора, а также в иных местах, рассказ о которых приведен на этих страницах, в Ричмонде случай свел меня с несколькими джентльменами, которые, весьма интересуясь всем связанным с местами, в которых мне довелось побывать, начали убеждать меня опубликовать мой рассказ. Однако у меня имелось несколько причин не делать этого, как частного характера и не касающихся никого, кроме меня самого, так и не совсем частного. Одним из соображений, удерживавших меня от этого, было то, что, поскольку большую часть времени, проведенного в странствиях, журнала я не вел, меня одолевал страх, что я не смогу, полагаясь лишь на память, описать события достаточно подробно и связно, чтобы они были похожи на правду, не считая разве что естественных и неизбежных преувеличений, к которым склонны все мы при описании событий, поразивших наше воображение. Еще одной причиной явилось то, что события, о которых предстояло рассказывать, носили столь невероятный характер, что я, не имея свидетелей (кроме меня самого и еще лишь одного человека, да и тот индеец-полукровка), мог лишь надеяться на доверие со стороны родственников и тех моих друзей, которые знали меня всю жизнь и не имели оснований сомневаться в моей правдивости, тогда как широкая публика, вероятнее всего, сочла бы мою историю бесстыдной и изобретательной выдумкой. Тем не менее неверие в собственные писательские силы было одной из основных причин, удержавших меня от того, чтобы выполнить просьбу моих советчиков.

Среди тех джентльменов из Виргинии, которые особенно заинтересовались моим рассказом, и в особенности той его частью, которая имела касательство к Антарктическому океану, был мистер По, незадолго до того ставший редактором «Южного литературного вестника», ежемесячного журнала, издаваемого мистером Томасом У. Уайтом в Ричмонде. Он настоятельно рекомендовал мне среди прочего не медля составить полный отчет о том, что я увидел и пережил, и довериться проницательности и здравомыслию читающей публики, весьма авторитетно при этом убеждая меня, что, каким бы несовершенным с точки зрения стиля ни получилось мое сочинение, именно благодаря недочетам, ежели такие будут, оно будет скорее воспринято как правдивое.

Несмотря на это утверждение, я не решился сделать то, о чем он просил. Позже, поняв, что я в этом вопросе непоколебим, он попросил меня разрешить ему самому написать, как он выразился, «повествование» о ранней части моих приключений на основании фактов, предоставленных мною, и опубликовать его в «Вестнике» *под видом художественного произведения*. На это, не найдя возражений, я согласился, с тем лишь условием, что мое истинное имя должно остаться в тайне. Две написанные им части вышли в январском и февральском номерах «Вестника» (1837), и для того, чтобы достичь еще большего сходства с художественным произведением, в содержании журнала было указано имя мистера По.

То, как была воспринята эта уловка, побудило меня наконец предпринять систематическую публикацию данных приключений, ибо я обнаружил, что, несмотря на сказочный флер, столь искусно наброшенный на ту часть рассказа, которая появилась в «Вестнике» (где тем не менее не был искажен ни один факт), читатель вовсе не был склонен воспринимать его как вымысел, и на адрес мистера По даже пришло несколько писем, в которых выражалась твердая уверенность в обратном. Исходя из этого, я пришел к выводу, что факты моего

повествования по природе своей содержат достаточно свидетельств их подлинности и, следовательно, мне нечего бояться всеобщего недоверия.

После этого *exposé* сразу становится понятно, какая часть нижеизложенного принадлежит моему перу. Необходимо также еще раз напомнить, что на тех нескольких страницах, которые были написаны мистером По, ни один факт не был перевран. Даже для тех читателей, которым не попадался на глаза «Вестник», нет необходимости указывать, где заканчивается его часть и начинается моя; разницу в стиле письма невозможно не заметить.

А. Г. ПИМ

1

Меня зовут Артур Гордон Пим. Мой отец был уважаемым торговцем морскими товарами в Нантакете, где я и родился. Мой дед по материнской линии был стряпчим и имел неплохую практику. Удача сопутствовала ему во всем, и он весьма успешно вложился в акции «Эдгартонского Нового банка», как он прежде назывался. Этим и другими способами он сумел собрать приличную сумму. Думаю, ко мне он был привязан более, чем к любому другому человеку в этом мире, и я ожидал, что после смерти деда мне отойдет большая часть его имущества. В шесть лет он отправил меня в школу старого мистера Рикетса, джентльмена с одной рукой и эксцентричными манерами. Любому, кто бывал в Нью-Бедфорде, он хорошо известен. В школе я оставался, пока мне не исполнилось шестнадцать, а после поступил в школу Э. Рональда, что на холме. Там я сошелся с сыном мистера Барнарда, капитана, плававшего на судах Ллойда и Вреденберга. Мистер Барнард тоже хорошо известен в Нью-Бедфорде и, не сомневаюсь, имеет много родственников в Эдгартоне. Его сына звали Август, и был он почти на два года старше меня. Однажды он плавал с отцом на китобойном судне «Джон Дональдсон» и часто рассказывал мне о своих приключениях в южной части Тихого океана. Не раз я ходил к нему домой и оставался там на весь день, а то и ночь. Мы ложились в кровать, и он почти до зари занимал меня рассказами об аборигенах острова Тиниан и других мест, в которых он побывал за время своих путешествий. Я не мог не увлечься его рассказами, и со временем моим самым большим желанием стало пойти в плавание. Примерно за семьдесят пять долларов я купил парусную лодку, которая называлась «Ариэль», с небольшой каютой, оснащенную как шлюп. Я забыл ее грузоподъемность, но человек десять могли разместиться в ней довольно свободно. Со временем у нас вошло в привычку устраивать на ней отчаяннейшие безрассудства, и теперь, вспоминая о них, мне представляется величайшим чудом то, что я до сих пор жив.

Об одном из таких приключений я расскажу, прежде чем приступить к более пространному и важному повествованию. Однажды мистер Барнард устроил у себя дома вечеринку, и под конец мы с Августом порядком захмелели. Как обычно бывало в таких случаях, я не пошел домой, а остался у него ночевать. Так и не заговорив на свою любимую тему, он, как показалось мне, заснул (вечеринка закончилась около часу ночи). Спустя примерно полчаса, когда я только начал дремать, он вдруг сел и, выкрикнув ужасное ругательство, сказал, что никакой Артур Пим не заставит его заснуть, когда с юго-запада дует такой восхитительный бриз. Удивлению моему не было предела. Не зная, что он задумал, я решил, что выпитое вино и другие напитки несколько повредили его разум. Однако говорил он очень рассудительно и заявил, что, несмотря на то что я считаю его пьяным, на самом деле он совершенно трезв и ему просто надоело в такую чудесную ночь валяться в кровати, подобно ленивому псу, и что он собирается одеться и совершить вылазку на лодке. Не знаю, что на меня нашло, но, услышав это, я пришел в восторг, предвкушая невероятное удовольствие. Его безумная затея показалась мне едва ли не самой занятной и благоразумной на свете. В ту ночь дул сильный, почти штормовой ветер и было очень холодно – дело было в конце октября. Я вскочил с кровати, охваченный странным возбуждением, и сказал, что так же отважен, как он, и мне не меньше, чем ему, надоело валяться в кровати, как ленивому псу, и что я готов к веселью и проказам, как и Август Барнард из Нантакета.

Не теряя времени, мы оделись и поспешили к лодке. Она стояла у старого гнилого причала рядом со складом пиломатериалов «Пэнки и Ко», упиравая боком в бревна. Август

забрался в нее и начал вычерпывать воду – лодка была наполовину затоплена. Когда с этим было покончено, мы, подняв стаксель¹ и грот, храбро вышли в море.

Как я уже сказал, с юго-запада дул сильный ветер. Ночь была ясная и холодная. Август стал у руля, а я расположился у мачты на палубе. Мы неслись с огромной скоростью, и никто не произнес ни слова после того, как мы отчалили. Я спросил своего спутника, какой курс он собирается взять и когда мы вернемся домой. Несколько минут он насвистывал, а потом с раздражением произнес:

– Я иду в море, а *ты*, если хочешь, можешь возвращаться.

Посмотрев на него, я понял, что, несмотря на кажущееся *безразличие*, он чрезвычайно возбужден. В лунном свете лицо его казалось бледнее мрамора, руки дрожали так, что он с трудом удерживал румпель. Я понял, что случилось что-то непредвиденное, и меня охватило сильнейшее волнение. В то время я мало что знал об управлении лодкой и поэтому вынужден был полагаться исключительно на навигационные способности моего друга. Ветер внезапно усилился, и мы стремительно отдалялись от берега, но мне было стыдно признаться в своих страхах и почти полчаса я упорно хранил молчание. Однако потом я не выдержал и сказал Августу, что нам стоит вернуться. Как и в прошлый раз, прошла почти минута, прежде чем он ответил мне.

– Скоро, – наконец сказал он. – Время еще есть... Скоро повернем.

Подобного ответа я ожидал, но что-то в его тоне заставило меня похолодеть от ужаса. Я внимательно посмотрел на спутника. Губы его посерели, а колени дрожали так сильно, что он, казалось, едва держался на ногах.

– Господи боже, Август! – закричал я, уже не скрывая страха. – Что с тобой? Что случилось? Что ты собираешься делать?

– Случилось? – пробормотал он с величайшим изумлением, отпустив румпель, и вдруг повалился на дно лодки. – Случилось... Ничего не... случилось... плывем домой... р-разве н-не видишь?

Тут меня осенило. Я бросился к другу и поднял его. Он был пьян, мертвецки пьян, пьян так, что уже не мог ни стоять, ни говорить, ни смотреть. Глаза его совершенно остекленели, а когда я, охваченный отчаянием, отпустил его, он упал и, как бревно, скатился в воду на дне лодки. Я понял, что в тот вечер он выпил гораздо больше, чем я думал, и его поведение объяснялось крайней степенью опьянения, состояния, которое, как и безумие, часто заставляет жертву имитировать поведение совершенно нормального, владеющего собой человека. Однако прохладный ночной воздух сделал свое дело, возбуждение начало спадать, и то, что Август, несомненно, не осознавал всю опасность нашего положения, приблизило катастрофу. Он перестал что-либо понимать, и надежды на то, что он протрезвеет в ближайшее время, не было.

Вряд ли можно описать ужас, охвативший меня. Хмель улетучился, отчего я вдвойне оробел и растерялся. Я прекрасно понимал, что не справлюсь с лодкой и что яростный ветер вместе с отливом неотвратимо влекут нас навстречу смерти. Буря набирала силу. У нас не было ни компаса, ни еды, и стало понятно, что, продолжай мы идти тем же курсом, к свету земли уже не будет видно. Эти мысли и масса других, не менее пугающих, пронеслись у меня в голове с удивительной быстротой и на какое-то время совершенно парализовали волю. Лодка с чудовищной скоростью, то и дело зарываясь носом в пену, мчалась по волнам, ни на стакселе, ни на гроте рифы не были взяты. Каким-то чудом вышло так, что мы не повернулись к волнам боком, ведь, как я уже сказал, Август отпустил руль, а я от волнения не подумал его взять. К счастью, лодка шла ровно и ко мне постепенно начала возвращаться

¹ Треугольный парус между мачтами или впереди фок-мачты (ниже кливера). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

способность мыслить. Но ветер становился все сильнее, и каждый раз, когда лодка, нырнув носом, поднималась, волны захлестывали корму. Я ооченел так, что почти перестал чувствовать собственное тело. Наконец отчаяние придало мне решимости, я бросился к гроту и сорвал его. Как и следовало ожидать, парус перелетел через борт и, набравшись воды, сорвал мачту, едва не разбив борт. Одно это происшествие спасло лодку от мгновенного разрушения. Теперь лодка под одним стакселем летела вперед по ветру, время от времени погружаясь носом в бушующие волны, но ужаса перед немедленной смертью я уже не испытывал. Взяв руль, я вздохнул свободнее, поскольку сообразил, что шанс на спасение еще есть. Бесчувственный Август, лежавший на дне лодки, мог в любую минуту захлебнуться, потому что воды уже собралось на фут. Я исхитрился приподнять товарища и придать ему сидячее положение, для чего обвязал его вокруг талии веревкой, конец которой прикрепил к рым-болту на палубе. Сделав все, что было в моих силах, я, замерзший и дрожащий от волнения, отдался на милость Божью и решил встретить судьбу, собрав все свое мужество.

Вдруг громкий, протяжный не то крик, не то вопль, как будто исторгнувшийся из глоток тысячи демонов, казалось, заполнил воздух вокруг лодки. Пока я жив, не забуду ужаса, охватившего меня в тот миг. Волосы встали дыбом у меня на голове, кровь застыла в жилах, а сердце остановилось. Так и не подняв взгляда, чтобы определить источник звука, я повалился ничком на безжизненно лежащего товарища.

Очнувшись я в каюте большого китобойного судна «Пингвин», шедшего в Нантакет. Надо мной стояли несколько человек. Август, бледный как смерть, усердно растирал мне руки. Увидев, что я открыл глаза, он вздохнул с таким облегчением и радостью, что вызвал смех и слезы у грубоватых с виду мужчин. Загадка нашего спасения вскоре объяснилась. Мы столкнулись с китобойным судном, шедшим под всеми парусами, которые они отважились поднять, в Нантакет под прямым углом к нашему курсу. Несколько человек следили за морем, но ни один из них не замечал нашей лодки до последнего, когда избежать столкновения было уже невозможно. Это их крики так испугали меня. Мне рассказали, что громадное судно переехало нас, как наше суденышко переехало бы перышко, даже не почувствовав помехи. Ни единого возгласа не донеслось с нашей палубы, лишь какой-то слабый скрежещущий звук примешался к реву ветра и моря, когда подмятый хрупкий парусник протасило вдоль киля его погубителя. Посчитав нашу лодку (которая, напомним, лишилась мачты) какой-то старой брошенной посудиною, капитан китобойного судна (капитан Э. Т. В. Блок из Нью-Лондона), особо не задумываясь о случившемся, решил продолжать движение по курсу. К счастью, двое вахтенных, готовых поклясться, что видели кого-то у руля, предположили, что его еще можно спасти. В разгоревшемся споре Блок рассвирепел и заявил, что «не обязан следить за каждой скорлупкой, болтающейся в море», что «корабль не станет из-за такой ерунды останавливаться» и что «если там и был кто, он сам виноват, и никто больше, так что пусть идет на дно, и дело с концом» или что-то в этом духе. Хендерсон, первый помощник, который тоже подключился к разговору, был возмущен, как и весь экипаж, подобными речами, выдающими всю степень бессердечия и жестокости капитана. Чувствуя поддержку матросов, он прямо сказал капитану, что его стоило бы вздернуть на рее и что он отказывается выполнять его команды, пусть даже его отправят на виселицу, как только он сойдет на берег. После этого он направился на корму, оттолкнув побледневшего, но хранившего молчание капитана, и, схватив штурвал, твердо скомандовал: «К повороту!» Матросы разбежались по местам, и судно сделало крутой поворот. Все это заняло не более пяти минут, и казалось вряд ли возможным, что человек или люди с лодки могли выжить, если допустить, что там вообще кто-нибудь был. Однако, как видит читатель, я и Август остались живы, и почти невероятное спасение наше стало возможным благодаря счастливому стечению обстоятельств, которое люди мудрые и благочестивые приписывают особому вмешательству Провидения.

Пока судно продолжало разворот, старший помощник приказал опустить шлюпку и прыгнул в нее с теми самыми двумя вахтенными, я думаю, которые утверждали, что видели меня у штурвала. Едва они отплыли от кормы – луна по-прежнему светила ярко, – судно сильно накренило по ветру, и в тот же миг Хендерсон, привстав с банки, закричал гребцам, чтобы те табанили. Он ничего не объяснил, только повторял нетерпеливо: «Табань! Табань!» Матросы принялись изо всех сил грести в обратную сторону, но к этому времени судно уже успело развернуться и на полной скорости двинулось вперед, хотя все матросы прикладывали огромные усилия, чтобы убрать паруса. Как только шлюпка приблизилась к кораблю, старший помощник, не думая об опасности, ухватился за вант-путенсы². Тут судно опять сильно накренилось, обнажив правый борт почти до киля, и причина волнения первого помощника стала понятна. На гладком блестящем днище («Пингвин» был обшит медными листами, скрепленными медными болтами) каким-то невероятным образом держалось человеческое тело, с силой бившееся об него при каждом движении корпуса. После нескольких безуспешных попыток, предпринятых во время наклонов судна, едва не потопив шлюпку, они в конце концов подняли меня на борт, ибо это был именно я. Похоже, что какой-то сдвинувшийся и вышедший из медной обшивки крепежный болт задержал меня, когда я оказался под кораблем, и закрепил в совершенно невообразимой позе на днище. Конец болта пробил воротник моей зеленой суконной куртки и вышел через заднюю часть шеи между двумя сухожилиями под правым ухом. Меня сразу уложили на койку, хотя признаков жизни я не подавал. Хирурга на борту не было, но капитан принялся обхаживать меня с величайшим вниманием, думаю, для того, чтобы в глазах команды искупить вину за свое поведение.

Тем временем Хендерсон снова покинул корабль, хотя ветер уже превратился в настоящий ураган. Через несколько минут он наткнулся на обломки нашей лодки, а вскоре после этого один из его людей сказал, что сквозь рев бури слышал прерывистые крики о помощи. Это заставило отважных моряков продолжать поиски еще более получаса, несмотря на то что капитан Блок все время подавал им сигналы вернуться, а каждое мгновение, проведенное на воде в столь хрупкой шлюпке, грозило им неотвратимой гибелью. Действительно непонятно, как такое маленькое суденышко вообще сумело удержаться на плаву. Впрочем, шлюпка эта предназначалась для нужд китобоев, и поэтому, как я потом узнал, была оснащена воздушными ящиками, как некоторые спасательные шлюпки, которыми пользуются у берегов Уэльса.

После бесплодных поисков, продолжавшихся указанное время, было решено возвращаться на корабль. И едва они собрались это сделать, со стороны быстро проплывавшего мимо темного объекта послышался слабый крик. Они бросились за ним и вскоре догнали. Выяснилось, что это палуба, служившая крышей каюты на «Ариэле». Август явно из последних сил барахтался в воде рядом с ней. Когда его поймали, оказалось, что он привязан веревкой к куску дерева. Напомню, что я сам обвязал его этой веревкой и закрепил на рым-болте, чтобы придать ему сидячее положение, чем, судя по всему, спас жизнь своему товарищу. «Ариэль» была легкой лодкой, сработанной не особенно добротно, и потому, оказавшись под водой, естественно, развалилась на куски. Настил палубы, как и следовало ожидать, сорвало хлынувшей внутрь водой, и тот, несомненно, с другими обломками всплыл на поверхность вместе с привязанным к нему Августом, который благодаря этому избежал страшной смерти.

Прошло больше часа после того, как Августа подняли на борт «Пингвина», прежде чем он очнулся. Услышав, что случилось с нашей лодкой, он пришел в страшное волнение и рассказал об ощущениях, которые испытал в воде. Придя в сознание, он понял, что, кружась с невообразимой скоростью, уходит под воду, а веревка крепко обмотана три-четыре раза

² Металлические полосы, стержни или цепи, проходящие снаружи борта парусного судна и прочно скрепленные с набором и обшивкой.

вокруг его шеи. В следующую секунду он почувствовал, что его стремительно потащило вверх, но сильно ударился головой обо что-то твердое и снова лишился чувств. Очнувшись, соображал он уже лучше, хотя сознание его все еще было затуманено, а мысли путались. Теперь Август понимал, что произошел несчастный случай и что он оказался в воде, хотя рот его находился над поверхностью воды, что давало ему возможность свободно дышать. Вероятно, именно тогда оказавшаяся рядом палуба увлекла его за собой. Конечно, пока он мог удерживаться в таком положении, утонуть ему было почти невозможно. Через какое-то время огромная волна зашвырнула его на палубу, и, уцепившись за нее, он стал звать на помощь. Перед тем как его нашел мистер Хендерсон, из-за полного истощения сил он перестал держаться, упал в воду и приготовился к смерти. За все время борьбы он ни разу не вспомнил ни про «Ариэль», ни про обстоятельства, приведшие к этому бедствию. Его умом безраздельно завладели отчаяние и страх. Когда беднягу наконец вытащили из воды, силы покинули его окончательно, и, как уже было сказано, прошло не меньше часа, прежде чем он осознал, в каком положении находится. Меня же вырвали из состояния, очень близкого к смерти (и после того, как в течение трех с половиной часов были перепробованы все другие способы), энергичным растиранием кусками материи, смоченной в горячем масле, – способом, предложенным Августом. Рана у меня на шее, хоть и имела уродливый вид, оказалась несерьезной, и я вскоре полностью оправился от ее последствий.

«Пингвин» прибыл к порту назначения около девяти часов утра после встречи с одним из самых яростных штормов, когда-либо бушевавших у Нантакета. Мы с Августом успели вернуться в дом мистера Барнарда к завтраку, который, к счастью, начался чуть позже из-за ночной гулянки. Я думаю, все за столом были сами слишком утомлены, чтобы обратить внимание на наш изможденный вид. Конечно, при других обстоятельствах это бросилось бы в глаза. Школьники способны творить чудеса, когда нужно кого-то провести, и я убежден: ни один из наших друзей в Нантакете даже не подозревал, что страшные рассказы моряков о том, как они в шторм налетели на какое-то судно и отправили на дно тридцать – сорок несчастных душ, имели отношение к «Ариэлю», Августу или ко мне. Мы с ним довольно часто вспоминали это происшествие, и всегда не без содрогания. Август честно признался, что в жизни не испытывал такого смятения, как на борту нашего суденышка, когда впервые осознал, насколько пьян, и почувствовал, что начинает терять контроль над собой.

2

По совершенно разным причинам мы не способны извлекать уроки даже из самых очевидных вещей. Казалось бы, катастрофа, о которой я только что рассказал, должна была охладить мою зарождающуюся страсть к морю, но тщетно. Еще никогда меня так не тянуло к полным опасностей приключениям, присущим жизни мореплавателя, чем в первую неделю после нашего чудесного спасения. Этого короткого промежутка времени оказалось достаточно, чтобы стереть из моей памяти темные краски и ярко высветить все восхитительные цветные пятна, всю живописность недавнего смертельно опасного приключения. Беседы с Августом день ото дня становились все более частыми и захватывающими. Его манера преподносить рассказы об океане (добрая половина которых, как я теперь подозреваю, была попросту выдумана) находила отклик в моей душе и несколько мрачном, хоть и живом воображении. Странно и то, что желание изведать морской жизни делалось особенно настойчивым, когда он приводил самые страшные примеры страданий и отчаяния. Светлая сторона общей картины мало меня занимала. Я рисовал себе кораблекрушения и голод; смерть и неволю среди варварских племен; жизнь, проведенную в горе и слезах на какой-нибудь одинокой скале посреди океана, труднодоступной и не нанесенной на карты. Впоследствии меня уверяли, что подобные видения или желания – ибо они превращаются в таковые – обычное дело для всей многочисленной расы меланхоличных людей, но в то время, о котором идет речь, я воспринимал их как первые знаки уготованной мне судьбы. Август проникся моим настроением, и вполне вероятно, что наше тесное общение и общность взглядов привели к тому, что ему передалось что-то от моего характера, а мне – от его.

Примерно через полтора года после крушения «Аризля» фирма Ллойда и Вреденберга (заведение, насколько мне известно, каким-то образом связанное с господами Эндерби из Ливерпуля) занялась починкой и оснащением брига «Косатка» для охоты на китов. Это была старая посудина, едва ли годная для плавания, даже после того, как с ней сделали все, что было возможно. Я не знаю, почему ее предпочли другим хорошим судам, имевшимся в распоряжении у тех же хозяев. Мистер Барнард был назначен капитаном, и Август собирался плыть с ним. Пока бриг готовили к выходу в море, Август твердил, что появилась превосходная возможность удовлетворить мое желание отправиться в путешествие. Во мне он нашел весьма благодарного слушателя, однако устроить это было не так-то просто. Мой отец прямо не возражал, а вот у матери случилась истерика от одного упоминания о наших намерениях. Но хуже всего дед, на которого я возлагал такие надежды. Он поклялся, что оставит меня без гроша, если я об этом хотя бы заикнусь. Однако эти трудности не уменьшили мое желание отправиться в плавание, а лишь подлили масла в огонь. Я вознамерился добиться своего любой ценой, и, когда сообщил о своем решении Августу, мы вместе начали думать, как этого добиться. С родственниками о предстоящем плавании я не разговаривал, и, поскольку усердно занялся учебой, было решено, что я отступился от своих планов. Я много думал о том, как вел себя тогда, и поведение мое вызывало у меня чувство неудовольствия и удивления. Грандиозная ложь, к которой я прибег для осуществления своего прожекта – ложь, которой были исполнены каждое мое слово, каждый поступок, – может быть хоть как-то оправдана лишь безумными надеждами, какие я возлагал на исполнение давно лелеемой мечты о путешествиях.

Мне во многом приходилось полагаться на Августа, который каждый день с утра до вечера пропадал на «Косатке», помогая отцу обустроить каюту. Однако по ночам мы обсуждали наши планы. После почти месяца безуспешных попыток все организовать он наконец сообщил мне, что все продумал. В Нью-Бедфорде у меня жил родственник, некто мистер Росс, в доме которого я, бывало, гостил по две-три недели. Бриг должен был выйти в пла-

вание в середине июня (июня 1827 года), и было решено, что за день-два до того мой отец должен будет получить записку от мистера Росса с просьбой разрешить мне поехать к нему и провести две недели с Робертом и Эмметом (его сыновьями). Сочинить и доставить записку моему отцу взялся Август. Я должен был, сделав вид, что ему нужно в Нью-Бедфорд, присоединиться к своему товарищу, который приготовит для меня тайник на «Косатке». Тайник этот, уверял он меня, будет достаточно удобен, чтобы провести в нем несколько дней. Когда бриг отойдет от берега так далеко, что уже не станет возвращаться без крайней необходимости, я переберусь в удобную каюту, а что до его отца, так тот только посмеется над такой шуткой. В море нам наверняка встретится какое-нибудь судно, с которым можно будет послать моим родителям письмо с объяснениями.

Наконец в середине июня все было готово. Записка была написана и доставлена, и в понедельник утром я вышел из дому, якобы чтобы сесть на пакетбот до Нью-Бредфорда, а сам пошел к Августу, который ждал меня на углу улицы. Изначально мы задумали, что до вечера я где-нибудь поброжу, не попадаясь никому на глаза, а потом незаметно проберусь на бриг, но поскольку с туманом нам не повезло, было решено не тянуть и спрятать меня на корабле сразу. Август направился к причалу, а я последовал за ним на небольшом расстоянии, закутавшись в просторный морской плащ, который он принес с собой, чтобы замаскировать меня. Едва мы прошли мимо колодца мистера Эдмунда и свернули за второй угол, как передо мной собственной персоной предстал не кто иной, как старый мистер Петерсон, мой дед.

– Ба, Гордон! – воскликнул он, осмотрев меня. – Так-так... Что это за тряпье на тебе?

– Сэр! – самым неприветливым тоном ответил я, напустив на себя обиженный вид, насколько это было в моих силах. – Сэр! Вы, верно, обознались. Имя мое, положим, совсем не Гордон, и вы, мерзавец, лучше бы подумали, прежде чем называть мой новый плащ тряпьем. – С великим трудом мне удалось сдержать смех при виде того, какое действие произвел на него этот милый ответ. Он попятился, побледнел, потом сделался пунцовым, вскинул к глазам лорнет и снова его опустил, вдруг замахнулся на меня зонтиком, но резко остановился, как будто что-то неожиданно вспомнил, а потом развернулся и поковылял прочь по улице, приговаривая:

– Никуда не годится... новый лорнет нужен... решил, что это Гордон... Чтоб тебе пусто было, старый краб Длинный Том!

После этой едва не закончившейся провалом встречи мы продолжили путь с большими предосторожностями и до места добрались благополучно. На борту было всего несколько человек, да и те были заняты – что-то чинили на баке. Мы знали, что капитан Барнард в это время находился в конторе Ллойда и Вреденберга и должен был пробыть там до позднего вечера, поэтому встречи с ним можно было не бояться. Первым на борт поднялся Август, и вскоре я, не замеченный работавшими матросами, проследовал за ним. Мы сразу же пошли в кают-компанию и никого там не застали. Надо сказать, что это было весьма уютное помещение, что для китобойных судов редкость. Здесь имелись четыре замечательные каюты с широкими и удобными койками. Я обратил внимание на большую печь и удивительно толстый дорогой ковер, покрывавший пол салона и кают. Высота потолка достигала ни много ни мало семи футов – короче говоря, все было намного просторнее и приятнее взгляду, чем я ожидал. Впрочем, Август не дал мне времени осмотреться как следует, настаивая на том, что я должен укрыться максимально быстро. Он провел меня в свою каюту, которая была расположена ближе к правому борту брига, рядом с переборками. Когда мы вошли, он закрыл дверь и задвинул засов. Никогда я не видел более приятной комнатки. В ней было около десяти футов в длину и только одна койка, как я уже говорил, широкая и удобная. В ближней к переборкам части находилось отдельное небольшое пространство примерно в четыре квадратных фута, со столом, креслом и несколькими полками, заставленными книгами, в

основном о путешествиях. Каюта была оснащена и другими удобствами, из которых нельзя не упомянуть нечто вроде сейфа или холодильника, в котором Август показал мне изрядный запас вкусовых в двух отделениях, для еды и для напитков.

Потом он надавил кулаком на определенное место на ковре, в углу упомянутого пространства, и рассказал, что люк размером примерно шестнадцать на шестнадцать дюймов был аккуратно вырезан в полу и вставлен обратно. Под его рукой одна сторона люка поднялась настолько, что он смог запустить в образовавшуюся щель пальцы. Подхватив таким образом крышку (ковер был прибит к ней гвоздями), он откинул ее, и я увидел, что ход ведет в задний трюм. Затем Август фосфорной спичкой зажег тонкую свечу и, поставив ее в закопченную лампу, стал спускаться в люк, пригласив следовать за ним, что я и сделал. После этого он закрыл люк, взявшись за специально вбитый с нижней стороны гвоздик – ковер, естественно, встал на место, скрыв все следы отверстия.

Свеча давала такой слабый свет, что мне приходилось с огромным трудом пробираться на ощупь через кладь, среди которой я оказался. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и я, держась за куртку своего товарища, пошел дальше проворнее. В конце концов, после петляния по бесконечным узким коридорам, он вывел меня к обшитому железом ящику из тех, которые иногда используют для хранения фаянса. При высоте почти в четыре фута и длине в добрых шесть футов ящик был чрезвычайно узок. На нем стояли две большие пустые бочки из-под ворвани, а на них до палубы каюты кипой громоздились сложенные друг на друга соломенные циновки. Вокруг все было заставлено всевозможной корабельной утварью, до самого потолка возвышались горы ящиков, корзин и тюков, и, казалось, лишь каким-то чудом нам удалось пробраться сюда. Потом я узнал, что Август специально организовал здесь такой беспорядок, чтобы мне было там безопаснее, причем соорудил он все это с одним лишь помощником, человеком, который в плавание не шел.

Август показал мне, что одна из поперечных стенок обшитого железом ящика открывалась. Сдвинув ее в сторону, он явил моему зрению внутреннее пространство. Я был приятно удивлен. Все дно ящика устилал матрац с одной из коек, внутри были собраны практически все обеспечивающие удобство мелочи, какие можно было уместить в таком небольшом месте, и в то же время там было достаточно просторно, чтобы я мог свободно разместиться в любом положении – хоть сидя, хоть растянувшись во весь рост. Среди прочих вещей здесь были книги, перо, чернила и бумага, три одеяла, большая кружка воды, бочонок с галетами, три-четыре огромные палки копченой болонской колбасы, устрашающих размеров окорок, холодная жареная баранья нога и полдюжины бутылок ликера и других напитков. Я не медля устроился в своем новом обиталище, наверняка испытывая большее чувство удовлетворения, чем любой монарх, когда-либо входивший в новый дворец. Август показал мне, как закрываться в ящике изнутри, а потом, поднеся свечу к самому полу, показал лежащую на нем темную бечевку. Бечевка эта, пояснил он, тянулась от моего тайника между грузами и в конце была привязана к гвоздю, вбитому в палубу трюма прямо под люком, ведущим в его каюту. С помощью этого шнура я всегда мог найти путь без его помощи, если какое-нибудь непредвиденное обстоятельство сделает подобный шаг необходимым. После этого он ушел, оставив мне лампу вместе со щедрым запасом свечей и фосфорных спичек и пообещав навещать меня, как только появится возможность сделать это незаметно. Было это семнадцатого июня.

Три дня и три ночи (во всяком случае, так мне показалось) я провел в своем убежище. Лишь дважды я покидал его, чтобы постоять между двумя ящиками прямо перед входом и размять ноги. Все это время Августа я не видел ни разу, но это меня мало тревожило, поскольку я знал, что бриг мог в любую минуту выйти в море и в суматохе приготовлений у него, наверное, просто не было времени спуститься ко мне. Наконец я услышал, как

открылся и закрылся люк, и вскоре он осведомился тихим голосом, все ли хорошо и не нужно ли мне чего-нибудь.

– Ничего не нужно, – ответил я. – Здесь очень удобно. Когда бриг выходит в море?

– Снимаемся с якоря через полчаса, – сообщил он. – Я пришел, чтобы тебе об этом сказать и чтобы ты не волновался, что меня так долго нет. Теперь я какое-то время не смогу приходить, может, дня три-четыре или даже больше. Наверху все спокойно. После того как я уйду и закрою люк, ты потихоньку иди по бечевке до гвоздя, там найдешь часы – они тебе могут пригодиться, ты же тут не можешь ориентироваться по дневному свету. Наверное, ты даже не представляешь, как долго уже пробыл здесь. Но не так уж долго, всего три дня, сегодня двадцатое. Я бы принес часы сюда, но боюсь, что меня хватят. – С этими словами он ушел.

Примерно через час после того, как он поднялся в каюту, я почувствовал, что бриг пришел в движение, и поздравил себя с тем, что в конце концов честно начал путешествие. Удовлетворившись этой мыслью, я решил расслабиться и спокойно ждать развития событий, когда мне будет позволено сменить мой ящик на более просторное, хотя вряд ли такое же удобное помещение. Первый делом мне нужно было найти часы. Оставив свечу зажженной, я двинулся на ощупь сквозь темноту, следуя за бесконечными поворотами бечевки, которая иногда после долгих блужданий приводила меня к местам в какой-то паре футов от тех, где я уже проходил. Наконец я добрался до гвоздя и, забрав предмет поисков, благополучно вернулся с ним в ящик. Там я осмотрел книги, которыми столь предусмотрительно снабдил меня мой товарищ, и выбрал описание экспедиции Льюиса и Кларка к устью Колумбии. Ею я занимал себя некоторое время, потом почувствовал, что засыпаю, осторожно потушил свечу и погрузился в здоровый сон.

Проснувшись в каком-то странном смятении мыслей, и не сразу мне удалось собрать в единую картину все обстоятельства моего положения. Однако постепенно я вспомнил все. Тогда я зажег свечу и посмотрел на часы, но они остановились, и, следовательно, определить, сколько я проспал, было невозможно. Ноги мои затекли, и, чтобы размять их, мне пришлось выбраться наружу и постоять между ящиками. Почувствовав зверский аппетит, я подумал о холодной баранине, кусок которой с наслаждением съел, перед тем как заснуть. К своему величайшему изумлению, я обнаружил, что она полностью сгнила! Это обстоятельство очень взволновало меня, ибо, соотнеся его с тем возбужденным состоянием, в котором пребывал мой разум после пробуждения, я начал подозревать, что проспал слишком долго. Спертый воздух в трюме, возможно, был тому причиной, и это могло вызвать самые неприятные последствия. Голова болела ужасно, каждый вздох давался с трудом, меня одолевали мрачные предчувствия. Тем не менее я не осмелился открыть люк или сделать нечто подобное, поэтому завел часы и устроился поудобнее в своем ящике.

Следующие томительные двадцать четыре часа ко мне никто не приходил, и я невольно стал винить Августа в безответственности. Больше всего меня тревожило то, что воды в моем кувшине осталось примерно полпинты, а пить хотелось сильно, потому что, лишившись баранины, я налег на копченые колбасы. Испытывая сильнейшую тревогу, я утратил интерес к книгам. Еще меня неудержимо клонило в сон, но мысль о том, чтобы поддаться этому желанию, приводила меня в трепет, ибо я подозревал, что в спертom воздухе трюма могу стать жертвой какого-нибудь пагубного воздействия – например, угарного газа от горящего угля. Тем временем бортовая качка брига указала мне на то, что мы уже вышли в открытое море, а глухой гудящий звук, доносившийся откуда-то издалека, укрепил меня в мысли, что разыгралась сильнейшая буря. Причина отсутствия Августа была мне не понятна. Наверняка мы уже уплыли достаточно далеко, чтобы я мог подняться наверх. С ним могло что-то случиться, но я не мог представить причины, по которой мой товарищ так долго держал меня в заточении, разве что он внезапно умер или упал за борт, и последняя мысль взволновала

меня невероятно. Могло случиться, что нам помешал встречный ветер и мы все еще находились недалеко от Нантакета. Впрочем, от этой мысли мне пришлось отказаться, поскольку в таком случае бриг должен был бы часто делать повороты, но по тому, как он постоянно кренился на левый борт от устойчивого бриза справа, я мог заключить, что мы уверенно шли вперед. К тому же, если мы не смогли отойти от острова, почему бы Августу не спуститься и не рассказать мне об этом? Размышляя таким образом над трудностями своего одинокого и безрадостного положения, я решил подождать еще сутки, а потом, если ничего не изменится, пойти к люку и поговорить со своим товарищем или хотя бы подышать свежим воздухом и пополнить запас воды в его каюте. Занятый этой мыслью, я, вопреки всем попыткам добиться обратного, погрузился в глубокий сон или, правильнее сказать, некую форму оцепенения. Меня посетили видения самого жуткого свойства, в которых я претерпел все возможные беды и ужасы. Среди прочих несчастий демоны самого отвратительного и свирепого вида душили меня насмерть огромной подушкой. Неимоверного размера змеи сжимали меня в кольцо и заглядывали в лицо зловеще блестящими глазами. Потом вокруг меня распростерлись пустыни, бесконечные, безжизненные и повергающие в трепет. Но вот громадные стволы деревьев, серые и голые, поднялись из земли бесконечными рядами повсюду, куда хватало глаз. Корни их увязли в непроницаемо черной неподвижной жиже болот. И странные деревья эти, казалось, были наделены человеческими душами; раскачивая ветвями-скелетами, они молили молчаливые болота о пощаде пронзительными душераздирающими криками, полными неизмеримой боли и отчаяния. Обстановка снова изменилась. Теперь я, нагой и одинокий, стоял посреди горячих песчаных равнин Сахары. У моих ног припадал к песку лютый лев. Внезапно его дикие глаза открылись и он посмотрел на меня. Он резко поднялся и оскалил страшные зубы. В следующий миг из его алой пасти извергся рев, подобный небесному грому, и я пал на землю. Задохаясь от ужаса, я наконец начал просыпаться. Так сон мой был не совсем сном! Во всяком случае, придя в себя, я понял, что лапы какого-то огромного настоящего чудовища попирали мою грудь – горячее дыхание обжигало ухо, во тьме блестели белые отвратительные клыки.

Если бы тысячи жизней зависели от моего движения или произнесенного звука, я и то не смог бы ни пошевелиться, ни заговорить. Неизвестный зверь сохранял свое положение, не пытаясь причинить мне вреда, я же лежал под ним совершенно беспомощно и, как мне казалось, был близок к смерти. Я чувствовал, что силы, физические и умственные, стремительно покидают меня, я умирал, умирал от безраздельного ужаса. Голова у меня закружилась... Внутри все оборвалось... Зрение отказало мне... Даже горящие глаза надо мною погасли. Из последних сил я выдохнул имя Господне и приготовился умирать. Звук моего голоса как будто пробудил скрытую ярость животного. Оно растянулось в полный рост у меня на груди, но изумило меня не это, а то, что вдруг оно принялось облизывать мне лицо и руки с величайшим усердием, самым неумеренным образом показывая приязненность и радость! Я был озадачен и совершенно растерялся... Но я не мог не узнать особенный визг своего ньюфаундленда по кличке Тигр и его неповторимую манеру ластиться. Это был он. В висках застучала кровь, меня охватила радость от головокружительного и всепоглощающего ощущения спасения и возвращения к жизни. Я бросился на шею своему преданному последователю и другу и выплакал тяготивший душу груз потоком горячих слез.

Как и в прошлый раз, когда я поднялся с матраца, мысли мои путались, в голове стоял туман. Долгое время я вовсе не мог ни о чем думать, но постепенно, мало-помалу способность мыслить вернулась ко мне и я снова воскресил в памяти некоторые особенности моего положения. Понять, каким образом здесь мог очутиться Тигр, я так и не смог. После тысячи построенных и отвергнутых гипотез и предположений мне осталось лишь радоваться тому, что он разделит со мной тягостное одиночество и будет утешать своими ласками. Большинство людей любят своих собак, но к Тигру я испытывал чувство намного более теплое, чем

это обычно бывает, и надо сказать, что ни одно существо не заслуживало этого больше. Семь лет мы были неразлучны, и не раз он проявлял все те качества, которые мы так ценим в наших питомцах. Когда он был еще щенком, я спас его, вызволил из рук одного маленького злодея в Нантакете, который вел его с веревкой на шее к воде, и повзрослевший пес отплатил мне той же монетой, когда примерно три года спустя спас меня от дубинки уличного грабителя.

Приложив к уху часы, я обнаружил, что они снова остановились. Это меня нисколько не удивило, потому что по своему особенному состоянию я понял, что проспал, как и раньше, очень долго – как долго, разумеется, определить было невозможно. Я изнывал от духоты, и жажда стала почти нестерпимой. Я пошарил рукой по ящику в поисках скудных запасов воды – света не было, потому что свеча в лампе сгорела до самой подставки, а коробка со спичками не попала под руку сразу. Но, нащупав кувшин, я обнаружил, что он пуст. Несомненно, это Тигр выпил воду точно так же, как он доел баранину, обглоданная кость от которой теперь лежала у входа в ящик. Испорченного мяса мне было не жалко, но при мысли о воде сердце у меня сжалось. К тому времени я совсем обессилел, настолько, что весь дрожал, и от каждого, даже малейшего движения или напряжения меня бросало в озноб. В довершение всего от беспрестанной качки бочки из-под ворвани, стоявшие на моем ящике, грозили в любую минуту свалиться и загородить единственный вход в него. К тому же я очень страдал от морской болезни. Все эти соображения наполнили меня решимостью любой ценой добраться до люка и заручиться помощью до того, как силы покинут меня окончательно. Приняв это решение, я снова начал шарить вокруг себя рукой в поисках коробки спичек и свечей. Первые не без труда мне все же удалось найти, но, так и не обнаружив свечей там, где они должны были находиться (а я очень приблизительно помнил, куда их положил), я отказался от поисков и, велев Тигру сидеть тихо, отправился искать люк.

И тут моя слабость проявилась как никогда. Передвигался я с величайшим трудом, ноги подкашивались. Падая ничком на пол, я несколько минут лежал в состоянии, граничащем с обмороком. И все же я продолжал с трудом идти вперед, каждую секунду опасаясь лишиться чувств посреди узких запутанных проходов между завалами клади – случись это, меня ждало одно – смерть. Наконец, собрав последние силы, я сделал рывок вперед и сильно ударился головой об острый угол какого-то обшитого железом ящика. Столкновение это оглушило меня всего на несколько секунд, но, к моему огорчению, я увидел, что сильнейшей качкой ящик сбросило прямо на проход и дальнейший путь оказался перекрыт. Как я ни старался, сдвинуть его не удалось ни на дюйм, так тесно он вклинился между соседними ящиками и корабельной утварью. Поэтому теперь мне, несмотря на слабость, предстояло либо бросить путеводную бечевку и попытаться найти другой путь, либо перелезть через преграду и продолжить путь с другой стороны. Первое представлялось мне слишком трудным, сопряженным со многими опасностями, от которых меня бросало в дрожь. В нынешнем ослабленном состоянии как тела, так и разума я, решившись на это, наверняка заблудился бы и умер жалкой смертью посреди мрачного, отвратительного лабиринта в трюме. Потому я не колеблясь собрал все оставшиеся силы и стал карабкаться на ящик.

Встав в полный рост, я увидел, что предстоящая задача была еще труднее, чем я думал. Узкий проход был тесно зажат между горами клади, которые при малейшем неосторожном движении могли обрушиться мне на голову. А если бы даже этого не случилось сейчас, путь мог быть окончательно перекрыт потом, когда мне надо будет возвращаться, если упадет еще что-нибудь и образует преграду, подобную той, перед которой я стоял. Сам ящик был высоким, неудобным, и на нем даже негде было ногу поставить. Тщетно старался я всеми возможными способами дотянуться до его верха, чтобы подтянуться на руках. Но оно и к лучшему, потому что, если бы я и дотянулся, мне бы наверняка не хватило сил справиться с поставленной задачей. Наконец, бросившись на ящик в отчаянной попытке сдвинуть его с места, я вдруг почувствовал, что на боковой его стороне что-то дребезжит. Я провел рукой

по краю досок и обнаружил, что одна из них, очень большая, оторвалась от остальных. Орудия перочинным ножом, который я, по счастью, захватил с собой, мне вскоре удалось ее оторвать, а потом, протиснувшись в образовавшееся отверстие, я, к величайшей радости, увидел, что на противоположной стороне досок нет, – другими словами, у ящика не было крышки, а я пробрался в него через дно. Затем я продолжил путь без особых трудностей и вскоре оказался у гвоздя. С трепещущим сердцем я встал в полный рост и осторожно надавил на крышку люка. Вопреки ожиданиям, та не поднялась, и я надавил сильнее, все еще боясь застать в каюте кого-то, кроме Августа. Как ни странно, крышка была неподвижна, и я ощутил беспокойство, потому что помнил: раньше ее можно было открыть очень легко. Я толкнул крышку – та не шелохнулась; я надавил на нее изо всех сил – та даже не приоткрылась; я обрушился на нее в ярости, в гневе, в отчаянии – та с легкостью выдержала мой напор, и по абсолютной неподвижности крышки стало понятно, что либо люк обнаружили и надежно забили гвоздями, либо сверху на него поставили что-то необычайно тяжелое и о том, чтобы сдвинуть его с места, не могло быть и речи.

Все, что я тогда чувствовал, – острейший страх и смятение. Напрасно я гадал, что могло стать причиной моего погребения. Мне так и не удалось собраться с мыслями, и, опустившись на пол, я отдался мрачным видениям, в которых меня настигали самые жуткие виды смерти: кончина от жажды и голода, удушье и погребение заживо. Наконец ко мне отчасти вернулось присутствие духа. Я встал и провел пальцами по люку, надеясь найти какие-нибудь щели или стыки. Обнаружив их, я присмотрелся внимательнее, проверяя, не пропускают ли они свет, но света не было. Тогда я просунул в одну из щелей лезвие ножа и наткнулся на какое-то препятствие. Проведя по нему ножом, я понял, что это массивный кусок железа, и, ощутив некоторую неровность, заключил, что на люке лежит якорная цепь. Теперь мне оставалось лишь вернуться к своему ящику и там принять свою печальную судьбу или же попытаться успокоить свой разум настолько, чтобы придумать план спасения. После преодоления многочисленных препятствий я сумел вернуться к ящику. Когда я, совершенно изможденный, сел на матрац, Тигр лег рядом и прижался ко мне с таким видом, будто хотел утешить меня в моих невзгодах и призывал не падать духом.

Через какое-то время мое внимание привлекла необычность его поведения. Несколько минут он лизал мне лицо и руки, но потом вдруг перестал и завыл низким голосом. Прикоснувшись к нему рукой, я понял, что он лежит на спине, задрал лапы. Уже не в первый раз с ним происходило такое, и это странное поведение оставалось для меня загадкой. Поскольку пес был невесел, я решил, что он где-то поранился. Взяв его лапы, я начал ощупывать их по очереди, но никаких признаков повреждений не обнаружил. Тогда я решил, что он голоден, и подсунул ему большой кусок окорока, который тот жадно проглотил, после чего, однако, вернулся в свое необычное положение. Я было подумал, что он, как и я, испытывает муки жажды, как мне вдруг пришло в голову, что я проверил только лапы, а рана могла быть где-нибудь на туловище или голове. Последнюю я осторожно ощупал, но ничего не нашел. Однако, проведя ладонью по его спине, я обнаружил, что в одном месте шерсть стоит торчком. Мой палец наткнулся на какой-то шнурок, и, проведя по нему, я понял, что шнурок опоясывает все тело. При более внимательном изучении я нашел нечто похожее на ощупь на лист бумаги. Шнурок был продет через него так, чтобы он оказался прямо под левым плечом животного.

3

Первым делом у меня возникла мысль, что это записка от Августа. Должно быть, какая-то необъяснимая причина не позволила ему выпустить меня из темницы и он придумал этот способ, чтобы сообщить мне истинное положение вещей. Дрожа от волнения, я снова принялся за поиски фосфорных спичек и свечей. Я смутно помнил, как перед сном осторожно отложил их в сторону; более того, до путешествия к люку я совершенно точно помнил место, куда положил их. Но теперь я, как ни старался, не мог вспомнить и потому провел целый час в бесплодных поисках пропавших вещей. Вряд ли кому-то доводилось испытывать подобное тревожное ожидание. Продолжая шарить руками и высунувшись из ящика так, что моя голова оказалась рядом с балластом, я вдруг заметил слабый свет. Удивившись, я двинулся в этом направлении, потому что мне показалось, что это совсем близко, в каких-то нескольких футах от меня. Но стоило мне сдвинуться с места, как свет пропал из виду, и снова я увидел его лишь после того, как, держась руками за ящик, вернулся на прежнее место. Осторожно наклоняя голову из стороны в сторону, я выяснил, что, если перемещаться медленно и не в том направлении, куда я изначально пошел, а в противоположном, можно приблизиться к свету, не выпуская его из виду. Наконец, миновав бесчисленное количество узких проходов, я приблизился к источнику света и увидел, что это обломки фосфорных спичек, лежащие на перевернутом бочонке. Пытаясь понять, как они могли попасть сюда, я наткнулся рукой на три восковые свечи, которые явно побывали в зубах у собаки. Пришло понимание, что пес проглотил весь мой запас свечей, и надежда прочесть послание Августа исчезла. Остатки свечей на бочонке были смешаны с прочим мусором, так что использовать их было решительно невозможно, и я совсем было опустил руки. Оставшиеся крупички фосфора я аккуратно собрал и вернулся с ними к своему ящику, где все это время находился Тигр.

Что делать дальше, я не знал. В трюме было так темно, что я не видел своих рук, даже когда подносил их к лицу. Белый прямоугольник бумаги можно было различить с большим трудом, да и то глядя не прямо, а скосив глаза, другими словами – боковым зрением. Можно представить, какая тьма царила в моем узилище, и записка от моего товарища, если это действительно была записка от него, лишь еще больше огорчила меня, растревожив мой и без того ослабленный и уставший ум. Напрасно я прокручивал в голове десятки самых невероятных способов раздобыть огонь – в точности такие порождает беспокойный сон курильщика опиума, когда каждый из них по очереди мнится спящему то в высшей степени разумным, то нелепейшим из замыслов, так же как берет верх то способность здраво рассуждать, то воспаленное воображение. Наконец у меня родилась идея, показавшаяся мне рациональной и заставившая меня, совершенно справедливо, подивиться тому, что я не додумался до этого раньше. Я положил записку на книгу и, собрав остатки найденных на бочонке фосфорных спичек, ссыпал их на бумагу. Потом я стал тереть их ладонью быстро, но равномерно. Фосфор тут же вспыхнул и распространился по всей поверхности, и, если бы на бумаге было что-то написано, я бы, несомненно, прочитал послание без труда. Но там не было ни буквы, ничего, кроме тоскливой, пугающей пустоты. Свет погас через несколько секунд, а вместе с ним угасла и последняя искра надежды в моем сердце.

Я уже не раз упоминал о том, что до этого какое-то время мой разум пребывал в состоянии, близком к идиотии. Несомненно, случались и промежутки полнейшего здравомыслия, и даже всплески энергии, но нечасто. Нельзя забывать, что я наверняка уже несколько дней дышал ядовитым воздухом закрытого трюма китобойного судна, долгое время довольствуясь скудным запасом воды. Последние четырнадцать-пятнадцать часов я вовсе не пил и не спал. Соленые продукты были моей основной, а после утраты баранины и единственной пищей, если не считать галет, от которых мне все равно не было проку, потому что они были

слишком сухими и мое распухшее, высохшее горло не приняло бы их. К этому времени у меня поднялся сильнейший жар, и вообще я чувствовал себя крайне нездоровым. Этим можно объяснить то, что лишь спустя долгие часы, проведенные в унынии после опытов с фосфором, я вдруг сообразил, что осмотрел только одну сторону бумаги. Не стану описывать ту ярость (а я уверен, что тогда самым моим сильным чувством была именно злость), которая обуяла меня, когда внезапно понял, какую чудовищную оплошность совершил. Сама по себе ошибка не была бы такой уж важной, если бы не мои собственные недальновидность и горячность: в расстройстве оттого, что на бумаге не оказалось послания, я, как ребенок, разорвал записку на кусочки и выбросил их, куда – теперь определить было невозможно.

Наиболее трудную часть задачи помогла решить смысленность Тигра. Найдя после продолжительных поисков маленький обрывок, я поднес его к носу пса и попытался дать ему понять, что он должен принести остальные. К моему изумлению (ибо я никогда не учил его тем фокусам, которыми славится его племя), он как будто сразу уразумел, что от него требуется, и, порыскав минуту, нашел еще один клочок бумаги. После этого он уткнулся носом в мою ладонь, кажется, ожидая похвалы. Я потрепал его по голове, и он тотчас продолжил поиски. На этот раз он вернулся через несколько минут, зато принес с собой большой обрывок, как выяснилось, последнюю недостающую часть – оказывается, бумага была порвана всего на три части. К счастью, найти то небольшое, что осталось от спичек, не составило труда – меня направило тусклое свечение, которое еще испускали один-два кусочка фосфора. Испытания научили меня все делать осторожно, и на этот раз я решил сперва хорошенько обдумать предстоящие действия. Существует вероятность, рассуждал я, что на неисследованной стороне бумаги были написаны какие-то слова – но как узнать, на какой? Соединение обрывков бумаги этот вопрос не решило, хоть и указало на то, что все слова (если таковые имелись) теперь оказались на одной стороне и соединились в правильном порядке. Важнее всего было установить правильную сторону, потому что оставшегося фосфора на третью попытку не хватило бы. Как и в прошлый раз, я положил бумагу на книгу и несколько минут просидел перед ней в задумчивости, размышляя о том, что мне предстоит сделать. В конце концов я пришел к выводу, что сторону с текстом вряд ли удастся определить по неровностям на поверхности, если легонько провести по ней пальцами, но решился на этот эксперимент и очень осторожно провел пальцем по стороне, которая была сверху. Ничего не почувствовав, я перевернул бумагу, сложил вместе обрывки. Снова аккуратно проведя по ним указательным пальцем, я обратил внимание, что он ощущает едва различимый, но все же заметный след. Это, догадался я, было вызвано мельчайшими частичками фосфора, которые остались на бумаге с прошлой попытки. Из этого можно было сделать вывод, что надпись располагалась с другой стороны, той, которая сейчас находилась внизу, если, конечно, там вообще было что-то написано. Я опять перевернул обрывки и проделал с ними ту же операцию, что и в прошлый раз. Растертые крошки фосфора матово засветились, и на этот раз на бумаге отчетливо проступили несколько строчек, написанных крупным почерком, очевидно, красными чернилами. Свечение, хоть и было достаточно ярким, продержалось не больше нескольких секунд, которых, не будь я так возбужден, мне вполне хватило бы, чтобы прочитать все три проявившихся предложения (а я увидел, что их было три). Однако от волнения я кинулся читать все одновременно и в итоге сумел ухватить лишь семь слов в конце: «...кровью... Хочешь жить, сиди внизу, не высывайся».

Сумей я прочитать всю записку, сумей понять, что стоит за предостережением, которое таким образом попытался внушить мне мой товарищ, пусть даже мне открылась бы история какого-то неслыханного несчастья, я твердо убежден, что это не наполнило бы меня и десятой частью того мучительного, но непонятного ужаса, который вызвали обрывки полученного таким образом предупреждения. А слово «кровь» – о, это слово, извечно полное тайн, страданий, ужаса, – какой утроенной важностью оно наполнилось сейчас, хоть и было ото-

рвано от предыдущих слов, отчего сделалось неопределенным, как холодно и тяжело каждый слагавший его звук падал посреди мрака моей темницы в самые отдаленные уголки моей души!

У Августа, несомненно, имелись достаточно веские основания советовать мне не покидать тайник, и я строил тысячи догадок, пытаюсь понять их природу, но удовлетворительного решения этой загадки так и не нашел. Сразу после возвращения из последнего путешествия к люку и до того, как мое внимание отвлекло необычное поведение Тигра, я принял решение во что бы то ни стало сделать так, чтобы меня услышали те, кто находился на борту или, если это не удастся, прорезать ход через нижнюю палубу. Некое подобие уверенности в том, что хотя бы одно из этих начинаний окажется успешным, придало мне мужества (которого иначе я бы лишился окончательно) вынести все тяготы моего положения. Но те несколько слов, которые я успел прочитать, отрезали эти пути к спасению, и теперь я впервые в полной мере ощутил всю безысходность своего положения. В припадке отчаяния я бросился на матрац, да так и пролежал на нем примерно сутки в оцепенении, обретая сознание и память лишь на короткие промежутки времени.

В очередной раз поднявшись, я задумался над навалившимися на меня трудностями. Без воды я вряд ли выдержал бы следующие двадцать четыре часа, а больше и подавно. В начале своего заточения я не экономил напитки, которыми снабдил меня Август, но они только усиливали возбуждение и ни в коей мере не утоляли жажду. Все, что я теперь имел, это четверть пинты крепкого персикового ликера, от которого у меня сводило желудок. Колбасы я доел, от окорока остался только небольшой кусочек кожи, а все галеты сожрал Тигр, оставив только крошки. Вдобавок к моим несчастьям, у меня все сильнее болела голова и с каждой минутой усиливался жар, который начал меня беспокоить после того, как я в первый раз заснул. Последние несколько часов мне было трудно дышать, и каждый вдох сопровождался крайне неприятными спазмами в груди. Однако существовал иной, не имеющий к моему самочувствию отношения источник сильнейшего беспокойства, который вывел меня из оцепенения и заставил подняться с матраца. Им стало поведение пса.

Впервые я обратил внимание на изменения в его поведении, когда в последний раз растирал фосфор на бумаге. Когда я этим занимался, он с негромким ворчанием провел носом по моей руке, но я тогда был слишком возбужден, чтобы обратить внимание на это обстоятельство, а потом, напомним, упал на матрац и погрузился в некое подобие летаргии. Сейчас я слышал необычный свистящий звук у себя над ухом и обнаружил, что его издает Тигр, который дышал с присвистом и пребывал в состоянии сильнейшего возбуждения, глаза его неистово сверкали в темноте. Я заговорил с ним, он ответил низким рычанием, а потом замолчал. Вскоре я снова впал в оцепенение, из которого был вырван подобным же образом. Так повторялось три-четыре раза, пока его поведение наконец не вызвало у меня такого страха, что я очнулся окончательно. Теперь он лежал рядом с дверью ящика, негромко, но страшно рыча, и скрежетал зубами, как будто испытывал сильную боль. Я не сомневался, что нехватка воды и свежего воздуха свела его с ума, но не знал, что предпринять. Мысль о том, чтобы убить его, была для меня невыносима, но для собственной безопасности сделать это было необходимо. Я отчетливо видел устремленные на меня глаза, полные враждебной угрозы, и в любую секунду ожидал нападения. Наконец, не в силах более выносить это ужасное положение, я решил любой ценой выйти из укрытия и избавиться от пса, если его враждебность сделает это необходимым. Для этого я должен был перебраться через него, и он, похоже, догадался, что я задумал, потому что поднялся на передние лапы (о чем мне сказала изменившееся положение его глаз) и оскалил все свои белые зубы, легко различимые в темноте. Я взял остатки кожи окорока, бутылку с ликером и засунул их в карманы вместе с большим разделочным ножом, который оставил мне Август. Потом, закутавшись поплотнее в плащ, двинулся в сторону выхода. И как только я это сделал, пес с громким

рычанием бросился к моему горлу. Всем весом своего тела он ударил меня в правое плечо, я отлетел влево, и разъяренное животное оказалось на мне. Я упал на колени, головой в одеяла, и это спасло меня от второй бешеной атаки, во время которой я почувствовал, как острые зубы сжались на шерстяной ткани, оказавшейся вокруг моей шеи, но, к счастью, не смогли пробить складки. Теперь я находился под собакой и через несколько мгновений оказался бы полностью в ее власти. Отчаяние придало мне сил, я храбро поднялся, стряхнув Тигра с себя, и схватил покрывала. Их я набросил на пса и, пока тот не выпутался, выбрался из ящика и закрыл за собой дверь. Однако в борьбе я потерял последний кусочек шкуры окорока, и теперь из провизии у меня осталась только четверть пинты ликера в бутылке. Когда эта мысль промелькнула у меня в голове, я почувствовал, что меня охватывает приступ упрямого безрассудства, безрассудства испорченного ребенка, и, поднеся бутылку к губам, осушил ее, выпив все до последней капли, после чего разбил о пол.

Не успело стихнуть эхо звона осколков, как я услышал свое имя, произнесенное вполголоса, донесшееся откуда-то со стороны руля. Это было настолько неожиданно, и таким сильным было мое волнение, вызванное этим звуком, что я даже не смог ответить. Способность говорить покинула меня, и я, в страхе, что мой товарищ, решив, что я умер, не станет меня искать и уйдет, стоял, дрожа, между ящиками и беззвучно открывал рот, силясь хоть что-то произнести. Если бы один-единственный звук мог передать смысл тысяч слов, я и его не сумел бы вымолвить. Откуда-то из-за клади в некотором отдалении от того места, где находился я, послышался звук движения. Потом звук сделался тише, потом еще тише и затих. Забуду ли я когда-нибудь чувства, которые испытывал в ту минуту? Он уходил, мой товарищ, мой друг, от которого я имел право ждать столь многого, – он уходил – он покидал меня – он ушел! Оставил меня умирать жалкой смертью, угасать в самой ужасной, самой мерзкой из темниц. И одно слово, один короткий звук мог спасти меня... но произнести этот звук я был не в силах! Боль десяти тысяч смертей не сравнится с той болью, что я испытал тогда. Перед глазами у меня все закружилось, и я упал замертво на стенку ящика.

Падая, я выпустил нож из-за пояса, и тот упал со звоном на пол. Никогда ноты самой прекрасной мелодии не звучали столь сладостно для моего слуха! В неимоверном волнении я прислушивался: как этот звук скажется на поведении Августа (а я знал, что звать меня по имени мог только он). Наконец я снова услышал свое имя: «Артур!», произнесенное тихим голосом, тоном, полным сомнения. Возродившаяся надежда вернула мне дар речи, и я закричал изо всех сил:

– Август! О, Август!

– Тише! Ради всего святого, молчи! – ответил дрожащий от волнения голос. – Я сейчас к тебе подойду... Как только проберусь через трюм.

Я слушал, как он перемещается среди клади, и каждый миг ожидания казался мне вечностью. Наконец я почувствовал, как его рука легла мне на плечо, и одновременно с этим он приложил к моим губам бутылку с водой. Лишь те, кто был неожиданно вырван из могилы, и те, кто познал нестерпимые муки жажды в обстоятельствах столь же ужасных, как те, что постигли меня в моем безотрадном остроге, смогут понять чувства, которые породил один-единственный глоток драгоценнейшего из сокровищ, дарованных человеку.

Когда я более-менее утолил жажду, Август достал из кармана три-четыре вареных картофелины, которые я тут же с жадностью проглотил. Он принес с собой фонарь с темным стеклом, и благодатные лучи света были для меня не менее долгожданны и приятны, чем еда и питье. Однако мне не терпелось узнать причину его затянувшегося отсутствия, и он не медля приступил к рассказу о том, что произошло на борту «Косатки» за время моего заточения.

4

Бриг, как я и предполагал, вышел в море примерно через час после того, как Август принес мне часы. Было это двадцатого июня. Напомню, что я провел в трюме уже три дня. И все это время на борту царила суматоха, матросы бегали по всему кораблю, особенно в салоне и в каютах, поэтому, если бы он спустился ко мне, наша тайна могла быть раскрыта. Когда он наконец пришел, я заверил его, что у меня все хорошо, и следующие два дня он особенно обо мне не беспокоился, хотя и искал возможности снова спуститься. И лишь на четвертый день такая возможность представилась. За это время он несколько раз решал рассказать обо всем отцу и выпустить меня на палубу, но мы все еще находились в относительной близости к Нантакету, и по некоторым замечаниям, оброненным капитаном Барнардом, ему стало понятно, что тот вполне может повернуть обратно, если обнаружит меня на борту. К тому же, обдумав положение вещей, Август, как он сказал, не мог предположить, что мне может чего-то не хватать, и решил, что в случае чего я бы непременно постучал в люк. Поэтому он решил не рисковать и ждать, когда появится возможность спуститься вниз, что случилось, как я уже говорил, на четвертый день после того, как он принес мне часы, и на седьмой день моего пребывания в трюме. Он не взял с собой ни воды, ни провизии, намереваясь просто позвать меня к люку, чтобы передать запасы из каюты. Спустившись для этой цели, он застал меня спящим – оказывается, я громко храпел. Насколько я могу судить, то был сон, в который я провалился, вернувшись от люка с часами, и который, очевидно, длился самое меньшее трое суток кряду. Позже я на своем опыте и по рассказам других узнал, какое сильное усыпляющее воздействие на человека производит запах застарелого рыбьего жира в закрытом помещении, и теперь, думая об ужасных условиях, в которых проходило мое заточение в трюме, и о том, как долго бриг использовался в китобойном промысле, я больше удивляюсь тому, что вообще проснулся, однажды заснув, чем тому, что проспал указанный выше срок беспробудно.

Август сперва вполголоса позвал меня, не закрывая люк, но я не ответил. Тогда он закрыл люк и позвал меня громче, а потом совсем громко, но я продолжал храпеть. Он растерялся. Пробраться сквозь завалы в трюме к моему ящику было не так-то просто, это отняло бы много времени, а между тем его отсутствие могло быть замечено капитаном Барнардом, который имел привычку ежеминутно требовать его к себе для разбора и переписывания документов, связанных с рейсом. Поэтому, поразмыслив, он решил подняться и дожидаться другого случая свидеться со мной. В этом решении его укрепило то, что со стороны казалось, будто я сплю самым безмятежным сном, и у него даже не возникло подозрения, что заточение могло приносить мне какие-то неудобства. Едва он об этом подумал, как его внимание привлек какой-то непонятный шум, доносившийся, по-видимому, из салона. Он поспешно выбрался через люк, закрыл его и распахнул дверь своей каюты. И едва Август переступил порог, в лицо ему уперся пистолет, а в следующий миг он полетел на пол от мощного удара вымбовкой по голове.

Сильная рука прижала его к полу, стиснув горло, но он мог видеть, что происходило вокруг. Отец его лежал, связанный по рукам и ногам, на ступеньках трапа головой вниз с глубокой раной на лбу, из которой текла кровь. Он молчал и, судя по всему, умирал. Над ним склонился первый помощник, с дьявольской улыбкой неторопливо шаривший по его карманам, где уже нашел пухлый бумажник и хронометр. Семь человек из команды (среди них был и кок-негр) обыскивали каюты на левом борту корабля и вскоре вооружились ружьями и патронами. Кроме Августа и капитана Барнарда в салоне находились девять человек, и все самые отчаянные и злобные из команды брига.

Негодяи, связав моему товарищу руки за спиной, поволокли его на палубу. Там они направились напрямик на бак, уже захваченный бунтовщиками: двое головорезов сторожили вход с топорами в руках, еще двое дежурили у главного люка. Первый помощник крикнул:

– Эй, там, внизу, слышите меня? Поднимайтесь наверх по одному. И учтите: без шуток!

Прошло несколько минут, прежде чем кто-то появился. Первым вышел англичанин, который записался на корабль необученным матросом, он плакал горячими слезами и подбостранно умолял первого помощника сохранить ему жизнь. Единственным ответом ему был удар топором в лоб. Бедолага, не издав ни звука, рухнул на спину, чернокожий кок поднял его, как ребенка, на руки и выбросил тело в море. Находившиеся внизу услышали удар и всплеск, после чего ни угрозы, ни обещания уже не могли заставить их подняться, пока кто-то не предложил выкурить их оттуда. После этого наверх стали выбегать люди, началась свалка, и какое-то время даже казалось, что бриг может быть отбит, но бунтовщикам удалось закрыть дверь кубрика, когда из него выскочило всего шестеро противников. Эти шестеро безоружных, оказавшись в меньшинстве, после недолгого боя сдались. Первый помощник обещал их помиловать, наверняка в расчете на то, что это заставит сдаться тех, кто остался внизу, потому что тем было слышно все, что говорили на палубе. Результат подтвердил его коварство, равно как и его дьявольскую жестокость. Все, кто находился внизу, согласились сдаться и начали подниматься. Их по одному связывали и бросали на палубу к первым шести. Всего в мятеже не участвовало двадцать семь человек.

Последовала жуткая бойня. Связанных подтаскивали к трапу, там кок бил каждого топором по голове, и несчастную жертву бросали за борт. Двадцать два человека погибли таким образом, и Август уже попрощался с жизнью, ожидая своей очереди, но душегубы либо устали, либо почувствовали отвращение к своему кровавому делу, – во всяком случае, четверых оставшихся пленников вместе с моим другом, которого бросили на палубу к остальным, пока пощадили. Первый помощник послал кого-то за ромом, и началась пьяная вакханалия, которая продолжалась до заката. Потом кровавая компания взялась решать, как поступить с оставшимися в живых, которые лежали в каких-то четырех шагах от них и слышали каждое слово. Выпитое спиртное, похоже, смягчило некоторых бунтовщиков. Кто-то заговорил о том, чтобы освободить пленников, если те согласятся присоединиться к ним и разделить добычу. Но чернокожий кок (истинный дьявол, имевший такое же, если не большее, влияние на своих поделников, чем первый помощник) и слушать не хотел о подобном. Он то и дело порывался продолжить свое кровавое дело на трапе, но, к счастью, был до того пьян, что его без труда удалось удержать менее кровавыми товарищам, среди которых был лотовой, откликавшийся на имя Дирк Питерс. Он был сыном индианки из племени упшароков, которые живут посреди неприступных Скалистых гор, недалеко от истоков Миссури. Его отец, кажется, был торговцем пушниной или, во всяком случае, был как-то связан с индейскими факториями на реке Льюис. Сам Питерс обладал совершенно свирепой внешностью. Росту он был невысокого, не больше четырех футов восьми дюймов, но сложен был как Геркулес. Особенно поражали кисти его рук, просто нечеловеческой ширины и толщины. Руки и ноги Питерса, изогнутые на причудливый манер, казалось, могли сгибаться в разные стороны. Голова, деформированная в не меньшей степени, имела выемку на макушке (какую можно видеть на голове у большинства негров) и была совершенно лысой. Чтобы скрыть последний недостаток, появившийся не от старости, он обычно надевал парик, сделанный из любых материалов, напоминающих волосы, иногда это бывала шкура спаниеля или медведя гризли. В то время, о котором идет речь, его голова была покрыта куском медвежьей шкуры, что придавало его облику еще более свирепый вид, столь характерный для упшароков. Рот у него как будто растянулся от уха до уха, тонкие губы, как и некоторые части лица, казалось, были лишены природной гибкости, из-за чего его выражение остава-

лось неизменным в любом настроении. И что это было за выражение, станет понятно, если упомянуть, что его необычайно длинные, выступающие зубы никогда, ни при каких обстоятельствах даже частично не прикрывались губами. При случайном взгляде на него могло показаться, что этот человек заходится смехом, но второй взгляд давал истинное, бросающее в дрожь впечатление: если на этом лице написано веселье, то это веселье демона. В Нантакете среди моряков ходило множество самых разных историй о нем. Из них можно было заключить, что он обладал невероятной силой, проявлявшейся в минуту крайнего возбуждения, но некоторые рассказы заставляли усомниться в здравости его ума. Однако на борту «Косатки» во время восстания к нему относились скорее с насмешкой, чем с каким-то другим чувством. Я так подробно рассказываю о Дирке Питерсе, потому что, какой бы свирепой ни была его наружность, именно ему Август был обязан своим спасением и потому, что я буду еще часто помянуть его в своем рассказе, рассказе, который, позволю себе заметить, под конец будет повествовать о событиях, столь непривычных для человеческого опыта и потому столь выходящих за рамки человеческого понимания, что я не питаю надежды на то, что мне поверят, хотя искренне думаю, что время и развивающаяся наука подтвердят истинность некоторых из наиболее важных и невероятных из моих утверждений.

После долгих колебаний, несколько раз перераставших в ожесточенные споры, было решено посадить всех пленников (за исключением Августа, которого Питерс как бы в шутку пожелал оставить при себе секретарем) на самый маленький из имевшихся вельботов и оставить в море. Первый помощник спустился вниз проверить, жив ли еще капитан Барнард – напомним, он остался в салоне, когда бунтовщики поднялись на палубу. Через какое-то время они поднялись вдвоем. Капитан, бледный как сама смерть, выглядел, однако, несколько оправившимся от раны. Едва слышным голосом он обратился к ним, пообещал высадить, где они сами пожелают, и не преследовать по закону, если они вернутся к своим обязанностям. С таким же успехом он мог разговаривать с пустым местом. Два негодяя схватили его за руки и швырнули за борт в лодку, которую спустили на воду, пока первый помощник ходил вниз. Четверых лежавших на палубе развязали и приказали следовать за ним, что они и сделали без сопротивления, а Август все так же оставался связанным, хотя пытался высвободиться и молил только об одном: чтобы ему позволили попрощаться с отцом. В лодку передали пригоршню галет и кувшин с водой, не снабдив несчастных ни мачтой, ни парусом, ни веслом, ни компасом. Несколько минут, пока мятежники совещались, лодка болталась за кормой, потом веревку обрубили. К этому времени уже стемнело, ни луны, ни звезд видно не было, и по морю шли короткие сильные волны, хотя дул лишь слабый ветер. Лодка мгновенно потерялась из виду, и надежды на спасение несчастных страдальцев не осталось. Впрочем, произошло это на 35°30' северной широты 61°20' западной долготы, а значит, недалеко от Бермудских островов, поэтому Август утешал себя мыслью о том, что лодка может достичь суши или подойти к островам достаточно близко, чтобы встретить какое-нибудь каботажное судно.

На бриге тем временем подняли все паруса, и он продолжил путь на юго-запад – бунтовщики задумали пиратскую экспедицию и, судя по их разговорам, решили перехватить какое-то судно, идущее с островов Зеленого Мыса в Порто-Рико. Августу развязали руки и перестали обращать на него внимание, запретив, однако, приближаться к салону. Дирк Питерс обращался с ним относительно дружелюбно и однажды спас от жестокости кока. Тем не менее жизнь его все так же висела на волоске, потому что бунтовщики беспробудно пили и полагаться на их хорошее настроение и расположение к себе было нельзя. Впрочем, даже в таком незавидном положении больше всего его беспокоило мое благополучие, и мне никогда не приходилось сомневаться в искренности его дружбы. Несколько раз он пырвался сообщить мятежникам о моем пребывании на корабле, но его останавливали воспоминания о тех зверствах, которым он стал свидетелем, и надежда на то, что в скором вре-

мении ему удастся облегчить мое положение. Чтобы добиться этого, он всегда был начеку, но, несмотря на это, такая возможность появилась лишь на третий день после того, как вельбот был брошен в море. В ночь на четвертый день с востока налетел сильный ветер, и все, кто был на судне, бросились к парусам. Во время последовавшей неразберихи он незаметно спустился вниз и проник в свою каюту. Каковы были его печаль и ужас, когда он увидел, что каюту превратили в склад припасов и корабельной утвари. Несколько сажень старой якорной цепи, которая хранилась под лестницей в кают-компании, перенесли сюда, чтобы освободить место для какого-то сундука, и положили прямо на люк! Убрать его, не привлекая к себе внимания, было невозможно, поэтому он поспешил вернуться на палубу. Когда он поднялся, первый помощник схватил его за горло и, спросив, чем он занимался внизу, уже хотел бросить за борт, но моего товарища снова спасло вмешательство Дирка Питерса. На руки Августу надели наручники (на судне имелось несколько штук), а ноги крепко связали. Затем его отнесли на нижнюю палубу и заперли в каюте, примыкающей к стенке бака, пообещав, что ноги его не будут на палубе, «пока бриг остается бригом». То были слова кока, который бросил его на нижнюю койку, и трудно понять, что он хотел этим сказать. Однако, как сейчас станет понятно, именно благодаря этому происшествию я оказался на свободе.

5

Несколько минут после того, как кок покинул бак, Август предавался отчаянию, не думая выйти живым из каюты. Он принял решение рассказать обо мне первому помощнику, рассудив, что лучше дать мне хоть какой-то шанс на спасение, чем позволить умереть в трюме от жажды, ибо к тому времени прошло уже десять дней моего заточения, а оставленного мне кувшина с водой не хватило бы и на четыре. Пока он размышлял подобным образом, ему неожиданно подумалось, что можно попробовать связаться со мной через главный трюм. В других обстоятельствах трудность и опасность подобной затеи заставили бы его отказаться от ее осуществления, но сейчас, когда надежды на спасение не оставалось, а значит, и терять было нечего, он занялся составлением плана.

Первым делом нужно было позаботиться о наручниках. Поначалу он не видел способа избавиться от них и испугался, что потерпит неудачу в самом начале, но, присмотревшись к ним повнимательнее, обнаружил, что их можно попросту стянуть с рук без особых усилий и не причинив себе вреда – подобные оковы малопригодны для удерживания молодых людей, у которых мелкие кости легко поддаются сдавливанию. Освободив руки, он развязал веревку на ногах, но оставил в таком положении, чтобы ее можно было быстро снова завязать, если кто-то спустится к нему, после чего принялся осматривать переборку в том месте, где она примыкала к койке. Стена представляла собой лист мягкой сосновой древесины толщиной в дюйм, и прорезать в ней отверстие не составляло труда. В это время с ведущего в кубрик трапа раздался голос, и он едва успел продеть правую руку в наручник (левую он не освобождал) и затянуть узел на лодыжках, как в каюту вошел Дирк Питерс с Тигром, который тут же запрыгнул на койку и улегся. Собаку взяли на борт по настоянию самого Августа, который знал мою привязанность и решил, что мне будет приятно путешествовать вместе с ней. Он сходил домой за животным сразу после того, как закрыл меня в трюме, но забыл об этом упомянуть, когда принес мне часы. С начала мятежа и до нынешнего его появления с Дирком Питерсом Август Тигра не видел и решил, что его бросил за борт кто-то из банды первого помощника. Позже выяснилось, что он заполз в щель под одним из вельботов, да так и застрял в ней, потому что там ему не хватило пространства, чтобы развернуться. Питерс освободил его и с доброжелательством, которое мой товарищ по достоинству оценил, привел пса к нему, заодно оставив ему солонины, несколько картофелин и кружку с водой, пообещав вернуться на следующий день и принести еще еды.

Когда он ушел, Август, освободив обе руки и развязав ноги, откинул изголовье матраса, на котором лежал, и перочинным ножом (благо негодяи не додумались его обыскать) принялся решительно резать одну из досок переборки как можно ближе к полу. Место это он выбрал специально, чтобы можно было быстро закрыть матрацем свою работу, если кто-нибудь опять явится. Но в течение дня его никто не беспокоил, и к вечеру он прорезал планку насквозь. Тут надо упомянуть, что никто из бунтовщиков после захвата судна не спал в кубрике, потому что все они теперь жили в кают-компании, бражничали за счет запасов капитана Барнарда и занимались управлением брига, только когда это было совершенно необходимо. Мне и Августу это было только на руку, ибо в противном случае он бы попросту не смог добраться до меня. Но, к счастью, все обстояло именно так, и он уверенно взялся за выполнение своего плана. Однако лишь перед самым рассветом он закончил вторую прорезь в доске, примерно в футе над первой, проделав таким образом отверстие достаточно большое, чтобы можно было через него без труда пролезть на нижнюю палубу. Оттуда было легко добраться до главного нижнего люка, хотя для этого ему пришлось перебираться по бочкам для ворвани, ярусы которых чуть не упирались в верхнюю палубу, так что там едва оставалось место для того, чтобы протиснуться. Добравшись до трюма, он обнаружил, что Тигр все

это время следовал за ним, только полз между двумя рядами бочек ниже. Однако отыскать меня до зари он не успел бы, потому что ему предстояла главная трудность – пройти по тесно забитому нижнему трюму, поэтому решил вернуться и дожидаться следующей ночи. С этой мыслью он приоткрыл люк, чтобы в следующий раз как можно меньше задерживаться. И как только он это сделал, Тигр прыгнул к образовавшейся щели, принялся, протяжно заскулил и начал царапать пол лапами так, словно хотел поскорее открыть люк. Все его поведение, несомненно, указывало на то, что он учуял хозяина, и Август решил, что пес сможет меня найти, если спустить его вниз. Заодно можно было послать мне с ним записку, потому что было крайне важно, чтобы я не пытался выбраться самостоятельно, во всяком случае, в сложившихся обстоятельствах, поскольку он не был уверен, что сможет добраться до меня на следующий день, как намеревался. Последующие события показали, что это была счастливая идея, поскольку, если бы не эта записка, я бы наверняка решился на какой-нибудь отчаянный шаг, чтобы привлечь к себе внимание, что наверняка стоило бы нам обоим жизни.

Решение написать послание было принято, но теперь встала новая задача: где взять бумагу и чем писать? Вскоре старая зубочистка была превращена в перо, причем вслепую, потому что между палубами стояла крошечная тьма. На бумагу было пущено письмо, вернее, дубликат поддельного письма мистера Росса. Это был первоначальный набросок, который не пошел в дело из-за того, что почерк получился не слишком похожим на образец, и Август тогда изготовил второй вариант, по счастливой случайности сунув первый себе в карман куртки, где он весьма кстати обнаружился теперь. Не хватало только чернил, и им тут же была найдена замена, для чего перочинным ножом был произведен небольшой надрез на внешней стороне пальца над ногтем. При ранах такого характера всегда вытекает довольно много крови. Итак, послание было написано, насколько позволяли обстоятельства и темнота. В записке кратко сообщалось, что на корабле случился бунт, что капитана Барнарда пересаживали в лодку и что скоро мои запасы будут пополнены, но я не должен обнаруживать свое присутствие. Заканчивалось послание словами: «Я пишу это своей кровью. Хочешь жить – сяди внизу, не высывайся».

Привязав листок бумаги к собаке, Август спустил ее в люк и поспешил обратно в кубрик, пока туда не пришел никто из команды. Чтобы скрыть отверстие в перегородке, он вонзил чуть повыше нее свой нож и повесил на него матросскую куртку, которую нашел в каюте. После этого он надел на себя наручники и обвязал лодыжки веревкой.

Едва он покончил с этим, как в каюту вошел Дирк Питерс, сильно пьяный, но в приподнятом настроении. Он принес щедрую порцию провизии – дюжину печеных картофелин и кувшин воды. Он немного посидел на сундуке рядом с койкой, рассказывая Августу о первом помощнике и о делах на бриге. Настроение у него часто менялось, и вообще он держался как-то неестественно, так что Август даже начал сильно волноваться, но наконец Питерс ушел на палубу, буркнув пленнику, что завтра принесет обед получше. Днем в каюту спустились еще двое из команды (гарпунщики) вместе с коком, и все трое были настолько пьяны, что едва держались на ногах. Подобно Питерсу, они не таясь обсуждали свои планы. Похоже, в их рядах наметился раскол, вызванный конечной целью их путешествия, и сходились они только на том, что нужно напасть на судно, идущее с островов Зеленого Мыса, которое они ожидали встретить в ближайшие часы. Насколько можно было понять из их разговоров, бунт на «Косатке» был поднят не только ради наживы. Основной причиной была давняя неприязнь первого помощника к капитану Барнард. Теперь же команда разделилась на две группировки, одну из которых возглавлял первый помощник, а вторая сплотилась вокруг кока. Первая группа была за то, чтобы захватить первое же встреченное пригодное судно и снарядить его на каком-нибудь из Вест-Индских островов для пиратского промысла, вторая же группа, более сильная, к которой примыкал и Дирк Питерс, склонялась к тому, чтобы вести бриг, как и планировалось изначально, в южную часть Тихого океана и там

либо добыть кита, либо действовать по обстоятельствам. Доводы Питерса, который много раз бывал в этих местах, очевидно, показались убедительными бунтовщикам, колебавшимся между жадой наживы и развлечений. Он рассказывал о том, какую райскую жизнь можно найти на бесчисленных островах Тихого океана, о том, как они будут наслаждаться полнейшей безопасностью и свободой от каких бы то ни было ограничений, но пуще всего живописал благодатный климат, изобилие живой природы и красоту местных женщин. И все же пока никакого решения принято не было, хотя картины, нарисованные полукровкой лотовым, распалили воображение моряков, и вероятность того, что его сторона в конце концов возьмет верх, была очень велика.

Все трое ушли примерно через час, и больше в тот день в кубрик никто не наведывался. Август выжидал почти до ночи, потом освободил себя от веревки и наручников и стал готовиться к спуску в трюм. На одной из коек нашлась бутылка, ее он наполнил водой из оставленного Питерсом кувшина и рассовал по карманам холодные картофелины. К его огромной радости, в каюте обнаружился фонарь с сальным огарком. Зажечь его он мог в любое время, потому что у него был коробок фосфорных спичек. Когда совсем стемнело, он пролез через отверстие в перегородке, предварительно сложив одеяло на койке так, чтобы казалось, будто под ним лежит человек. Очутившись на другой стороне, он, как и прежде, скрыл отверстие, повесив куртку на нож, что сделать было несложно, поскольку он не стал вставлять на место вырезанный кусок доски. Теперь он находился на нижней палубе и снова начал пробираться к главному люку между верхней палубой и бочками для ворвани. Оказавшись на месте, он зажег фонарь, спустился вниз и с огромным трудом, едва ли не на ощупь начал пробираться между завалами в трюме. Почти сразу он почувствовал непереносимую вонь и духоту и у него зародилось страшное подозрение, что я попросту мог не выдержать столь долгого заточения, дыша таким спертым воздухом. Он постоянно звал меня по имени, но я не откликался, и это подтверждало его опасения. Бриг бросало из стороны в сторону, и это сопровождалось таким шумом, что нечего было и думать услышать какой-нибудь тихий звук наподобие дыхания или храпа. Открыв заслонку фонаря, он поднимал его как можно выше при каждой возможности, чтобы я, если еще был жив, увидел свет и понял, что помощь близко. Но я не давал о себе знать, и предположение о моей смерти начало постепенно превращаться в уверенность. И все же он решил, если получится, добраться до ящика и убедиться, что не ошибся. Какое-то время он с тяжелым сердцем продвигался вперед, пока наконец не оказался на месте, где путь был загроможден так, что дальше идти не было никакой возможности. Чувства переполнили его, он бросился на бревна и зарыдал как ребенок. Тогда-то он и услышал звон разбитой мною бутылки. Поистине это было счастливое совпадение, ибо случайность эта, при всей незначительности, определила мою судьбу. Но я узнал об этом лишь через много лет. Природный стыд и сожаление о своей слабости и нерешительности не позволили Августу сразу открыть мне то, в чем возникшие со временем более близкие и открытые отношения побудили признаться впоследствии. Обнаружив на пути непреодолимое препятствие, он решил оставить попытки добраться до меня и тотчас вернулся в кубрик. Но, прежде чем насылать на него проклятия за это, нужно вспомнить о тех обстоятельствах, которые осложняли его положение. Ночь близилась к концу, и его отсутствие в любую минуту могли обнаружить, и это произошло бы непременно, если бы он не успел вернуться в каюту до рассвета. Свеча в его фонаре догорала, и в темноте найти дорогу обратно к люку было бы крайне затруднительно. Нужно принять во внимание и то, что у него имелись причины полагать, что я умер, и потому так рисковать, чтобы добраться до моего ящика, просто не имело смысла. Я не отвечал на его призывы. К тому времени я провел в трюме одиннадцать дней и ночей лишь с тем запасом воды, который он оставил мне в кувшине и который я вряд ли стал бы экономить, поскольку у меня имелись все причины ожидать скорой развязки. Да и воздух в трюме после сравнительно открытой каюты ему должен был показаться

совершенно ядовитым и гораздо более невыносимым, чем он показался мне, когда я только поселился в ящике – к тому времени люк оставался открытым на протяжении нескольких месяцев. Но я уверен, что, если добавить к этим соображениям еще те сцены кровопролития и зверств, совсем недавно случившихся на глазах у моего товарища, выпавшие на его долю лишения, тот факт, что он сам едва избежал смерти, его слабость и сохранявшееся двусмысленное положение – обстоятельства, как будто специально сложившиеся так, чтобы истощить душевные силы, – читатель отнесется к его несостоятельности в дружбе и в вере скорее с сочувствием, нежели с порицанием.

Звук разбившейся бутылки был слышен отчетливо, хотя Август не был уверен, что он донесся из трюма, однако тени сомнения оказалось достаточно, чтобы продолжить поиски. Он взобрался по грузу почти до нижней палубы и, дождавшись, когда качка немного стихла, выкрикнул мое имя изо всех сил, хоть и знал, что его могли услышать наверху. Нужно напомнить, что именно этот его крик я услышал, когда от волнения не смог ничего ответить. Уверившись в том, что его худшие опасения оправдались, он спустился, намереваясь не теряя времени вернуться в каюту, но в спешке опрокинул несколько небольших ящичков, что вызвало шум, который я тоже услышал. Он уже проделал значительный путь обратно, когда падение ножа заставило его остановиться. Он тут же вернулся, снова вскарабкался на груз и опять, дождавшись затишья, так же громко, как прежде, позвал меня по имени. На этот раз я нашел в себе силы ответить. Обрадовавшись тому, что я все еще жив, он решил во что бы то ни стало добраться до меня, невзирая на сложности и опасность. Выбравшись из образованного грузом лабиринта, он наткнулся на шаткое бревно в завале и после долгой борьбы в состоянии полнейшего изнеможения наконец оказался у моего ящика.

6

Все это я услышал от Августа, пока мы стояли у ящика. Подробности он поведал позже. Август очень боялся, что его хватятся, а я, сгорая от нетерпения, рвался как можно скорее покинуть ненавистное место своего заключения. Мы решили сразу идти к дыре в перегородке, у которой я должен был остаться, пока он будет производить разведку. Ни ему, ни мне не хотелось оставлять Тигра в ящике, но как поступить с ним, мы не знали. Он сидел очень тихо – мы, приложив уши к ящику, не слышали даже дыхания, поэтому, решив, что он умер, я открыл дверь. Мы нашли его на полу, он лежал, растянувшись во весь рост, в глубоком оцепенении, но жизнь еще теплилась в нем. Времени терять было нельзя, но я не мог бросить животное, которое, можно сказать, дважды спасло мне жизнь, не попытавшись помочь ему. Мы взяли его на руки и понесли, хоть это было очень тяжело и мы падали от усталости, причем Август несколько раз был вынужден с огромной собакой на руках преодолевать препятствия – подвиг, на который я из-за крайней слабости был совершенно не способен. Наконец нам удалось дойти до дыры, через которую проник Август, и мы протиснули в нее Тигра. Все было спокойно, и мы искренне возблагодарили Господа за то, что Он уберег нас от неминуемой опасности. Предварительно было решено, что я останусь рядом с дырой, через которую Август сможет без труда передавать мне часть своего ежедневного пайка и где я смогу дышать более-менее чистым воздухом.

В объяснение тех частей моего рассказа, в которых я описываю корабельный груз и которые могут показаться сомнительными тем моим читателям, кто видел, как по правилам должно загружаться судно, я должен заявить, что ответственность за столь небрежное исполнение этой крайне важной обязанности целиком и полностью лежит на капитане Барнарде, оказавшемся совсем не таким внимательным и опытным моряком, как того, очевидно, требовало исполнение столь важного служебного долга. Беспечность при погрузке судна недопустима, и я лично знаю множество примеров того, как халатность или нерадивость в этом деле становились причиной катастроф с самыми печальными последствиями. Каботажные суда, которые постоянно загружаются и разгружаются в спешке, чаще всего страдают от неправильного размещения грузов. Главная задача погрузчика – добиться того, чтобы груз или балласт оставался неподвижным даже при самой сильной качке. Чрезвычайно важно уделять особое внимание не только объему принимаемого груза, но и его характеру, а также тому, полностью будут заняты трюмы или частично. В большинстве случаев устойчивость груза достигается уплотнением. Так, скажем, табаком или мукой трюм заполняют настолько плотно, что тюки или мешки при разгрузке оказываются совершенно сплюснутыми и принимают изначальную форму только спустя время. Однако в подобных случаях к уплотнению прибегают в основном для того, чтобы максимально увеличить вместимость трюма, поскольку при полной загрузке такими продуктами, как мука или табак, смещения груза не происходит, по крайней мере, в той степени, чтобы представлять какую-то угрозу. Впрочем, известны инциденты, когда подобный вид погрузки приводил к самым печальным последствиям, вызванным, однако, причинами, никоим образом не связанными со сдвигом груза. К примеру, известен случай, когда уложенная при определенных условиях партия хлопка через какое-то время увеличилась в объеме и попросту разорвала корпус судна в открытом море. Не вызывает сомнения, что подобное могло бы происходить и при перевозке табака по причине свойственной ему ферментации, если бы не зазоры, появляющиеся между мешками из-за их округлости.

Опасность сдвига в основном возникает, когда трюм заполняется не полностью, и в таких случаях жизненно важно принимать необходимые меры предосторожности. Лишь те, кто встречался с диким яростным штормом, вернее, те, кто испытывал качку в неочи-

данно наступающем после бури штиле, могут представить себе невероятную силу, с которой ныряет судно, и то, какую чудовищную движущую силу это придает находящимся на борту незакрепленным предметам. Именно такие случаи наглядно показывают необходимость тщательной укладки груза в незаполненном трюме. Когда судно с неправильно сконструированным баком (особенно с небольшим числом парусов) лежит в дрейфе, его часто кренит набок, что в среднем происходит каждые пятнадцать – двадцать минут, но без каких-либо серьезных последствий, если груз уложен правильно. Но если погрузке не было уделено должное внимание, при первом же сильном наклоне весь груз съезжает на ту сторону, которая лежит на воде, из-за чего судно теряет возможность вновь обрести равновесие, как непременно произошло бы в противном случае, в считанные секунды набирает воду и идет на дно. Не будет преувеличением сказать, что не меньше половины примеров, когда суда тонут во время шторма, происходят по причине смещения груза или балласта.

При перевозке штучного товара груз после его как можно более плотного размещения необходимо накрыть толстым слоем прочных досок по всей ширине судна. На эти доски следует установить временные стойки до бимсов – так все будет надежно закреплено. При перевозке зерна или подобных продуктов требуются дополнительные меры предосторожности. Трюм, полностью загруженный зерном на выходе из порта, в пункте назначения окажется заполненным на три четверти, хотя, если грузополучатель измерит зерно бушель за бушелем, его объем за счет разбухания в значительной степени увеличится по сравнению с отправленным. Это происходит за время пути в результате утряски, и утряска тем значительнее, чем хуже погода. Если же зерно просто засыпать в трюм, как ни крепи его досками и стойками, все равно за время долгого плавания оно сдвинется настолько, что может стать причиной губительных последствий. Дабы этого избежать, необходимо еще в порту перед отплытием принять все меры для того, чтобы утрясти груз наилучшим образом, и для этого существует множество приемов, среди которых можно упомянуть вбивание клиньев в зерно. Но даже после того, как все доски перекрытия надежно закреплены, ни один опытный моряк не будет чувствовать себя в полной безопасности с грузом зерна на борту даже в самый незначительный шторм, и менее всего, если трюм заполнен не полностью. Однако сотни наших каботажных судов и, несомненно, во много раз больше судов из европейских портов ежедневно выходят в море с неполными трюмами даже самых опасных для перевозки товаров, не соблюдая никаких мер предосторожности. Поистине удивительно, что крушения не происходят еще чаще. Один прискорбный случай подобного безрассудства произошел, насколько мне известно, с Джоэлом Райсом, капитаном шхуны «Светлячок», которая в 1825 году вышла из Ричмонда, штат Виргиния, на Мадейру с грузом кукурузы. За плечами капитана было немало плаваний, и с ним ни разу не случилось сколько-нибудь серьезного происшествия, хотя он имел привычку не следить за погрузкой, разве что проверял, чтобы груз был закреплен как следует. Сыпучих грузов ему до сих пор возить не приходилось, и на этот раз он просто ссыпал кукурузу в трюм, не заполнив его и наполовину. Большая часть путешествия проходила под легким бризом, но в дне пути от Мадейры его настиг штормовой норд-норд-ост, заставив лечь в дрейф. Капитан Райс развернул шхуну в бейдевинд³, оставив лишь фок⁴, взятый на второй риф, и она пошла, как полагается, не зачерпнув ни капли воды. К ночи ветер немного стих, и она начала раскачиваться сильнее, но по-прежнему держалась уверенно, пока сильный крен не положил ее на правый борт. После этого моряки услышали, как пересыпается кукуруза. Под ее напором был вырван главный люк, и судно камнем пошло ко дну. Произошло это на расстоянии слышимости от небольшого шлюпа с

³ Курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и направлением ветра меньше 90° (8 румбов).

⁴ Первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами.

Мадейры, который подобрал одного из моряков (единственного, которому удалось спастись) и в полной сохранности преодолел шторм, что произошло бы и с любой лодкой при должном управлении.

«Косатка» была загружена крайне небрежно, если практически беспорядочное сваливание в кучу бочек для ворвани⁵ вместе с предметами корабельного хозяйства вообще можно назвать загрузкой. Между составленными на нижней палубе горой бочками и верхней палубой, как я уже говорил, оставался просвет, достаточный для того, чтобы я мог в него протиснуться, кроме этого в трюме имелись и другие большие пустоты. Пустое место было оставлено вокруг главного люка. Рядом с отверстием, прорезанным в стене Августом, поместилась бы целая бочка, там я и расположился с удобством.

К тому времени как мой товарищ вернулся в каюту и надел на себя наручники и веревку, уже совсем рассвело. И надо сказать, что нам очень повезло, ибо, едва он с этим покончил, вниз спустился помощник капитана вместе с Дирком Питерсом и коком. Они какое-то время говорили о судне с островов Зеленого Мыса и, кажется, были весьма взволнованы его скорым появлением. Потом в каюту Августа вошел кок и сел рядом в изголовье койки. Мне в моем укрытии было все видно и слышно каждое слово, потому что вырезанный из стены кусок мы так и не вставили на место, и я ждал, что в любую секунду негр провалится через завешенное курткой отверстие и все откроется, после чего нас, конечно же, недолго думая пустят в расход. Однако удача не отвернулась от нас. Из-за качки он несколько раз прикасался к куртке, но не настолько сильно, чтобы почувствовать за ней пустоту. Нижняя часть куртки была предусмотрительно прикреплена к койке, чтобы она, случайно качнувшись, не открыла отверстие. Все это время Тигр лежал под койкой, и к нему, кажется, начали возвращаться силы, потому что я видел, как он время от времени открывал глаза и делал глубокие вдохи.

Через несколько минут первый помощник и кок поднялись наверх, оставив с Августом Дирка Питерса, который, как только они ушли, вошел в каюту и сел на то самое место, где только что сидел первый помощник. Он завел весьма оживленный разговор с Августом, и мы поняли, что его показное опьянение по большей части было притворством для отвода глаз помощника капитана и кока. Он совершенно спокойно и открыто отвечал на все вопросы, заверил Августа, что его отца наверняка подобрали, потому что в тот день, когда его посадили в лодку, перед самым закатом на горизонте он видел никак не меньше пяти парусников, и вообще всячески старался его утешить, что удивило меня не меньше, чем обрадовало. Более того, у меня зародилась надежда, что при посредничестве Питерса мы сможем захватить власть на бриге, и я упомянул об этом Августу при первой же возможности. Он счел это возможным, но тут же заметил, что в этом деле нужна крайняя осторожность, поскольку такое дружелюбное поведение метиса было, судя по всему, не более чем случайной блажью, мало того, невозможно было даже сказать, в своем ли он уме. Питерс ушел на палубу примерно после часа разговора с Августом и вернулся лишь в полдень с изрядным запасом солонины и пудинга. Когда мы снова остались одни, я выбрался из своего убежища и наелся досыта. Больше в тот день в кубрик никто не спускался, и ночью я улегся на койку Августа и проспал блаженным сном почти до рассвета, когда он разбудил меня, услышав какое-то движение на палубе, после чего я поспешил вернуться в свой тайник. Когда стало совсем светло, мы заметили, что Тигр почти полностью восстановил силы и не обнаруживает никаких признаков водобоязни. Мы дали ему немного воды, и он с жадностью вылакал ее. В течение дня к нему вернулись прежние энергия и аппетит. Его необычное поведение, несомненно, было вызвано вредоносным воздухом в трюме и не было связано с собачьим бешенством.

⁵ Китобойные суда обычно оснащаются железными контейнерами для ворвани. Почему в «Косатке» было по-другому, мне не известно. (Примеч. авт.)

Я не нарадовался тому, что убедил Августа забрать его из ящика. То было тридцатое июня, тринадцатый день плавания.

Второго июля первый помощник спустился вниз, как всегда навеселе и в необычно приподнятом настроении. Он подошел к койке Августа и, хлопнув по спине, осведомился, не станет ли тот баловать, если он его отпустит, и обещает ли он не ходить больше в салон. На это мой друг, разумеется, ответил утвердительно, после чего негодяй снял с него наручники и веревку, предварительно заставив отпить из фляги с ромом, которую достал из кармана куртки. Они вместе ушли на палубу, и следующие три часа я Августа не видел. Затем он спустился с хорошей новостью: ему разрешили свободно перемещаться по носовой части брига вплоть до грот-мачты⁶, а спать велели, как обычно, в кубрике. Он принес мне сытный обед и хороший запас воды. Бриг все еще курсировал в ожидании судна с островов Зеленого Мыса, и недавно на горизонте показался парус, как предполагалось, тот самый. Поскольку последующие восемь дней не ознаменовались сколько-нибудь важными событиями и не имеют непосредственного отношения к моему повествованию, я передам их в форме дневника, потому как не хочу их совсем пропускать.

3 июля. Август снабдил меня тремя одеялами, из которых в своем тайнике я обустроил уютное ложе. В течение дня в кубрик, кроме моего друга, никто не спускался. Тигр устроился под койкой у самой дыры в перегородке и долго крепко спал, как будто еще не совсем оправился. Вечером на бриг неожиданно налетел порыв сильного ветра, паруса убрать не успели, и судно едва не перевернулось. Сразу после этого шквал утих, не причинив вреда, лишь сорвал парус на фок-мачте. Весь этот день Дирк Питерс держался с Августом приветливо, подолгу рассказывал ему о Тихом океане и о находящихся в этих водах островах, на которых бывал. Он спросил Августа, не хочет ли тот отправиться с бунтовщиками в своего рода исследовательскую экспедицию по тем широтам, и сообщил, что команда все больше склоняется на сторону помощника капитана. На это Август благоразумно ответил, что будет рад принять участие в таком приключении, раз ничего другого все равно не остается, и что это в любом случае предпочтительнее, чем пиратский промысел.

4 июля. Корабль на горизонте оказался небольшим бригом из Ливерпуля – его не тронули. Август почти все время проводил на палубе, где по мере сил собирал сведения о намерениях мятежников. Те часто ссорились, дело доходило до жестоких драк, в одной из которых гарпунер Джим Боннер был выброшен за борт. Джим Боннер входил в банду кока, к которой принадлежал и Питерс.

5 июля. На рассвете налетел мощный бриз с дождем, к полудню превратившийся в штормовой ветер, поэтому пришлось убрать все паруса, кроме триселя⁷ и фока. Когда убрали фор-топсель⁸, Симмс, один из матросов, также примыкавший к банде кока, упал с мачты в воду и утонул. Он был очень пьян, и попыток его спасти не предпринималось. Теперь на борту осталось тринадцать человек: Дирк Питерс; Сеймур, чернокожий кок; Джонс, Грили, Харман Роджерс и Уильям Аллен – все из группировки кока; первый помощник капитана, имени которого я так и не запомнил; Авессалом Хикс, Уилсон, Джон Хант и Ричард Паркер из группировки первого помощника; Август и я.

6 июля. Весь день продолжался шторм и лил дождь. В бриг сквозь щели натекло немало воды, поэтому один из насосов работал не переставая. Августа тоже подключили к работе. Как только стемнело, рядом с нами прошел большой корабль, причем никто не замечал его, пока он не оказался совсем рядом. Это было то самое судно, за которым охотились бунтовщики. Первый помощник окликнул его, но ответ потонул в реве шторма. В одиннадцать

⁶ Судовая мачта, обычно вторая мачта, считая от носа судна.

⁷ Косой четырехугольный парус, имеющий форму неправильной трапеции.

⁸ Косой треугольный или трапециевидный дополнительный парус.

большая волна захлестнула середину корабля, вырвала большую часть левого фальшборта⁹ и причинила другие незначительные повреждения. Ближе к утру погода успокоилась, и на рассвете ветер почти стих.

7 июля. Весь день море было беспокойным, и бриг, корабль легкий, немилосердно швыряло из стороны в сторону. В трюме многие вещи сорвались со своих мест, и я из своего убежища отчетливо слышал грохот внизу. Меня одолела морская болезнь. В этот день Питерс долго разговаривал с Августом и рассказал, что двое с его стороны, Грили и Аллен, перешли на сторону первого помощника и решили стать пиратами. Он задал Августу несколько вопросов, которых тот не понял. Вечером корабль дал течь, и с этим ничего нельзя было поделать, поскольку вода заливалась через швы, расширившиеся из-за сильного напряжения, которое испытывал корпус. Пришлось отрезать кусок паруса и завести его под нос, что помогло до определенной степени уменьшить течь.

8 июля. На восходе с востока подул легкий бриз, и первый помощник направил бриг на юго-запад к Вест-Индским островам, намереваясь заняться пиратством. Ни Питерс, ни кок возражать не стали, во всяком случае, Август ни о чем таком не слышал. От идеи захвата корабля с островов Зеленого Мыса отказались. С течью теперь без труда справлялись, достаточно было каждые три четверти часа откачивать воду одним из насосов. Парус из-под носа убрали. За день обменялись приветствиями с двумя небольшими шхунами.

9 июля. Хорошая погода. Все заняты починкой фальшборта. Питерс опять долго беседовал с Августом и был как никогда откровенен. Он сказал, что ничто не заставит его принять сторону первого помощника, и даже намекал, что подумывает, не отобрать ли у него бриг. Потом он спросил моего друга, может ли он рассчитывать на его помощь, если это произойдет, на что Август без колебаний ответил: «Да». Тогда Питерс сказал, что проверит остальных на этот счет, и ушел. Больше в тот день у Августа не было возможности поговорить с ним наедине.

⁹ Продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы.

7

10 июля. Встретили бриг из Рио-де-Жанейро, идущий в Норфолк. Погода туманная, с востока дует легкий встречный ветер. Сегодня умер Хартман Роджерс, у которого восьмого числа после выпитой кружки грога начались судороги. Это был человек из группировки кока, и именно на него Питерс рассчитывал больше всего. Питерс рассказал Августу о своих подозрениях, что первый помощник отравил Роджерса, и сказал, что, если он не будет постоянно начеку, скоро придет его очередь. Теперь вся группировка Питерса состояла из него самого, Джонса и кока. С другой стороны было пять человек. Он попытался заговорить с Джонсом о захвате власти на корабле, но, поскольку затея эта была воспринята прохладно, решил не продолжать разговор и не ставить в известность кока. Подобная предусмотрительность оказалась весьма кстати, поскольку уже на следующее утро кок заговорил о том, что собирается примкнуть к первому помощнику, что вскорости и сделал, уже в открытую, а Джонс воспользовался случаем, чтобы поссориться с Питерсом, и пригрозил рассказать первому помощнику о его планах. Времени терять было нельзя, и Питерс заявил о намерении захватить судно любой ценой, если, конечно, Август готов помочь. Мой друг тут же заверил его, что ради этого готов поддержать любой план, и, посчитав, что настало подходящее время, сообщил ему о моем пребывании на борту. Это известие полукровкой удивило не меньше, чем обрадовало, потому что на Джонса он перестал надеяться, полагая, что тот уже переметнулся к первому помощнику. Они тут же вместе спустились в кубрик, Август позвал меня, и вскоре я познакомился с Питерсом. Было решено не тянуть и попытаться захватить судно при первой же возможности, не посвящая в наши планы Джонса. В случае успеха мы должны были отвести бриг в ближайший порт и сдать его властям. Предательство сторонников Питерса сорвало его планы относительно путешествия в Тихий океан, что невозможно было сделать без команды, и он рассчитывал либо на оправдание во время суда по причине умопомешательства (которое, как он клятвенно уверял, и побудило его ввязаться в бунт), либо, если его признают виновным, на поблажку после нашего с Августом заступничества. Наше совещание было прервано криком: «Все наверх, убрать парус!», и Питерс с Августом побежали на палубу.

Как обычно, почти вся команда была пьяна, и, прежде чем парус был убран, порыв шквалистого ветра положил бриг набок. Однако потом судно снова встало ровно, хоть и набрало много воды. Едва на палубе все привели в порядок, налетел новый шквал, а сразу за ним еще один, правда, не причинив вреда. Все указывало на скорый шторм, и тот не замедлил обрушиться на нас с бешеной силой с северо-запада. Когда все было по мере сил закреплено, мы как обычно легли в дрейф под глухо зарифленным фоком. К ночи ветер стал еще яростнее, море вздыбилось огромными волнами. Питерс вновь спустился в кубрик, и мы продолжили разговор.

Все мы согласились, что настало самое удобное время для того, чтобы привести наш план в действие, поскольку сейчас ничего подобного никто не ожидал. Пока бриг шел дрейфом, не было необходимости им управлять до наступления хорошей погоды, когда мы в случае удачи смогли бы освободить одного-двух человек, чтобы помочь нам дойти до порта. Главная сложность заключалась в неравенстве сил. Нас было всего трое, а в кают-компании – девятеро. Все имеющееся на борту оружие также находилось в их распоряжении, кроме двух спрятанных Питерсом маленьких пистолетов и большого ножа, который он все время носил за поясом. Кроме того, определенные признаки – как, к примеру, отсутствие на обычном месте топора или гандшпуга¹⁰ – указывали на то, что первый помощник что-то подозре-

¹⁰ Рычаг для подъема и перемещения различных тяжестей, пушек, якорных канатов и проч.

вает, во всяком случае, относительно Питерса, и не упустит возможности избавиться от него. Сомнений не оставалось: то, что мы задумали, нужно делать как можно скорее. И все же шансы на успех были слишком малы, чтобы предпринимать какие-то необдуманные шаги.

Питерс предложил такой план: он поднимается на палубу, заводит разговор с вахтенным (Алленом) и без труда сталкивает его за борт, как только появляется возможность сделать это, не поднимая шума. После этого мы с Августом поднимаемся наверх, вооружаемся чем-нибудь из предметов, находящихся на палубе, а потом мы втроем перекрываем выход из кают-компаний, прежде чем кто-то успеет оказать сопротивление. Против этого я стал возражать, так как не верил, что первый помощник капитана, хитрая бестия (правда, при этом крайне суеверный человек), позволит себя так просто поймать. Да и само наличие на палубе вахтенного указывало на то, что он настороже, потому что выставять вахтенного, когда судно дрейфует во время шторма, принято лишь на тех судах, где поддерживается строжайшая дисциплина. Поскольку большинство моих читателей, если не все, никогда не бывали в море, здесь нужно объяснить, что именно происходит с судном при таких условиях. Судно ложится в дрейф, или, как говорят моряки, дрейфует, в разных случаях, и делать это можно различными способами. При умеренных погодных условиях это часто делается для того, например, чтобы заставить судно стоять на месте в ожидании другого судна. Если на судне, которое ложится в дрейф, подняты паруса, для совершения этого маневра некоторые паруса разворачивают другой стороной к ветру, и судно останавливается. Но мы сейчас говорим о дрейфе при штормовой погоде. В таких условиях это делается при встречном ветре, который настолько силен, что при поднятых парусах может перевернуть судно, а иногда и при умеренном ветре, когда волнение моря слишком велико, чтобы идти полным курсом. Если убравшему паруса судну приходится идти под штормовым ветром в очень беспокойном море, как правило, оно получает значительные повреждения от захлестывающих корму волн, а иногда и от того, что ему приходится, падая с большой высоты, погружаться носом в воду. Таким образом, к данному маневру в подобных условиях без крайней необходимости прибегают очень редко. Когда судно дает течь, его часто пускают по ветру, даже при самом сильном шторме, потому что при дрейфе от сильного давления швы расходятся, чего не происходит при скольжении по ветру. Часто бывает необходимо пустить судно полным курсом, когда ветер настолько силен, что может разорвать в клочья парус, поставленный для поворота против ветра, а также когда из-за ошибок конструкции корпуса или по иным причинам совершить этот маневр невозможно.

При штормовом ветре суда ложатся в дрейф по-разному, в зависимости от особенностей их конструкции. Некоторые лучше всего это делают под фоком, и, насколько мне известно, этот способ самый распространенный. Большие суда с прямым парусным вооружением имеют для этого специальные паруса, называемые штормовыми стакселями. Иногда используется один кливер, изредка – кливер вместе с фоком или фок, взятый на два рифа, а нередко бывает, что и кормовые паруса. Очень часто оказывается, что фор-марсели¹¹ для этих целей подходят лучше других видов парусов. «Косатка» обычно ложилась в дрейф под глухо зарифленным фоком.

Когда судно готовится лечь в дрейф, его разворачивают к ветру ровно настолько, чтобы поднятый парус забрал ветер, после чего его обстенивают, то есть разворачивают диагонально по отношению к корпусу. Когда это сделано, нос смещают на несколько градусов от направления, откуда дует ветер, и передняя наветренная сторона судна, разумеется, принимает на себя удар волн. В таком положении хороший корабль выдержит и самый сильный шторм, не набрав ни капли воды и не требуя дополнительных усилий со стороны команды, причем руль обычно закрепляют, но это не обязательно, если не мешает шум, который он

¹¹ Прямой парус, ставящийся на фор-марса-рее.

издает в свободном состоянии, потому что при дрейфе положение руля не имеет значения. Более того, штурвал даже предпочтительнее не закреплять, потому что, если у руля не будет пространства, чтобы «играть», его может сорвать сильными волнами. Пока парус выдерживает ветер, хорошо смоделированное судно будет сохранять устойчивость и выдержит любую волну, как живое существо, наделенное разумом и жадной жизни. В то же время, если ветер разрывает парус на куски (что в обычных условиях под силу только настоящему урагану), это чревато самыми непредсказуемыми и опасными последствиями. Судно теряет ветер, становится боком к волнам и оказывается полностью во власти моря. В таком случае единственный выход – медленно развернуть судно носом к ветру и поставить какой-нибудь другой парус. Некоторые суда ложатся в дрейф вовсе без парусов, но этот способ ненадежен и в море рассчитывать на него нельзя.

Однако отступление затянулось. Первый помощник капитана не имел привычки выставлять вахтенного во время штормового дрейфа, и то, что он так поступил сейчас, вместе с исчезновением топоров и гандшпугов убедило нас в том, что команду заставить врасплах предложенным Питерсом способом не удастся. Тем не менее что-то нужно было делать, причем как можно скорее, поскольку мы знали, что, если первый помощник в чем-то заподозрил Питерса, он избавится от него при первой же возможности, и найти решение или что-то предпринять было необходимо, пока не закончился шторм.

Август предложил под каким-нибудь предлогом убрать с люка в кают-компании цепь, что дало бы нам возможность неожиданно напасть на них, пройдя через трюм, но, поразмыслив, мы пришли к выводу, что при такой качке сделать это невозможно.

По счастью, мне в голову пришла идея сыграть на суеверных страхах и нечистой совести первого помощника. Напомню: один из команды, Хартман Роджерс, умер тем утром после того, как два дня назад выпил грогу с водой и у него начались судороги. Питерс предполагал, что его отравил первый помощник, и на то у него имелись, как утверждал полукровка, неоспоримые причины. Уговорить его открыть их нам не удалось, но это упрямство вполне соответствовало его характеру. Впрочем, действительно он имел основания подозревать первого помощника или нет, мы с готовностью с ним согласились и решили действовать соответственно.

Роджерс скончался примерно в одиннадцать часов утра в страшных конвульсиях, и спустя несколько минут после смерти его труп являл собою одно из самых отвратительных и ужасающих зрелищ, которые мне когда-либо доводилось видеть. Живот его неимоверно раздулся, как у утопленника, пролежавшего под водой несколько недель. Руки были в таком же состоянии, но лицо ссохлось и побледнело как мел, и лишь на впавших щеках краснели несколько пятен, подобных тем, какие возникают при рожистом воспалении: одно из этих пятен шло по всему лицу через глаз, как будто голова его была опоясана красной бархатной лентой. Когда тело в этом жутком состоянии в полдень вынесли из кают-компании, чтобы выбросить в море, его заметил первый помощник (до этого он его не видел) и, то ли почувствовав угрызения совести от содеянного злодеяния, то ли придя в ужас от увиденного, приказал зашить тело в гамак и провести похороны по морским правилам. После этого он спустился вниз, как будто не хотел больше видеть свою жертву. Пока матросы готовили тело, налетел шторм, и похороны пришлось отложить. Брошенное тело водой прибило к шпигатам¹² на левом борту и било о него при каждом движении брига.

Определившись с планом, мы немедленно приступили к его исполнению. Питерс поднялся на палубу и, как ожидалось, был тотчас окликнут Алленом, который, судя по всему, был поставлен там в первую очередь для наблюдения за кубриком, нежели для каких-либо иных целей. Но участь этого негодяя была решена быстро: Питерс подошел к нему с безза-

¹² Отверстия в палубе или фальшборте для удаления воды.

ботным видом, будто чтобы поговорить, резко схватил за горло и швырнул за борт так, что тот и вскрикнуть не успел. Потом он позвал нас, и мы поднялись на палубу. Первым делом нам нужно было найти какое-нибудь оружие, и делать это необходимо было с величайшей осторожностью, ибо из-за гигантских волн, захлестывавших бриг, когда он зарывался носом в воду, на палубе нужно было все время держаться за что-то. Кроме того, это было крайне необходимо еще и потому, что с минуты на минуту помощник капитана мог подняться на палубу, чтобы поставить людей к насосам, так как было очевидно, что судно стремительно набирает воду. После недолгих поисков мы не нашли ничего более подходящего для наших целей, чем две ручки от насоса, одну взял Август, вторую – я. Затем мы сняли с трупа Роджерса рубашку и бросили тело за борт, после чего мы с Питерсом спустились вниз, оставив Августа сторожить палубу, где он встал в том же месте, где находился Аллен, повернувшись спиной к трапу в кают-компанию, чтобы его приняли за вахтенного, если кому-нибудь из банды помощника капитана вздумается подняться на палубу.

Едва мы спустились, я начал преображение в труп Роджерса. Рубашка, которую мы сняли с тела, сильно помогла нам, потому что она была очень необычного, легкоузнаваемого кроя, нечто вроде блузы, которую покойный надевал поверх другой одежды, напоминающей синий мешок в широкую белую поперечную полосу. Облачившись в нее, я стал думать, как приделать себе фальшивый живот, чтобы изобразить жуткое уродство распухшего трупа, и вскоре приспособил для этого простыню. Затем я придал такой же вид рукам с помощью белых шерстяных рукавиц, в которые набил найденные тут же тряпки. Потом Питерс взялся за мое лицо: сначала натер его мелом, а потом наставил пятен кровью, для чего порезал себе палец. Не забыта была и полоса через глаз, которую он изобразил ужасающе правдоподобно.

8

Когда я увидел себя в висевшем в каюте осколке зеркала при тусклом свете переносного фонаря, от собственного вида и от воспоминания о страшной действительности, которую я копировал, меня охватило ощущение безотчетного ужаса и бросило в дрожь. Едва ли я смог бы найти в себе силы исполнить эту роль, но действовать нужно было решительно, и мы с Питерсом поднялись на палубу.

Там было спокойно, и мы втроем, прижимаясь к борту, подкрались к трапу в кают-компанию. Люк был приоткрыт, и специально для того, чтобы никто снаружи не смог его неожиданно закрыть, крышку подпирали деревянные чурбаки, установленные на верхней ступеньке. Через щель у петель мы могли прекрасно рассмотреть все, что происходило внутри. Нам очень повезло, что мы отказались от плана захватить их врасплох, потому что наши противники явно были настороже. Лишь один из них спал, лежа прямо под трапом с мушкетом под боком. Остальные сидели на матрацах, которые вытащили из кают и бросили на пол, оживленно разговаривали и пили, на что указывали два пустых кувшина и несколько оловянных кружек на полу, но были не так пьяны, как обычно. У всех имелись ножи, кое у кого пистолеты, под рукой лежало несколько мушкетов.

Мы какое-то время слушали их разговор, думая, как поступить, поскольку до сих пор толком ничего не решили – только что нападать будем после того, как парализуем их силу воли явлением Роджерса. Они обсуждали свои пиратские планы: судя по тому, что нам удалось расслышать, собирались объединиться с командой какой-то шхуны «Шершень» и, если получится, прибрать шхуну к рукам, чтобы потом использовать ее для какой-то более масштабной операции, подробностей которой никто из нас не разобрал. Один из них заговорил о Питерсе, и первый помощник что-то ответил ему тихо, так, что не разобрать, а потом добавил громче, что не понимает, «почему он все обхаживает этого капитанского ублюдка в баке», и думает, что «чем скорее их обоих отправить за борт, тем лучше». На это ему ничего не ответили, но было видно, что вся компания с готовностью поняла намек, в особенности Джонс. К тому времени мое волнение усилилось из-за того, что ни Август, ни Питерс не понимали, как действовать. Впрочем, я уже решил, что свою жизнь продам как можно дороже и не позволю себе поддаться страху.

Оглушительный свист ветра в снастях и грохот обрушивающихся на палубу волн мешали нам слушать, и понять, о чем говорили внизу, можно было лишь в короткие мгновения затишья. Вдруг мы отчетливо услышали, как первый помощник сказал кому-то: «Пойди присмотри за ними. Я не хочу, чтобы они что-то затеяли». Хорошо, что сильнейшая качка помешала немедленному выполнению приказа. Когда кок поднялся с матраца, чтобы идти к нам, сильнейший крен, от которого чуть не сломались мачты, швырнул его на одну из дверей в каюты, отчего та распахнулась и поднялась общая суматоха. К счастью, никого из нас не сорвало с места и нам хватило времени поспешно отступить к баку и быстро составить план действий, прежде чем появился посланник первого помощника, точнее, прежде чем из люка показалась его голова, потому что на палубу он так и не вышел. С этого места он не мог заметить отсутствие Аллена и потому прокричал ему указания первого помощника. Питерс крикнул ему в ответ измененным голосом: «Есть», и тот скрылся, ничего не заподозрив.

После этого мои товарищи смело вышли на нос брига и спустились в кают-компанию; Питерс закрыл за собой люк. Первый помощник встретил их с притворным радушием и сказал Августу, что, раз он вел себя паинькой, теперь ему позволено занять место в кают-компании и в будущем стать одним из них. Потом он налил ему полкружки рому и заставил выпить. Все это я видел и слышал, потому что бросился следом за друзьями, как только за

ними закрылась дверь, и занял прежнее место наблюдения. С собой я принес две рукоятки от насоса и одну положил рядом, чтобы в случае чего незамедлительно пустить ее в дело.

Я устроился у люка так, чтобы было удобнее наблюдать за всем, что происходит внизу, и попытался успокоить себя перед предстоящим: мы договорились, что я по условному сигналу Питерса явлюсь мятежникам в образе Роджерса. Вскоре ему удалось перевести разговор на кровавые последствия мятежа, а потом мало-помалу подвести его к теме суеверий, которые очень распространены среди моряков. Я не мог разобрать, что говорилось, зато по физиономиям присутствовавших прекрасно понимал, какое воздействие производит на них этот разговор. Первому помощнику явно стало не по себе, и, когда кто-то упомянул о том, как выглядел труп Роджерса, мне показалось, он чуть не сомлел. Тут Питерс спросил, не выбросить ли тело за борт, потому что жутко смотреть, как оно перекачивается по палубе у шпигатов. Негодяй чуть не задохнулся и медленно повернул голову, осматривая своих товарищей, как будто умоляя, чтобы кто-нибудь встал и сделал это. Но никто не пошевелился, и было видно, что вся компания страшно напугана. Тогда Питерс подал мне условный знак. Я тут же распахнул дверь, не произнося ни звука, спустился в кают-компанию и остановился прямо посреди сборища.

Сильнейший эффект, который произвело это явление, не так уж удивителен, если принять во внимание сопутствовавшие ему обстоятельства. Обычно в подобных случаях разум свидетеля сохраняет проблеск сомнения относительно того, что предстало перед его глазами, некоторую надежду, пусть даже самую слабую, на то, что он стал жертвой розыгрыша, и на то, что призрак в действительности не является гостем из древнего мира теней. Было бы преувеличением заявлять, что подобные сомнения сопровождают почти каждое явление такого рода и что парализующий ужас, который порой при этом ощущают, следует считать, даже в самых очевидных случаях, когда сила воздействия наиболее велика, скорее страхом ожидания, нежели страхом, вызванным твердой уверенностью в реальности потустороннего явления. Однако в данном случае сразу становится понятно, что в головах бунтовщиков не было даже тени сомнения в том, что им действительно явился отвратительный труп Роджерса или, по меньшей мере, его дух. Обособленное положение брига, его абсолютная недоступность, обусловленная штормом, ограничила средства обмана до такой степени, что они, вероятно, полагали, будто распознают подвох с первого взгляда. К этому времени они провели в море уже двадцать четыре дня, ни с кем не общаясь, и лишь перекликались со встречными судами. К тому же вся команда – во всяком случае, те ее члены, о присутствии которых на борту они имели основания подозревать, – находилась в кают-компании, за исключением Аллена, вахтенного, но его фигура огромного роста (шесть футов шесть дюймов) была им слишком хорошо знакома, чтобы у них хотя бы на мгновение появилось подозрение, что это он изображает призрака. Прибавьте к этим соображениям ужасающий шторм и разговоры, затеянные Питерсом; сильнейшее впечатление, которое произвел на них этим утром мерзостный вид настоящего трупа; мой превосходный грим и неверный, беспокойный от раскачивающегося взад-вперед фонаря свет, в котором они увидели меня, и не придется удивляться, что наше представление оказалось даже успешнее, чем мы ожидали. Первый помощник вскочил с матраца и, не издав ни звука, замертво рухнул на пол, сильнейшей качкой его, как бревно, откатило к подветренному борту. Что до оставшихся семерых, то лишь трое вначале сохранили подобие присутствия духа. Четверо приросли к полу, не в силах шевельнуться, – никогда мне не доводилось видеть более жалких жертв ужаса и совершеннейшего отчаяния. Противостоять нам попытались лишь кок, Джон Хант и Ричард Паркер, но их сопротивление оказалось слабым и недостаточно решительным. Первых двоих сразу застрелил Питерс, а Паркера я свалил ударом рукоятки насоса, которую принес с собой. Август тем временем схватил один из лежавших на полу мушкетов и выстрелил в грудь

еще одному бунтовщику, Уилсону. Осталось трое. К этому времени они уже начали пробуждаться от оцепенения и, вероятно, сообразили, что их обманули, потому что отчаянно бросились на нас, и, если бы не огромная физическая сила Питерса, вполне возможно, одолели бы нас. Эти трое были Джонс, Грили и Авессалом Хикс. Джонс бросил Августа на пол, несколько раз ударил его ножом по правой руке и наверняка вскоре прикончил бы (мы с Питерсом не могли ему помочь, потому что боролись со своими противниками), если бы не своевременная помощь друга, на поддержку которого мы никак не могли рассчитывать. Другом этим был не кто иной, как Тигр. С глухим рычанием он ворвался в кают-компанию в решающую для Августа минуту и, бросившись на Джонса, вмиг прижал его к полу. Однако Август был слишком серьезно ранен, чтобы оказать нам хоть какую-то помощь, а я так запутался в своем одеянии, что тоже проку было немного. Но пес не отпускал горло Джонса, а Питерс был гораздо сильнее двух оставшихся противников и наверняка давно прикончил бы обоих, если бы не теснота помещения и сильнейшая качка. Наконец он смог схватить один из валявшихся вокруг табуретов и вышиб мозги Грили, пока тот целился в меня из мушкета. Очередной крен судна бросил Питерса прямо на Хикса, которого он взял за горло и задушил голыми руками. Итак, мы завладели бригом, на что у нас ушло меньше времени, чем понадобилось мне, чтобы рассказать об этом. Единственным выжившим из наших противников оказался Ричард Паркер. Напомню, что это его я сбил с ног ударом рукоятки насоса в самом начале драки. Теперь он лежал недвижимый у двери разгромленной кают-компания, но, когда Питерс тронул его ногой, ожил и стал молить о пощаде. Кроме слегка рассеченной кожи на голове, других ран у него не было, удар его просто оглушил. Он поднялся, и мы на всякий случай связали ему руки за спиной. Пес продолжал рычать над Джонсом, но, осмотрев несчастного, мы обнаружили, что тот мертв, кровь текла ручьем из глубокой раны у него на шее, наверняка причиненной острыми клыками животного.

Был час ночи, и ветер продолжал дуть с невероятной силой. Бриг отяжелел, и было совершенно необходимо откачать хоть немного воды. Всякий раз, когда судно кренолось в подветренную сторону, волны захлестывали палубу и проникали даже в кают-компанию: во время драки, спускаясь, я оставил дверь открытой. На левой стороне водой сорвало целый сегмент фальшборта, равно как и камбуз, и шлюпку с кормового подзора¹³. Скрип и раскачивание грот-мачты тоже указывали на то, что она повреждена. Чтобы выгадать место в трюме для груза, основание мачты было закреплено между палубами (к этой недостойной практике иногда прибегают нерадивые корабли), и теперь она угрожала в любую секунду выйти из степса¹⁴. Но венцом наших трудностей стало то, что мы набрали воды в трюм, причем не меньше семи футов.

Оставив тела в кают-компании, мы немедленно взялись за насосы, Паркера, естественно, развязали, чтобы он мог помогать. Руку Августу мы кое-как перевязали, и он по мере сил старался помогать, но проку от него было немного. Однако мы выяснили, что предотвратить дальнейшее заполнение трюма можно только в том случае, если один из насосов будет работать не переставая. Поскольку нас было всего четверо, труд предстоял нелегкий, но мы не унывали и с нетерпением ждали рассвета, когда надеялись срубить грот-мачту, чтобы облегчить судно.

Так в трудах и тревоге прошла ночь, но с наступлением дня шторм не стих и никакой надежды на это не было. Мы вынесли тела на палубу и бросили за борт. Теперь нам предстояло избавиться от грот-мачты. После необходимых приготовлений Питерс принялся ее рубить (топоры мы нашли в кают-компании), а мы отошли к штагам и вантам. Когда бриг накренился в подветренную сторону, Питерс велел нам рубить наветренные ванты. После

¹³ Наклонная верхняя часть кормовой оконечности корпуса судна, выступающая за ахтерштевень.

¹⁴ Деревянное или железное гнездо, в которое вставляется мачта своим шпором.

того как это было сделано, деревянная мачта вместе с такелажем всей массой обрушилась с брига в море, не причинив никаких разрушений. Судно стало заметно легче, но наше положение продолжало оставаться весьма ненадежным и, несмотря на все усилия, мы не могли бороться с течью, не используя обоих насосов. Август существенной помощи оказать не мог. Вдобавок к нашим трудностям сильная волна, ударившая бриг в наветренную сторону, развернула его на несколько румбов, и, прежде чем судно успело вернуться в прежнее положение, другой вал повалил его набок. Балласт мгновенно переместился на подветренную сторону (из трюма уже какое-то время раздавался беспорядочный грохот сорванного груза), и мы уже решили, что вот-вот перевернемся, но через какое-то время бриг частично выпрямился, однако, поскольку балласт так и оставался на подветренной стороне, о том, чтобы откачивать воду, нечего было и думать, да и в любом случае мы не могли этого делать, потому что растерли руки в кровь так, что на них страшно было смотреть.

Паркер отговаривал, но мы начали рубить фок-мачту, что было не так-то просто из-за положения, в котором находилось судно. Наконец она обрушилась, сбив бушприт¹⁵, после чего от «Косатки» остался один корпус.

До сих пор мы тешили себя надеждой, что у нас есть баркас, который не повредила ни одна из огромных волн, захлестывавших палубу. Теперь же радоваться было нечему, поскольку фок-мачта забрала с собой фок, который удерживал бриг в равновесии, и мы оказались полностью во власти стихии. Через пять минут по палубе уже гуляли волны от кормы до носа, сорвав баркас и правый фальшборт и даже разбив на куски брашпиль¹⁶. Более жалкое положение невозможно было представить.

В полдень море как будто начало понемногу успокаиваться, но нас ждало глубокое разочарование, потому что, притихнув на несколько минут, шторм разразился с удвоенной силой. Примерно к четырем часам дня удары волн достигли такой силы, что устоять на ногах уже было невозможно, а когда наступила ночь, у меня не осталось никакой надежды, что судно выдержит до утра.

К полуночи мы погрузились в воду по нижнюю палубу, потом лишились руля. Волна, вырвавшая его, подняла высоко в воздух заднюю часть брига и обрушила на воду с силой удара об землю. Мы думали, что руль будет держаться до последнего, потому что он был необычайно крепок, ни до, ни после мне не приходилось видеть такой прочной конструкции. Вдоль основного деревянного бруса шел ряд крепких металлических скоб, такие же скобы охватывали форштевень. Сквозь эти скобы был пропущен очень толстый кованый стержень, на котором вращался присоединенный таким образом к форштевню руль. О чудовищной силе сорвавшей его волны можно судить по тому факту, что скобы на форштевне, которые прошивали его насквозь и были загнуты изнутри, оказались все до единой вырваны из древесины.

Едва мы отдышались после мощнейшего сотрясения, гигантская волна, больше которой мне к тому времени видеть не доводилось, поднялась над нами и ринулась прямо на палубу, сметая входной трап, срывая крышки люков и наполняя судно водой.

¹⁵ Выступающий за форштевень судна горизонтальный или наклонный брус.

¹⁶ Палубный механизм лебедочного типа.

9

Ближе к полуночи мы крепко привязали себя к обломкам брашпиля и легли на палубу плашмя — и лишь благодаря этому не погибли. Мы были оглушены невероятным весом воды, которая низверглась на нас, так что мы чуть не захлебнулись. Едва отдышавшись, я окликнул товарищей. Отозвался только Август: «Пропали мы. Да смилуется Господь над нашими душами!» Мало-помалу и остальные пришли в себя. Они убеждали нас не отчаиваться, потому что надежда еще оставалась: груз наш был такого рода, что бриг не мог утонуть, а к утру шторм обещал успокоиться. Эти слова вдохнули в меня новую жизнь, ибо, как ни странно, несмотря на то что судно, груженное пустыми бочками для ворвани, действительно не могло утонуть, у меня в мыслях царило такое смятение, что это соображение даже не пришло мне в голову, и опасность оказалась не такой уж неотвратимой, как мне представлялось. Надежда окрылила меня. Я использовал любую возможность, чтобы привязать себя покрепче к куску брашпиля, и вскоре обнаружил, что мои товарищи тоже занялись делом. Кромешная тьма, ужасающий грохот и хаос, окружавшие нас, не поддаются описанию. Палуба находилась вровень с поверхностью воды, точнее, нас окружали вздымающиеся пенные гребни, то и дело захлестывавшие нас. Не будет преувеличением сказать, что наши головы выныривали из-под воды не чаще, чем раз в три секунды. Хотя мы лежали совсем рядом, ни один не видел остальных и даже самого брига, по палубе которого нас так немилосердно бросало. Время от времени мы перекликались, чтобы внушить надежду, утешить и ободрить тех из нас, кто в этом больше всего нуждался. Вконец ослабевший Август стал предметом всеобщей заботы, в основном из-за состояния его правой руки. Сам он не смог привязать себя надежно, и мы даже какое-то время думали, что его смыло, хотя о том, чтобы оказать ему помощь, нечего было и думать. К счастью, из всех нас он находился в самом безопасном положении: верхняя часть тела его была скрыта под обломками брашпиля, и волны, разбиваясь о них, значительно теряли в силе. Окажись Август не под прикрытием брашпиля, куда его отнесло после того, как он привязался на открытом месте, а в любой другой точке, мой товарищ не протянул бы до утра. Да и у всех нас из-за слишком сильного крена судна шансов оказаться смытыми волнами было меньше, чем в любом другом его положении. Крен, как я уже говорил, приходился на левый борт, и половина палубы все время находилась под водой. Волны разбивались о правый борт и достигали нас, лежащих ничком, лишь частично, а те, что докатывались до левого борта, не могли причинить нам особого вреда.

В таком страшном положении мы оставались до рассвета, который явил нашему взору весь окружающий нас ужас. Бриг, как бревно, раскачивался на волнах, пребывая в полной власти моря, шторм усиливался и уже превратился в настоящий ураган, помощи ждать было неоткуда. Несколько часов мы хранили молчание, думая, что вот-вот лопнут наши веревки, что обломки брашпиля смоем с борта или что один из огромных валов, ревевших вокруг нас и над нами, отправит корпус брига так глубоко под воду, что мы захлебнемся, прежде чем он снова поднимется на поверхность. Однако милость Господня избавила нас от этих неминуемых бед, и примерно в полдень мы возрадовались проблеску благословенного солнца. Вскоре после этого ветер заметно стих, и впервые со вчерашнего вечера Август заговорил, спросив Питерса, который лежал к нему ближе всех, возможно ли спасение. Поскольку сразу ответа не последовало, мы решили, что метис захлебнулся, но потом, к нашему величайшему облегчению, он заговорил, хоть и очень слабым голосом, сказав, что испытывает адскую боль из-за перетягивавших живот веревок и что умрет, если их как-то не ослабить, поскольку больше выносить эту муку не может. Слова его нас огорчили и встревожили, потому что, пока море не успокоится, никто из нас не смог бы ему помочь никоим образом. Мы призвали

его крепиться и пообещали освободить при первом удобном случае. На это он ответил, что скоро будет поздно, что не дотянет до того времени, когда мы сможем помочь ему, а потом, несколько минут постовав, затих, и мы решили, что он умер.

К вечеру море успокоилось настолько, что, может быть, одна волна разбивалась о наветренную сторону корпуса «Косатки» за пять минут, а ветер значительно утих, хоть и продолжал дуть с огромной скоростью. Несколько часов я не слышал от своих товарищей ни слова и в конце концов решил позвать Августа. Он ответил, но так тихо, что я не сумел разобрать сказанного. Потом я окликнул Питерса и Паркера, но те не отозвались.

Вскоре после этого я впал в состояние какого-то полубытья, и воображение мое породило самые приятные образы: качающиеся зеленые деревья, колосющиеся на ветру поля спелой ржи, танцующие девы, кавалерийские отряды и прочие фантазии. Сейчас я вспоминаю, что все, представившееся мне тогда, объединяла общая идея – движение. Мне не привиделся ни один неподвижный объект, как дом, например, или гора, или что-то в этом роде – сплошные мельницы, корабли, огромные птицы, воздушные шары, люди на лошадях, несущиеся экипажи и прочие подобные предметы. Очнулся я, насколько можно было судить по положению солнца, около часу дня. С огромным трудом мне удалось вспомнить различные обстоятельства, связанные с моим положением, и какое-то время я даже был твердо убежден, что по-прежнему нахожусь в трюме брига, рядом со своим ящиком, и что тело Паркера – это тело Тигра.

Наконец, придя в себя окончательно, я обнаружил, что ветер превратился в легкий бриз, а море относительно спокойно и лишь редкие волны перекатываются через палубу. Моя левая рука выскользнула из-под перевязи, и над локтем показался сильный порез, правая совершенно занемела, а перетянутые веревкой кисть и запястье непомерно распухли. Сильнейшую боль причиняла и другая веревка, та, которая перехватывала талию и была затянута невероятно туго. Посмотрев на своих товарищей, я увидел, что Питерс еще жив, хотя широкая веревка с такой силой пережимала его поясницу, что он казался перерезанным пополам, и, когда я пошевелился, он слабо двинул рукой, указывая на веревку. Август, лежавший на обломке брашпиля, был согнут почти пополам и не подавал признаков жизни. Увидев, что я начал двигаться, Паркер спросил, хватит ли у меня сил освободить его, сказал, что, если я соберусь с духом и сумею его развязать, мы еще сможем спасти свои жизни, в противном случае мы все умрем. Я посоветовал ему не бояться и сказал, что попытаюсь его освободить. В кармане штанов я нашел перочинный нож и после нескольких неудачных попыток все же сумел раскрыть его. Потом я левой рукой освободил правую, после чего перерезал остальные удерживавшие меня веревки. Однако, попробовав переместиться, я обнаружил, что ноги мои занемели и я не могу встать, также я не мог пошевелить правой рукой. Когда я сказал об этом Паркеру, он посоветовал мне полежать несколько минут, держась за брашпиль левой рукой, чтобы кровь снова потекла по всему телу. Я так и сделал и вскоре почувствовал, что онемение проходит. Сперва я смог пошевелить одной ногой, потом второй, а через время начал ощущать правую руку. Очень осторожно, не поднимаясь на ноги, я подполз к Паркеру, перерезал его веревки, и после короткого отдыха к нему тоже начала возвращаться способность двигаться. После этого мы, не теряя времени, освободили Питерса. Веревка прорезала пояс его шерстяных штанов и две рубахи и так впилась в поясницу, что из раны, когда мы сняли веревку, обильно потекла кровь. Однако, как только мы это сделали, он заговорил, кажется, испытывая большое облегчение, и двигаться ему явно было легче, чем Питерсу или мне, несомненно, из-за этого вынужденного кровопускания.

На то, что Август очнется, мы и не надеялись, потому что он не подавал признаков жизни, но, подойдя к нему, увидели, что он просто потерял сознание от потери крови; повязки, которые мы наложили ему на раненую руку, смыло водой, и ни одна из веревок, удерживавших его на брашпиле, не была затянута настолько сильно, чтобы причинить

смерть. Отвязав Августа и отбросив осколки брашпиля, мы оттащили его в сухое место в наветренной стороне, где положили так, чтобы голова его оказалась немного ниже тела, и принялись растирать его руки и ноги. Примерно через полчаса он пришел в себя, хотя лишь к утру начал узнавать нас и окреп настолько, что смог говорить. К тому времени как мы все освободились от пут, стемнело, небо заволокли тучи, и мы снова с ужасом ожидали безумства стихии, которая уже наверняка погубила бы нас, израненных и обессиленных. К счастью, всю ночь погода оставалась умеренной и море с каждой минутой успокаивалось, что дало нам повод надеяться на спасение. С северо-запада продолжал дуть легкий бриз, но холодно не было. Августа мы осторожно привязали к наветренному борту, чтобы он не соскользнул в воду, влекомый волнами: он был еще слишком слаб, чтобы удержаться самостоятельно. Что касается нас, мы могли обойтись и без этого. Сев поближе друг к другу и держась за обрывки веревки на брашпилье, мы принялись искать выход из этого страшного положения. Сняв и выжав одежду, мы почувствовали себя несравненно лучше. Высохшая одежда показалась нам теплой, приятной и, казалось, даже вселила в нас новые силы. Мы помогли и Августу с его одеждой, что его тоже взбодрило.

Теперь мы больше всего страдали от голода и жажды, и мысль о том, чем нам это грозит, заставила нас пожалеть, что мы избежали менее страшной смерти в море. Мы тешили себя надеждой на то, что скоро нас подберет какое-нибудь проходящее судно, и призывали друг друга мужественно переносить тяготы, с которыми нам, возможно, придется столкнуться.

Наконец настало утро четырнадцатого числа, погода все так же стояла спокойная и приятная, с устойчивым, но очень легким ветром с северо-запада. Море сделалось совсем спокойным, и по какой-то непонятной нам причине бриг немного выровнялся, отчего мы могли свободно перемещаться по сравнительно сухой палубе. Мы провели без пищи и воды уже больше трех суток, и теперь было совершенно необходимо попытаться достать что-нибудь снизу. Поскольку бриг был весь заполнен водой, за работу мы взялись без особой радости и надежды на успех. Мы соорудили нечто наподобие зацепа: вбили несколько выломанных из обломков люка гвоздей в две деревяшки, связали их крест-накрест и прикрепили к концу веревки. Забросив эту конструкцию в кают-компанию, мы стали водить ею из стороны в сторону в слабой надежде зацепить что-нибудь съедобное или хотя бы какой-нибудь предмет, который поможет в поисках. Большую часть утра мы провели в бесплодных трудах, выудить нам удалось только несколько покрывал, которые легко цеплялись за гвозди. Да что там говорить, наше приспособление было слишком несуразным, чтобы надеяться на успех.

После кают-компаний мы переместили поиски на бак, но и там ничего не нашли. Нас уже начало охватывать отчаяние, когда Питерс предложил обвязать его веревкой, с тем чтобы он нырнул в кают-компанию и попытался достать что-нибудь. Предложение это мы приняли со всей радостью, которую может вызвать ожившая надежда. Он тут же снял с себя всю одежду, кроме штанов, мы осторожно обвязали его за пояс веревкой и закрепили ее на плечах, чтобы не соскользнула. Это была очень сложная и опасная затея, потому что, поскольку мы не думали, что в кают-компании найдется достаточно еды (если там вообще что-нибудь осталось), ныряльщику предстояло, опустившись под воду, повернуть направо и проплыть под водой по ведущему в кладовую узкому коридору десять – двенадцать футов и вернуться обратно, не сделав ни глотка воздуха.

Когда с приготовлениями было покончено, Питерс спустился по трапу в кают-компанию и остановился, когда вода оказалась у него на уровне подбородка. Набрав побольше воздуха, он нырнул головой вниз, повернул направо и попытался проплыть в кладовую. Первая попытка закончилась полным провалом. Менее чем через полминуты после его погружения мы почувствовали, что яростно задергалась веревка (мы заранее договорились, что таким образом он подаст нам сигнал вытаскивать его), и мгновенно вытащили его, но так неак-

куратно, что он сильно ударился о лестницу. Он ничего не принес с собой и сумел проникнуть только в самое начало коридора, потому что вынужден был все время бороться с силой, которая поднимала его к потолку. Вынырнул он вконец обессиленный и отдыхал целых пятнадцать минут, прежде чем смог снова нырнуть.

Вторая попытка закончилась еще хуже. Он так долго пробыл под водой, что мы заволновались и вытащили его, не дожидаясь условного сигнала. Оказалось, что он все время дергал веревку, только мы этого не чувствовали. Вероятно, это произошло из-за того, что та какой-то частью запуталась в перилах у основания лестницы. Вообще, эти перила нам очень мешали, поэтому мы решили, если получится, их убрать, перед тем как продолжать попытки. Поскольку никаких орудий у нас не было, мы все вместе спустились как можно дальше по лестнице в воду и, потянув лестницу, совместными усилиями выломали ее.

Третья попытка оказалась такой же неудачной, как и первые две, и стало понятно, что мы ничего не добьемся без помощи какого-нибудь груза, которым ныряльщик смог бы удерживать себя возле пола во время поисков под водой. Мы долго не могли найти что-то подходящее для этой цели, но потом, к счастью, наткнулись на цепь, которую смогли вырвать из крепления. Когда мы надежно закрепили ее у Питерса на лодыжке, он в четвертый раз пошел в воду и на этот раз сумел добраться до двери в помещение стюарда. К невыразимому сожалению, она оказалась заперта, и ему пришлось возвращаться ни с чем, потому что под водой он мог находиться не более минуты. Дела наши теперь действительно были плохи, и мы с Августом не смогли сдержать слез, когда представили предстоящие трудности и малую вероятность спасения. Но то была лишь минутная слабость. Пав на колени, мы стали молить Господа не оставить нас в испытаниях, а потом с удвоенной надеждой и энергией начали думать, что можно предпринять для своего избавления.

10

Вскоре после этого имело место происшествие, более насыщенное острыми переживаниями – сначала неопишуемой радостью, а затем леденящим ужасом, – чем любой из тысяч поразительных случаев самого непонятного и даже непостижимого характера, включившихся со мной на протяжении последующих долгих девяти лет. Лежа на палубе, мы обсуждали возможность проникновения в кладовую, когда, взглянув на Августа, лежавшего напротив меня, я увидел, что лицо его мертвенно побледнело, а губы дрожат самым неестественным образом. Встревожившись не на шутку, я обратился к нему, но он не ответил, и я начал думать, что ему вдруг стало хуже, но потом заметил его глаза, ярко блестящие и устремленные куда-то мне за спину. Я повернул голову. Никогда мне не забыть ощущение всеохватывающего счастья, пронзившее каждую корпускулу моего тела, когда я увидел большой бриг, медленно приближающийся к нам и находящийся не более чем в двух милях от «Косатки». Я вскочил на ноги так, словно мушкетная пуля ударила мне в сердце, вытянул руки в сторону судна, да так и замер, не в силах ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. Питерс и Паркер были тоже поражены, хоть и вели себя по-разному. Если первый принялся плясать по палубе как безумец, издавая немыслимые восклицания, перемежаемые воем и проклятиями, то второй зарыдал и долго плакал как дитя.

Это судно было голландской бригантиной, покрашенной в черный цвет, с аляповатой позолоченной фигурой на носу. Ее явно потрепала непогода, и мы предположили, что она тоже сильно пострадала во время шторма, который имел для нас такие катастрофические последствия, потому что фор-стенг¹⁷ у нее была сорвана, а с правой стороны зияла большая брешь в фальшборте. Когда мы ее только заметили, она, как я уже сказал, находилась в двух милях от нас с наветренной стороны и приближалась. Ветер дул совсем слабый, и больше всего нас поразило то, что из парусов у нее стояли только фок и грот с летучим кливером, из-за чего она двигалась очень медленно, и наше нетерпение почти переросло в безумие. Однако все мы, несмотря на возбуждение, обратили внимание на то, что бригантина идет как-то странно. Она поворачивалась то в одну, то в другую сторону, и нам даже пару раз начинало казаться, что команда не увидела нас, или, увидев и не заметив на борту людей, решила изменить курс. Каждый раз, когда это случалось, мы начинали кричать изо всех сил, и бригантина, казалось, меняла свои планы и снова поворачивала к нам. Этот необычный маневр повторился два или три раза, и в конце концов нам оставалось только предположить, что их рулевой пьян.

На палубе никого не было видно до тех пор, пока она не оказалась примерно в полумиле от нас. Мы увидели трех матросов, судя по одежде, голландцев. Двое лежали на каких-то старых парусах возле бака, а третий, который, как нам показалось, с большим любопытством смотрел на нас, стоял, опершись на правый борт, у самого бушприта. Этот последний был крепким высоким мужчиной с очень смуглой кожей. Похоже, всем своим поведением он призывал нас иметь терпение, радостно, хоть и довольно необычно кивая нам и показывая сверкающие белоснежные зубы в широкой улыбке. Когда судно приблизилось, мы увидели, что с головы у него слетела в воду красная фланелевая шапочка, но он этого то ли не заметил, то ли не обратил внимания и все продолжал улыбаться и кивать. Я специально столь подробно описываю все эти обстоятельства, и нужно понимать, что описываю их так, как они представлялись нам.

Бригантина приближалась медленно, уже не сворачивая, как прежде, и у нас – я не могу спокойно об этом говорить! – сердца готовы были вырваться из груди от восторга, мы изли-

¹⁷ Рангоутное дерево, первое удлинение нижних мачт.

вали душу радостными криками, вознося хвалу Господу за столь внезапное, столь полное и чудесное избавление. И вдруг совершенно неожиданно со стороны странного судна (которое уже находилось рядом с нами) через разделявшую нас воду донесся запах, смрад, для которого во всем мире не существует названия – для которого нет даже понятия – адский – удушающий – совершенно невыносимый, невообразимый. Задыхаясь, я развернулся к своим товарищам и увидел, что они побледнели как полотно. Но у нас не оставалось времени задаваться вопросами или строить догадки – бригантина уже была в пятидесяти футах от нас и, похоже, собиралась пройти мимо, не спуская шлюпки, чтобы мы сами поднялись на борт. Мы бросились к корме, но вдруг корабль отвернуло от курса на пять-шесть градусов и, когда он прошел мимо нас в двадцати футах от кормы, нам открылся вид на ее палубу. Забуду ли я когда-либо это кошмарное зрелище? Двадцать пять или тридцать человеческих тел, среди них и несколько женских, в последней, самой омерзительной степени разложения, лежали вповалку между кормой и камбузом. Мы увидели, что на этом проклятом корабле нет ни единой живой души! Но мы закричали мертвым, прося о помощи, потому что не могли иначе. Да, в ту мучительную минуту долго и громко умоляли мы эти молчаливые и отвратительные образы остаться с нами, не бросать нас, чтобы мы не стали такими же, как они, просили их принять нас в свое славное общество. Охваченные отчаянием и страхом, метались мы по палубе, совершенно обезумев от разочарования.

Когда первый крик ужаса исторгся из наших глоток, ему со стороны бушприта незнакомого судна ответило нечто до того подобное человеческому воплю, что даже самый острый слух был бы обманут и повергнут в изумление. И в ту же секунду внезапно, на миг, к нам повернулась носовая часть бригантины, и мы узрели источник этого звука. Мы увидели высокую плотную фигуру, которая все так же опиралась на борт и продолжала кивать головой, только лицо ее теперь было отвернуто на нас. Руки моряка свесились за борт ладонями наружу, колени упирались в туго натянутый между бушпритом и кат-балкой канат. На шее у него, там, где был вырван кусок рубахи, сидела огромная чайка, поедавшая жуткую плоть, глубоко зарывшись в нее клювом и когтями, и на белых перьях ее багровели пятна крови. Когда бриг повернулся дальше, приближая к нам страшную картину, птица с видимым усилием подняла окровавленную голову, секунду смотрела на нас как бы удивленно, а потом лениво взлетела с тела, на котором пиршествовала, и зависла в воздухе прямо над нашей палубой, держа в клюве бесформенный кусок красновато-коричневого мяса. Вскоре жуткий комок плоти упал с глухим шлепком прямо под ноги Паркеру. Да простит меня Бог, но именно тогда в голове у меня впервые промелькнула мысль, мысль, которую я не стану приводить, и я почувствовал, что шагнул к запятнанному кровью месту. Я поднял глаза и встретил устремленный на меня напряженный, многозначительный взгляд Августа, который, однако, сразу привел меня в чувство. Я прыгнул вперед и с содроганием выбросил отвратительный предмет в море.

Державшееся на веревке тело, из которого он был вырван, легко раскачивалось от усилий терзавшей его плотоядной птицы, и именно это движение заставило нас подумать, что человек жив. Когда чайка оставила труп в покое, он чуть повернулся и сполз вниз, отчего его лицо открылось нам полностью. Вряд ли во всем мире когда-либо существовало что-нибудь более жуткое! Под пустыми глазницами зиял рядом обнаженных зубов начисто лишенный плоти рот. Вот, значит, какая улыбка вселила в нас столь радостные надежды! Вот, значит... Но я воздержусь от дальнейших описаний. Бригантина, как я уже сказал, прошла перед нашим носом и медленно, но уверенно продолжила движение в подветренную сторону. Вместе с ней и ее жутким экипажем исчезла наша надежда на спасение. Пока бригантина неторопливо проходила мимо, мы, наверное, нашли бы способ подняться на нее, но внезапное разочарование и сопутствовавшее ему ужасающее открытие лишили нас умственных и физических сил. Мы видели и чувствовали, но не могли ни думать, ни действовать, пока,

увы, не стало слишком поздно. О том, насколько наш разум был ослаблен этим происшествием, можно судить по такому факту: когда судно отделилось настолько, что была видна лишь половина корпуса, кто-то всерьез предложил догнать его вплавь!

Я долго и безуспешно пытался приоткрыть зловещую завесу неопределенности, окружавшую это судно. Его конструкция и общий внешний вид, как я уже говорил, указывали на то, что это было голландское торговое судно. Одежда экипажа подтверждала это. Мы вполне могли видеть название у него на корме и заметить множество прочих мелочей, которые могли бы помочь нам понять, что это за судно, но сильнейшее возбуждение сделало нас невосприимчивыми к такого рода вещам. По желто-оранжевому оттенку кожи тех трупов, которые еще не разложились окончательно, мы заключили, что весь экипаж погубила желтая лихорадка или другая такая же страшная болезнь. Если это действительно так (а ничего иного я не могу предположить), то, судя по расположению тел, смерть выкосила их стремительно и беспощадно, что совершенно не похоже на течение даже самых опасных известных человечеству смертельных болезней. Причиной несчастья мог оказаться и яд, случайно попавший в провиант, или какая-нибудь съеденная неизвестная ядовитая рыба, или морское животное, или океаническая птица. Как бы то ни было, бесполезно строить догадки там, где царит вечная ужасающая и непостижимая тайна.

11

Остаток дня мы провели в состоянии отупения и оцепенения, глядя вслед удаляющемуся судну, пока тьма, скрывшая его, не привела нас до определенной степени в чувство. После этого вернулись голод и жажда, затмившие все наши заботы и помыслы. Однако до утра все равно ничего сделать было нельзя, поэтому мы, привязавшись покрепче, собрались немного поспать. В этом я преуспел больше, чем можно было ожидать, и проснулся только на рассвете, когда мои менее удачливые товарищи разбудили меня, чтобы вновь заняться поисками съестного.

Стоял мертвый штиль, море словно застыло, было тепло и приятно. Бригантина исчезла из виду. Мы возобновили поиски, вырвав, не без труда, еще одну цепь. Когда обе цепи были привязаны к ногам Питерса, он предпринял очередную попытку добраться до кладовой, рассчитывая на то, что на сей раз у него на это хватит времени, так как бриг лежал на воде гораздо спокойнее, чем раньше.

До кладовой он добрался очень быстро. Сняв одну из цепей, он попытался с ее помощью выломать дверь, но не преуспел, рама оказалась намного прочнее, чем предполагалось. Долгое пребывание под водой отняло у него все силы, и стало понятно, что кому-то из нас придется занять его место. Немедленно вызвался Паркер, но после трех попыток осознал, что не сможет даже приблизиться к двери. Августу нырять было бесполезно, потому что, даже доберись он до кладовой, раны на руке все равно не позволили бы ему открыть дверь, поэтому настала моя очередь рискнуть ради общего спасения.

Питерс одну из цепей обронил вниз. Нырнув, я понял, что не могу постоянно находиться под водой из-за недостаточного веса, и потому решил первое погружение посвятить поискам цепи. Ощупывая пол, я наткнулся пальцами на какой-то твердый предмет, схватил его, не проверяя, что это, развернулся и поплыл обратно. Добычей моей оказалась бутылка, и можно представить, какая нас охватила радость, когда выяснилось, что она полна портвейна. Возблагодарив Бога за своевременное и столь приятное вмешательство, мы не раздумывая вытащили моим перочинным ножом пробку, сделали по небольшому глотку и сразу почувствовали необыкновенные тепло, силу и душевный подъем, которыми наполнил нас этот напиток. Потом мы осторожно закупорили бутылку и обмотали носовым платком так, чтобы она не могла разбиться.

Отдохнув немного после этой удачной находки, я снова опустился под воду и на этот раз нашел цепь, с которой поспешил подняться. Привязав ее к себе, я спустился в третий раз, но лишь убедился, что никакие усилия не помогут открыть дверь в кладовую. В отчаянии я вернулся.

Теперь надежды не осталось, и по лицам товарищей я понял, что они готовы умереть. Портвейн явно вызвал у них опьянение, которого я не испытывал из-за того, что несколько раз погружался под воду после того, как выпил. Разговаривали они довольно бессвязно и о материях, никак не касающихся нашего нынешнего положения. Питерс постоянно что-то спрашивал меня о Нантакете, а Август, помню, подошел ко мне с очень серьезным видом и попросил дать ему расческу, потому что в волосах у него было полно рыбьей чешуи и он хотел вычистить ее перед тем, как сойти на берег. Паркер выглядел трезвее остальных. Он предложил мне наобум нырнуть в кают-компанию и принести оттуда все, что попадется под руку. Я согласился и с первой же попытки, пробыв под водой почти целую минуту, поднял небольшой кожаный саквояж, принадлежавший капитану Барнард. Он был сразу же открыт в слабой надежде на то, что там может оказаться что-нибудь съестное или выпивка. Внутри не оказалось ничего, кроме коробки с бритвами и двух льняных рубашек. Я еще раз нырнул и вернулся ни с чем. Когда моя голова снова показалась над водой, я услышал удар по

палубе и увидел, что мои друзья неблагодарно воспользовались моим отсутствием, чтобы допить остатки портвейна и уронили бутылку, спеша положить ее на место, пока я не поймал их на горячем. Когда я упрекнул их в бессердечности, Август зарыдал. Остальные двое попытались рассмеяться, переводя все в шутку, но я искренне надеюсь, что никогда больше не стану свидетелем такого смеха: их лица исказились самым ужасающим образом. Было очевидно, что горячительный напиток, попав в их пустые желудки, возымел мгновенное и сильнейшее действие: все они были пьяны. С большим трудом мне удалось убедить их лечь, и очень скоро они провалились в тяжелый сон, сопровождаемый громким храпом.

В одиночестве меня одолел страх. Я не видел для нас иного будущего, кроме медленной мучительной смерти от голода, в лучшем случае нас бы погубил следующий шторм, потому что в нынешнем ослабленном состоянии мы бы не выдержали еще одного буйства стихии.

Голод, который я все время ощущал, был почти невыносим, и я почувствовал, что готов на все, лишь бы хоть как-то удовлетворить его. Перочинным ножом я отрезал полоску кожи от саквояжа, разделил ее на части и попытался ее съесть, но не смог проглотить, хоть и ощутил некоторое облегчение, когда пожевал и выплюнул несколько кусочков. Под вечер мои друзья начали просыпаться, один за одним, каждый в состоянии неопишуемой слабости и ужаса, вызванных воздействием вина, пары которого уже улетучились. Они тряслись, как в малярии, и жалобно просили воды. Их состояние необычайно опечалило меня, но одновременно заставило обрадоваться тому стечению обстоятельств, которое помешало мне выпить вместе с ними вина, из-за чего теперь я не мучился подобно им. Однако их поведение вызвало у меня сильную тревогу и беспокойство, ибо стало понятно, что, если не произойдет какого-нибудь благоприятного изменения, они не смогут помочь мне сделать что-либо для нашей общей пользы. Я еще не оставил надежды поднять снизу что-нибудь полезное, но сделать это было невозможно до тех пор, пока хотя бы один из них не придет в себя настолько, что сможет держать мою веревку, пока я буду под водой. Паркер показался мне несколько более собранным, чем остальные, и я решил любыми доступными мне способами привести его в чувство. Подумав, что купание в морской воде может оказаться полезным, я обвязал его веревкой, подвел ко входу в кают-компанию (он при этом оставался совершенно безучастным), толкнул в воду и тут же вытащил. Мне оставалось только поздравить себя с тем, что я додумался до этого, потому что после купания Паркер значительно посвежел и обрел новые силы. Выбравшись из воды, он вполне здраво поинтересовался, зачем я это с ним сделал. Когда я объяснился, он сказал, что теперь в долгу передо мной и что после погружения ему и впрямь стало лучше. После этого мы поговорили о нашем положении и, решив провести такой же эксперимент с Августом и Питерсом, занялись этим безотлагательно; оба они почувствовали значительное облегчение от неожиданного купания. Идею подсказал мне один читанный мною медицинский труд о благотворном воздействии душа на пациентов, страдающих *mania a potu*¹⁸.

Убедившись, что теперь моим спутникам можно доверить держать веревку, я еще раз три или четыре нырнул в кают-компанию, хотя уже совсем стемнело и легкая, но устойчивая волна с севера немного качала судно. За три попытки мне удалось достать два ножа в ножнах, пустой кувшин в три галлона и одеяло; ничего такого, что можно было бы употребить в пищу, я не нашел. Я не прекращал попыток, пока вконец не обессилел, но больше не нашел ничего. Ночью Паркер и Питерс по очереди занимались тем же, но, ничего не найдя, мы в отчаянии заключили, что понапрасну тратим силы.

Остаток ночи мы провели в сильнейших душевных и телесных муках, какие только можно представить. Утро шестнадцатого числа мы встретили, жадно всматриваясь в горизонт в надежде на избавление, но тщетно. Спокойная гладь моря, как и вчера, нарушалась

¹⁸ Пристрастие к кубку (лат.).

лишь идущей с севера рябью. Шестой день мы жили без еды и питья, если не считать бутылки портвейна, и не приходилось сомневаться, что долго мы так не протянем, если не раздобудем чего-нибудь. Никогда прежде я не видел и не хочу снова увидеть людей, дошедших до такой степени крайнего истощения, в какой пребывали Питерс и Август. Встреть их в таком состоянии на берегу, я бы их ни за что не узнал. Внешность их совершенно изменилась, и мне было трудно поверить, что это те самые люди, с которыми я имел дело всего несколько дней назад. Паркер тоже отощал и был так слаб, что не мог поднять поникшую голову, но все же выглядел лучше других. Тяготы он переносил стойко, не жаловался и даже как мог подбадривал нас. Что до меня, то я, хоть и отправлялся в это плавание не совсем здоровым и всегда отличался хрупкостью телосложения, страдал меньше всех, потому что потерял в весе не так сильно, как остальные, и сохранил на удивление ясный ум, тогда как другие находились в полной прострации, и они как будто впали в детство – глупо улыбались и лепетали какую-то бессмыслицу. Впрочем, разум нет-нет да и возвращался к ним, что происходило совершенно неожиданно, когда они, как будто вдруг осознав свое положение, энергично вскакивали на ноги и начинали говорить о своем будущем вполне разумно и осмысленно, хоть и с отчаянием в голосе. Хотя вполне возможно, что мои спутники воспринимали все происходящее так же, как воспринимал я, и что я сам впадал в подобное состояние, только не догадывался об этом – сказать невозможно.

Около полудня Паркер вдруг заявил, что видит землю слева по борту, и мне стоило больших усилий удержать его, когда он собрался добраться до нее вплавь. Питерс и Август, погруженные в мрачные раздумья, не обратили внимания на его слова. Я пристально всматривался туда, куда указывал Паркер, но ничего не увидел, да и потом, я слишком хорошо понимал, насколько далеко от ближайшей земли мы находимся, чтобы питать надежды подобного рода. Но прошло немало времени, пока я сумел убедить его в том, что он ошибся. Он заплакал как ребенок и рыдал два-три часа, после чего, обессилив, заснул.

Питерс и Август несколько раз безуспешно попытались проглотить немного кожи. Я посоветовал им разжевывать ее и выплевывать, но у них не было сил внять моему совету. Сам же я продолжал жевать кусочки кожи, что действительно приносило мне некоторое облегчение. Больше всего меня угнетало отсутствие воды, и от того, чтобы напиться морской воды, меня удерживали лишь воспоминания о страшных последствиях, которые испытывают те, кто это сделал, оказавшись в подобном нашему положении.

День клонился к вечеру, когда вдруг я увидел на востоке парус. Какое-то крупное судно шло почти перпендикулярно нам примерно в двенадцати – пятнадцати милях. Никто из моих товарищей до сих пор его не заметил, и я пока не стал им говорить о своем открытии, боясь, как бы нам снова не испытать разочарование. Наконец, когда судно приблизилось, я отчетливо увидел, что оно на всех парусах идет к нам. Больше сдерживаться я не мог и указал на него моим товарищам по несчастью. Они вскочили на ноги и принялись выражать свою радость самыми неожиданными способами: плакали, хохотали как полоумные, прыгали, топали ногами, рвали на себе волосы, то молились, то сыпали проклятиями. Поведение их вместе с тем, что показалось мне верным спасением, настолько возбудили меня, что я не выдержал и присоединился к всеобщему безумству, в счастливом экстазе бросился на палубу, стал кататься, хлопать в ладоши, кричать и предаваться прочим несуразностям, пока вдруг резко не был возвращен в чувство и низвергнут на самое дно пучины человеческих страданий и отчаяния. Я увидел, что корабль повернулся к нам кормой и удаляется в направлении, почти противоположном тому, в котором двигался сначала.

Я долго не мог заставить моих несчастных спутников поверить в то, что это печальное изменение в нашей судьбе действительно произошло. На все мои уверения они отвечали непонимающими взглядами и лишь отмахивались, давая понять, что не собираются слушать мои лживые заверения. Особенно беспокоил меня Август. Что бы я ни делал, как бы ни

возражал, он упрямо повторял, что судно спешит к нам, и готовился подняться на борт. Рядом с бригом плавали какие-то водоросли, он сказал, что это шлюпка, и хотел запрыгнуть на них, а потом, когда я силой удержал его от прыжка в море, начал душераздирающе вопить и завывать.

Более-менее успокоившись, мы продолжали смотреть на корабль, пока тот, наконец, не скрылся из виду. Над морем поднимался туман, подул легкий ветер. Паркер резко повернулся ко мне с таким выражением лица, что я содрогнулся. Во взгляде его читалась решимость, какой я не замечал никогда прежде, и еще до того, как он разомкнул уста, сердце подсказало мне, что он хотел сказать. Он предлагал, чтобы один из нас умер ради спасения остальных.

12

Незадолго до этого я размышлял о том, что мы можем дойти до этой страшной крайности, и решил для себя, что лучше приму смерть в любом виде и в любых обстоятельствах, чем опущусь до такого. Многократно усилившееся чувство голода, которое я сейчас испытывал, ни в коей мере не поколебало меня в этом решении. Предложение Паркера не было услышано ни Питерсом, ни Августом, поэтому я отвел его в сторону и, мысленно моля Господа дать мне сил заставить его отказаться от жутких намерений, долго увещевал его, заклинал ради всего святого, убеждал всеми доводами, которых требовали обстоятельства, отказаться от этой мысли и не делиться ею ни с кем.

Он выслушал все, что я сказал, не пытаясь оспаривать ни один из моих доводов, и у меня зародилась надежда, что он все же согласится со мной. Но, когда я замолчал, он заявил, что прекрасно понимает, что все сказанное мною правда и что необходимость принятия такого решения – самое страшное, что может выпасть на долю человека, но что он держался столько, сколько может вынести разумное существо, что незачем умирать всем, если смертью одного можно сохранить жизни остальных; и добавил, что бесполезно его отговаривать, поскольку он принял твердое решение еще до появления корабля, которое одно и помешало упомянуть об этом раньше.

Тогда я стал просить его, чтобы он если не отказался от своих планов, то хотя бы отложил их на день, когда, возможно, какое-нибудь судно спасет нас, и снова привел все доводы, какие только смог придумать и которые, как мне казалось, могли бы пронять его грубую натуру. На это он ответил, что не говорил, пока было можно, что больше не в силах существовать без еды и что, если ждать еще день, то будет уже слишком поздно, во всяком случае, для него.

Сообразив, что спокойными речами его решимость не поколебать, я повел себя по-другому и напомнил ему, что я пострадал меньше всех, из-за чего теперь я был значительно сильнее и здоровее его, Питерса и Августа; короче говоря, заявил, что при необходимости настою на своем силой и что не раздумывая брошу его в море, если он решит познакомиться со своими кровожадными людоедскими планами остальных. Тогда он схватил меня за горло, выхватил нож и несколько раз попытался пырнуть меня в живот, и лишь из-за слабости это ему не удалось. Я же, рассвирепев, подтащил его к борту, и от верной смерти его спасло вмешательство Питерса, который подбежал, разнял нас и спросил, из-за чего ссора. Паркер ответил прежде, чем я смог помешать ему.

Последствия его слов оказались еще более страшными, чем я ожидал. И Август, и Питерс, похоже, давно втайне вынашивали эту ужасающую мысль, и Паркер просто оказался первым, кто об этом заговорил вслух. Они тотчас согласились с его планом и потребовали немедленно привести его в исполнение. Я рассчитывал, что по крайней мере один из них сохранил трезвость ума, чтобы встать на мою сторону и помешать кровопролитию. С помощником я бы без труда усмирил остальных двоих. Когда выяснилось, что мои надежды не оправдались, возникла крайняя необходимость позаботиться о собственной безопасности, ибо дальнейшее противление с моей стороны люди, находящиеся в этом ужасающем положении, могли счесть достаточным поводом отказать мне в праве участвовать на равных в трагедии, которая, я знал, вот-вот произойдет.

Я выразил готовность подчиниться и попросил подождать хотя бы час, чтобы, когда развеется туман, посмотреть, не вернулось ли судно, которое мы видели. С большим трудом мне удалось уговорить их подождать. Как я и ожидал, набирающий силу ветер разогнал туман менее чем за час и, когда никакого судна не появилось, мы приготовились тянуть жребий.

Крайне неохотно приступаю я к рассказу о последовавшей безобразной сцене, о сцене, мельчайшие подробности которой не смогли стереть из моей памяти события, происходившие со мной впоследствии, и суровые воспоминания о которой будут омрачать каждый миг моего дальнейшего существования. Попытаюсь покончить с этой частью моего повествования так скоро, насколько позволяет характер инцидента. Чтобы провести эту жуткую лотерею, было решено тянуть соломинки – иного способа мы не придумали. Роль соломинок исполнили тонкие деревянные щепки, и мне было поручено стать ведущим. Я отошел в конец палубы, а мои несчастные спутники молча повернулись ко мне спиной. Величайшие муки за всю эту ужасающую драму я испытал, когда раскладывал щепки. Существует лишь немного состояний, в которые может впасть человек, чтобы полностью утратить страстное желание сохранить свою жизнь, и желание это тем острее, чем тоньше нить, связывающая его с жизнью. Но сейчас безмолвное, определенное и мрачное дело, которым я оказался занят (столь не сходное с опасностями шторма или с неотвратимо надвигающимися ужасами голода), заставило меня задуматься о том, сколь невелики мои шансы на спасение от страшнейшей из смертей – от смерти ради страшнейшей из целей, – и решимость, которая так долго не давала мне сдаться, покинула меня в один миг, легко, как пушинка, гонимая ветром, оставив меня беззащитным перед малодушным и презренным страхом. Поначалу мне даже не хватало силы сломать одну из щепок, пальцы отказывались слушаться, а колени дрожали. В голове проносились тысячи самых нелепых способов избежать участия в чудовищном злодеянии. Я подумывал пасть перед моими спутниками на колени и уговорить их освободить меня от этой обязанности или наброситься на них и убить одного, чтобы не нужно было тянуть жребий, – иными словами, я думал о чем угодно, только не о предстоящем мне деле. Наконец из этого помрачения ума меня вырвал голос Паркера, который призвал немедленно прекратить их томительное ожидание. И даже тогда я не мог заставить себя разложить щепки, а все думал, какой бы хитростью заставить кого-то из моих товарищей по несчастью вытащить короткую щепку, ибо мы условились, что вытащивший самую короткую щепку умрет для спасения остальных. Тот, кто хочет обвинить меня в бессердечии, пусть представит себя в таком же положении.

Тянуть время больше было нельзя, и я, чувствуя, как сердце выскакивает из груди, подошел к ожидавшим меня товарищам. Я вытянул руку со щепками, и Питерс сразу же выхватил одну. Ему повезло, по крайней мере, его щепка не была самой короткой, и шансов на спасение у меня стало меньше на один. Собрав все свои силы, я повернул руку к Августу. Он тоже вытащил жребий, не раздумывая, и ему тоже повезло. Теперь жизнь и смерть имели на меня равные права. И в этот миг меня охватила нечеловеческая ненависть к себе подобному существу, Паркеру, сильнейшая, дьявольская ярость. Но чувство это не задержалось, и я, судорожно передернув плечами и закрыв глаза, протянул ему две оставшиеся щепки. Прошло целых пять минут, прежде чем он решился сделать выбор, и за все это время напряженного ожидания я ни разу не открыл глаза. Наконец одну из двух щепок быстро выдернули из моих пальцев. Итак, выбор сделан, только я не знал, в мою ли пользу. Все молчали, а я все так же не решался посмотреть на оставшуюся у меня в руке щепку, чтобы узнать свою участь. Потом Питерс взял меня за руку, я в конце концов заставил себя открыть глаза и по выражению лица Паркера мгновенно понял, что спасен и что это он обречен стать жертвой. Задышавшись, я без чувств рухнул на палубу.

Очнулся я как раз вовремя, чтобы увидеть, как трагедия эта завершилась смертью того, кто ее вызвал. Он не пытался сопротивляться и, когда Питерс ударил его в спину ножом, упал замертво. Не должно мне описывать омерзительную трапезу, которая последовала вслед за этим. Такие вещи можно представить, но слова не в силах передать весь ужас действительности. Скажу только, что, удовлетворив до определенной степени снедавшую нас жажду кровью жертвы и с общего согласия выбросив отрезанные кисти рук, ступни и голову вме-

сте с внутренностями в море, мы поглощали остальное тело кусочек за кусочком в течение четырех дней, семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого числа.

Девятнадцатого хлынул ливень, продолжавшийся пятнадцать — двадцать минут, и нам удалось собрать немного воды с помощью покрывала, которое мы выудили зацепом из кают-компания сразу после урагана. Добыли мы не больше половины галлона, но даже этого мизерного количества хватило, чтобы придать нам силы и возродить надежду.

Двадцать первого числа мы снова были вынуждены прибегнуть к последнему средству. Погода была теплой и приятной, время от времени поднимался туман и дул ветер, чаще всего с севера и запада.

Двадцать второго числа, когда мы сидели, прижавшись друг к другу, и обсуждали наше плачевное положение, неожиданно в голове у меня промелькнула мысль, от которой надежда вспыхнула и заиграла ярким светом. Я вспомнил, что, когда была срублена фок-мачта, Питерс, находившийся у якорной цепи с наветренной стороны, передал мне один из топоров с просьбой спрятать его в какое-нибудь надежное место, и что за несколько минут до того, как последняя гигантская волна ударила в бриг и наполнила его водой, я отнес топор на бак и положил на койку в одной из кают по левому борту. Мне подумалось, что, найдя этот топор, мы могли бы прорубиться через палубу в кладовую и добыть провизию.

Когда я сообщил об этом товарищам, те вскрикнули от радости, и мы тотчас направились на бак. Здесь спускаться вниз оказалось гораздо труднее, чем в кают-компанию, из-за того что люк был намного меньше, кроме того, нельзя забывать, что всю надстройку над входом в кают-компанию снесло водой, тогда как вход в кубрик, представлявший собой обычный люк три на три фута, остался невредим. Однако я не колеблясь решил спускаться и, когда меня, как прежде, обвязали веревкой, прыгнул в люк, быстро проплыл к каютам и с первой же попытки нашел топор. Мое возвращение было встречено оглушительными радостными криками, а легкость, с которой был найден топор, была воспринята как знамение спасения.

После этого со всей энергией возродившейся надежды мы с Питерсом, работая топором по очереди, начали рубить палубу; раненая рука Августа не позволила ему помогать нам. Поскольку мы все еще были слабы настолько, что с трудом держались на ногах без поддержки и работать, не отдыхая, могли не больше одной-двух минут, вскоре стало понятно, что многие часы уйдут на то, чтобы прорубить в палубе достаточно большое отверстие для свободного доступа к кладовой. Но это ничуть не уменьшило нашей решимости довести дело до конца и, работая всю ночь напролет при свете луны, мы закончили работу к утру двадцать третьего числа.

На этот раз Питерс вызвался спуститься и, после обычных приготовлений нырнув, вскоре поднялся с баночкой, в которой, к нашему неописуемому восторгу, оказались маслины. После того как мы разделили их между собой и с жадностью съели, Питерс снова нырнул. Эта попытка превзошла наши самые смелые ожидания, ибо он вернулся почти сразу с большим куском окорока и бутылкой мадеры. Вина мы выпили по чуть-чуть, по опыту зная, чем в нашем положении грозит невоздержанность. Окорок, кроме около двух фунтов у кости, оказался весь испорчен морской водой и непригоден для еды. Съедобную часть мы разделили. Питерс и Август, не в силах бороться с аппетитом, в два счета проглотили свои куски, но я был более осторожен и съел только небольшую часть мяса, потому что знал, какую жажду оно вызовет. После этого мы немного отдохнули от тяжелых трудов.

В полдень, чувствуя себя до определенной степени окрепшими и посвежевшими, мы продолжили поиски провизии. До самого заката мы с Питерсом попеременно ныряли в кладовую и каждый раз возвращались с добычей. Всего нам посчастливилось достать четыре баночки с маслинами, еще один окорок, оплетенную бутыл с почти тремя галлонами превосходной мадеры, и, что обрадовало нас больше всего, маленькую галапагосскую черепаху.

Несколько таких черепах капитан Барнард перед самым отплытием взял на борт со шхуны «Мэри Питтс», которая ходила в Тихий океан за тюленями и только что вернулась.

В последующей части моего повествования я буду часто упоминать этот вид черепах. Как наверняка известно большинству моих читателей, этот вид обитает в основном на архипелаге, называемом Галапагосские острова, причем название это происходит от слова, обозначающего вид животного: испанское слово «galápagos» означает пресноводную черепаху. Из-за особенностей внешнего вида и поведения ее иногда называют слоновой черепахой. Нередко находят экземпляры огромных размеров. Я своими глазами видел нескольких черепах весом от двенадцати до пятнадцати сотен фунтов, хоть и не припомню, чтобы кто-нибудь из мореплавателей упоминал о том, что встречал экземпляр тяжелее восьми сотен. Их внешний вид очень необычен, можно даже сказать, уродлив. Шаги их очень медлительны и размеренны, тело они несут примерно в футе над землей. Шея у них длинная и необычайно тонкая, в большинстве случаев длиной от восемнадцати дюймов до двух футов, но я как-то убил одну, у которой расстояние от плеч до крайней точки головы составляло никак не меньше трех футов десяти дюймов. Голова этих черепах имеет поразительное сходство с головой змеи. Они могут существовать без пищи невероятно долгое время. Известны случаи, когда галапагосских черепах бросали в трюм судна, и те, проведя там два года без какой-либо еды, оставались такими же здоровыми, как в первый день заточения. В одном отношении эти удивительные животные напоминают дромадера, верблюда, обитающего в пустынях. В мешке у основания шеи они носят с собой постоянный запас воды. В некоторых случаях в мешках убитых черепах, которых не кормили год, находили целых три галлона абсолютно чистой пресной воды. Питаются они в основном дикорастущими петрушкой и сельдереем, а также портулаком, морскими водорослями и опунциями; особенно они любят последнее растение, которое в изобилии растет на склонах холмов вдоль берегов, где можно найти самих черепах. Мясо черепах – превосходный высокопитательный продукт, наверняка спасший жизни тысячам моряков, занятых китобойным промыслом и рыбной ловлей в Тихом океане.

Та, которую нам повезло поднять из кладовой, весила немного, всего фунтов шестьдесят пять или семьдесят. Это была самка в прекрасном состоянии, очень жирная, и в подшейном мешке у нее находилось больше кварты чистой сладкой воды. Для нас это стало настоящим сокровищем, и, как один пав на колени, мы горячо возблагодарили Господа за столь своевременную помощь.

Вытащить черепаху через отверстие в палубе оказалось необычайно трудно, потому что она обладала просто поразительной силой и отчаянно сопротивлялась. Она уже была близка к тому, чтобы вырваться из рук Питерса и скользнуть обратно в воду, когда Август накинул ей на шею веревку с петлей и удерживал ее таким образом, пока я прыгал к Питерсу и помогал ему поднимать животное.

Воду мы бережно перелили в кувшин, который, напомним, подняли раньше из кают-компания. После этого мы отбили горлышко у одной из бутылок и заткнули его пробкой, чтобы получилось некое подобие бокала, в который помещалась примерно восьмая часть пинты. Потом каждый из нас выпил по этой мере, и мы уговорились, что это будет нашей дневной нормой воды.

В течение последних двух-трех дней стояла сухая приятная погода. Покрывала, которые мы вытащили из кают-компания, и наша одежда полностью высохли, поэтому ночь (на двадцать четвертое) мы провели в относительном удобстве, наслаждаясь безмятежным отдыхом после обильного ужина, состоявшего из маслин с окороком и глотком вина. Чтобы наши припасы ночью ненароком не сдуло ветром в воду, мы крепче привязали их веревкой к обломкам брашпиля. Черепаха, которую мы хотели сохранить живой как можно дольше, была перевернута на спину и тоже аккуратно привязана.

13

24 июля. Это утро мы встретили отдохнувшими и в хорошем настроении. Несмотря на угрожающую нам опасность; не зная своего местоположения (хотя было понятно, что мы находились далеко от суши); не имея достаточного количества пищи, чтобы при самой строгой экономии протянуть больше двух недель, и почти совсем без воды; перемещаясь по воле волн и ветра на самой ненадежной посудине в мире, мы считали нынешние наши тяготы обычными неприятностями по сравнению с теми ужасными горестями и опасностями, которых мы так недавно и так благополучно избежали – вот как относительно понятия добра и зла.

На восходе солнца, когда мы готовились возобновить попытки достать что-либо из кладовой, хлынул сильный дождь с молнией, и мы переключили внимание на сбор воды покрывалом, которое уже использовали для этих целей ранее. Мы растягивали покрывало, положив на его середину цепь. Вода, собираясь в центре, просачивалась сквозь ткань в кувшин. Таким образом мы наполнили его почти полностью, когда налетевший с севера мощный шквал заставил нас прекратить попытки, потому что бриг начало так раскачивать, что устоять на ногах было невозможно. Мы пошли на нос, как раньше, крепко привязали себя к остаткам брашпиля и стали ждать развития событий гораздо спокойнее, чем можно было бы ожидать в данных обстоятельствах. К полудню ветер усилился, а вечером разыгралась настоящая буря с сильнейшим ливнем. Однако, наученные опытом, мы пережили эту страшную ночь в относительной безопасности, несмотря на опасения быть смытыми в море захлестывавшими нас волнами. К счастью, было так тепло, что морская вода казалась нам скорее даже приятной, чем наоборот.

25 июля. Утром ветер стих до бриза в десять узлов, а море успокоилось настолько, что мы смогли лечь на палубу, чтобы обсохнуть. Но нас ждало жестокое разочарование: оказалось, что две банки маслин и окорок смыло за борт, несмотря на то что они были тщательно привязаны. Мы решили пока не убивать черепаху и довольствоваться завтраком из нескольких маслин и меры воды, наполовину смешанной с вином, – это придало нам бодрости и сил, а не вызвало тяжелое опьянение, как портвейн. Море еще было слишком беспокойным, чтобы возобновлять поиски в кладовой. За день в прорубленной на палубе дыре всплыли несколько предметов, бесполезных для нас в нашем положении, и были тотчас смыты за борт. Также мы заметили, что корпус судна накренился сильнее обычного, так что на палубе невозможно было устоять, не привязавшись к чему-либо. Ввиду этого время тянулось в напряженном ожидании. В полдень солнце встало почти в зените, и у нас не осталось сомнений, что затяжными северными и северо-западными ветрами нас приблизило к экватору. Вечером мы заметили акул и были несколько встревожены тем, как одна из них, особенно большая, безо всякого страха подплывала прямо к нам. Когда судно сильно накренилось и часть палубы ушла под воду, это чудовище оказалось совсем рядом, покружило немного над входом в кают-компанию и сильно ударило хвостом Питерса. Потом мощная волна наконец выбросила ее за борт, и мы облегченно вздохнули. При хорошей погоде мы бы без труда ее поймали.

26 июля. Утром, когда ветер стих и море более-менее успокоилось, мы решили продолжить исследование кладовой. После целого дня бесплодных поисков мы поняли, что рассчитывать больше не на что, так как ночью вода разбила перегородку и все, что было в кладовой, смыло в трюм. Нужно ли говорить, что это открытие повергло нас в уныние.

27 июля. Море спокойное, легкий ветер по-прежнему дует с севера и северо-запада. В полдень стало очень жарко, и мы занялись сушкой одежды. Купание в море прекрасно помогало справиться с жаждой и вообще оказывало благотворное воздействие, но делать это

нам приходилось с большой осторожностью: днем мы видели несколько акул, плававших вокруг брига.

28 июля. По-прежнему стоит хорошая погода. Бриг начал так крениться, что мы испугались, как бы он не перевернулся вверх дном, и приготовились к этому бедствию: привязали черепаху, кувшин с водой и две оставшиеся банки с маслинами как можно выше на наветренной стороне корпуса, ниже вант-путенсов. Весь день море оставалось очень спокойным, ветер почти не ощущался.

29 июля. Такая же погода. На раненой руке Августа появились первые признаки гангрены. Он жаловался на сонливость и постоянную жажду, но острой боли не чувствовал. Мы ничем не могли ему помочь. Единственное, что мы могли делать, – это смазывать раны уксусом из маслин, но от этого лучше ему, по-видимому, не становилось. Стараясь хоть как-то облегчить ему жизнь, мы утроили его порцию воды.

30 июля. Необычайно жаркий день. Все утро вокруг брига кружила гигантская акула. Мы несколько раз попытались поймать ее веревкой с петлей, но безуспешно. Августу стало намного хуже, от отсутствия должного лечения он страдал не меньше, чем от самих ран. Он умолял избавить его от мучений, желая одного – смерти. Вечером доели последние маслины; вода в кувшине настолько испортилась, что пить ее без добавления вина было невозможно. Решили утром убить черепаху.

31 июля. После беспокойной, утомительной из-за положения брига ночи убили и вскрыли черепаху. Она оказалась намного меньше, чем мы ожидали, хоть и в хорошем состоянии. Всего мяса набралось не больше десяти фунтов. Чтобы сохранить его как можно дольше, мы мелко нарезали и наполнили им три оставшиеся банки из-под маслин и винную бутылку. Таким образом удалось отложить три фунта черепашьего мяса, и мы условились не прикасаться к нему, пока не доедим остальное. Решили ограничить себя четырьмя унциями мяса в день – так наших запасов хватило бы на тринадцать дней. На закате прошел короткий дождь с сильной грозой, но он продолжался недолго, так что нам удалось собрать всего около половины пинты воды. Воду эту, по общему согласию, мы отдали Августу, который уже, казалось, был на последнем издыхании. Пил он прямо из покрывала (во время дождя мы положили его под ним, чтобы вода текла ему прямо в рот), потому что у нас теперь не осталось посуды для хранения воды. Разве что можно было вылить вино из оплетенной бутылки или застоявшуюся воду из кувшина, и мы бы это непременно сделали, продлись дождь еще.

Вода, кажется, почти не помогла Августу. Рука его совершенно почернела от запястья до плеча, а ступни на ощупь были холодными как лед. В любую секунду он мог испустить дух. Мой друг страшно отошал. Если ко времени отплытия из Нантакета в нем было добрых сто двадцать семь фунтов, то теперь он весил сорок, самое большее пятьдесят фунтов. Глаза его запали, так что их почти не было видно, обвисшая кожа на щеках мешала жевать, и даже глотать жидкость ему удавалось с большим трудом.

1 августа. Все та же спокойная погода и нестерпимо жаркое солнце. Мы очень страдали от жажды, вода в кувшине совершенно протухла и кишела паразитами. Тем не менее мы заставили себя сделать по глотку, перемешав ее с вином, но это лишь немного утолило жажду. Купание в море приносило большее облегчение, но предаваться этому занятию часто мы не могли из-за постоянного присутствия акул. Стало понятно, что Августа не спасти, он умирал в мучениях, и мы ничем не могли ему помочь. Примерно в полдень он скончался в страшных судорогах, не проронив ни слова за последние несколько часов. Его смерть наполнила нас самыми мрачными предчувствиями и повергла в такое угнетенное состояние, что мы весь день просидели неподвижно возле трупа, обращая друг к другу шепотом. Лишь после того, как стемнело, мы нашли в себе силы подняться и выбросить тело за борт. К тому времени оно обезобразилось и разложилось настолько, что, когда Питерс попытался поднять его, от него оторвалась нога. Когда тело скользнуло по борту в воду, его фосфорическое све-

чение озаарило семь или восемь акул, которые накинулись на добычу и стали с таким шумом терзать плоть, что клацанье их ужасных зубов, должно быть, разносилось на милю. Этот жуткий звук заставил нас съежиться и в страхе отступить от борта.

2 августа. Все та же изнуряющая безветренная и жаркая погода. Утро мы встретили в полном упадке сил и истощении. Вода в кувшине испортилась окончательно, она превратилась в густую студенистую массу с извивающимися отвратительного вида червями. Мы выплеснули ее, а кувшин хорошо вымыли в море, после чего налили в нее немного уксуса из бутылок с маринованным черепашью мясом. Жажда сделалась невыносимой. Напрасно мы пытались утолить ее вином – оно только подлило масла в огонь и сильно опьянило нас. Потом мы попытались облегчить страдания, смешав вино с морской водой, что вызвало сильнейшую рвоту, и больше мы этого не делали. Напрасно весь день мы ждали возможности окунуться в море – бриг теперь был со всех сторон окружен акулами, несомненно, такими же кровожадными, как те, что вчера вечером сожрали тело нашего друга и теперь ждали продолжения пиршества. Это обстоятельство очень расстроило нас и исполнило самых тягостных и печальных мыслей. Купание давало нам необычайное облегчение, и лишиться этой отрады, да еще из-за столь чудовищных обстоятельств, было невыносимо. К тому же мы постоянно испытывали страх, потому что стоило поскользнуться, сделать одно неосторожное движение, и можно было угодить в пасть этим ненасытным рыбам, которые, подплывая с подветренной стороны, то и дело бросались на нас из воды. Ни крики, ни другие попытки их отпугнуть не действовали. Даже когда Питерсу однажды удалось самую крупную из них ударить топором и нанести серьезную рану, та и не подумала оставить нас в покое. На закате по небу прошла туча, но, к нашему величайшему разочарованию, дождь так и не пошел. Из-за этого и из-за страха перед акулами той ночью мы так и не смогли заснуть. Вряд ли можно вообразить страдания, которые мы тогда испытывали.

3 августа. Ни малейшей надежды на спасение; бриг уже накренился так сильно, что на палубе невозможно стоять. Занимались тем, что закрепляли вино и банки с черепашью мясом, чтобы не потерять их, даже если судно перевернется окончательно. С вант-путенсов сняли две свайки и топором вбили их в борт на наветренной стороне в паре футов над водой, совсем недалеко от киля, так как бриг почти лежал на боку. К ним привязали нашу провизию – здесь она находилась в большей безопасности, чем под вант-путенсами, где хранилась раньше. Весь день изнывали от жажды, купаться было невозможно из-за акул, которые не покидали нас ни на мгновение. Заснуть не смогли.

4 августа. Незадолго до рассвета заметили, что судно переворачивается, и вскочили на ноги. Поначалу движение было медленным и плавным, и нам без труда удалось вскарабкаться на борт с наветренной стороны –годились веревки, которые мы на всякий случай привязали к вбитым для хранения провизии свайкам. Но мы неправильно рассчитали ускорение при переворачивании судна; движение корпуса стало настолько быстрым, что мы уже не успевали перемещаться с такой же скоростью; в считанные секунды нас с силой швырнуло в море, и мы погрузились на несколько саженей под воду, оказавшись под огромным корпусом брига.

В воде мне пришлось отпустить веревку; обнаружив, что нахожусь под судном, почти лишенный сил, я даже не пытался бороться за жизнь и приготовился к смерти. Однако и тут силы природы обманули меня, потому что я не учел естественный возвратный поворот опрокидывающегося судна. Направленный вверх водоворот, вызванный частичным поворотом судна в другую сторону, выбросил меня на поверхность воды с еще большей скоростью, чем я в нее погрузился. Вынырнул я ярдах в двадцати от «Косатки», которая лежала килем вверх и бешено раскачивалась из стороны в сторону, а бурлящая вода образовывала огромные водовороты. Питерса я не увидел, рядом со мной плавала лишь пустая бочка для ворвани и разные мелкие предметы с судна.

Больше всего меня испугала возможность нападения акул, которые, я знал, находились неподалеку. Чтобы отпугнуть их, я, поплыв к кораблю, стал изо всех сил молотить по воде руками и ногами, поднимая пену. Не сомневаюсь, что своим спасением я обязан именно этому простому приему, поскольку перед самым переворотом брига в море вокруг него собралось столько этих тварей, что я за время своего перемещения по воде даже натолкнулся на нескольких. Каким-то чудом мне удалось доплыть до борта судна в безопасности, правда, мне это стоило стольких сил, что я бы ни за что не смог подняться на него, если бы не помощь Питерса, который, к моей великой радости, появился (он забрался по киллю с противоположной стороны) и бросил мне конец веревки, одной из тех, что мы привязали к свайкам.

Едва мы спаслись от одной опасности, наше внимание привлекла ужасная неотвратимость другой – полного отсутствия еды. Все наши запасы, несмотря на приготовления, смыло за борт, и, не видя даже малейшего шанса раздобыть еще, мы оба дали волю отчаянию, зарыдали как дети, даже не пытаясь утешить друг друга. Такую слабость трудно представить, и тем, кто никогда не попадал в подобное положение, она покажется неестественной, но нельзя забывать, что череда лишений и страхов подточила наш разум настолько, что в то время нас вряд ли можно было считать разумными существами. Впоследствии, подвергаясь опасностям не меньшим, если не большим, я с достоинством переносил все удары судьбы, а Питерс, как будет видно, явил стоическое и философское отношение к жизни, почти столь же невероятное, как его нынешние детские бездеятельность и слабоумие – вот что значит состояние духа.

Все это, даже с потерей вина и мяса, на самом деле не ухудшило наше положение, кроме, разве что, исчезновения покрывал, которыми мы собирали дождевую воду, и кувшина, в который ее сливали; потому что все дно на расстоянии двух-трех футов от скал до самого килля было сплошь покрыто большими моллюсками, которые оказались превосходной высокопитательной пищей. Таким образом, происшествие, которого мы боялись больше всего, как оказалось, принесло нам больше выгоды, чем вреда: мы получили запас еды, которого при умеренном потреблении хватило бы и на месяц, и обрели положение гораздо более удобное и бесконечно более безопасное, чем прежде. Однако трудность, связанная с добычей питьевой воды, затмила все преимущества. Мы сняли рубашки, чтобы, если вдруг пойдет дождь, использовать их так же, как мы использовали покрывала, не надеясь, разумеется, на то, что с их помощью, даже при самых благоприятных условиях, удастся собрать за раз больше одной восьмой пинты. За весь день на небе не было ни облачка, и муки жажды стали почти невыносимыми. Ночью Питерсу удалось на час забыться беспокойным сном, тогда как мои терзания не позволили мне сомкнуть глаза ни на секунду.

5 августа. Сегодня поднялся слабый ветер и прибил нас к огромному скоплению морских водорослей, в которых нам повезло найти одиннадцать небольших крабов, послуживших превосходным угощением. Панцири их оказались очень мягкими, и мы съели их целиком, выяснив, что они возбуждают жажду не так сильно, как моллюски. Не увидев среди водорослей акул, мы рискнули искупаться и оставались в воде четыре-пять часов, что значительно уменьшило жажду. Освежившись, мы провели эту ночь несколько спокойнее, чем предыдущие, и смогли немного поспать.

6 августа. Этот день осчастливил нас обильным продолжительным дождем, начавшимся в полдень и не прекращавшимся до ночи. Как горько мы сожалели об утрате кувшина и оплетенной бутылки – при таком дожде мы бы наверняка смогли наполнить один, а то и оба сосуда. Нам пришлось собирать воду рубашками, а потом выжимать, ловя ртом капли благословенной жидкости. Так прошел день.

7 августа. Как только рассвело, на горизонте с северной стороны мы разглядели парус, который явно приближался к нам! Мы приветствовали это восхитительное зрелище дол-

гими, хоть и слабыми восторженными криками и сразу же принялись подавать сигналы: махать над головами рубашками, прыгать настолько высоко, насколько это было в наших силах, даже кричать во все горло, хотя неизвестное судно находилось от нас никак не меньше чем в пятнадцати милях. Тем не менее оно продолжало идти в нашу сторону, и мы поняли, что, если судно не изменит курс, оно подойдет к нам настолько близко, что нас невозможно будет не заметить. Примерно через час мы уже могли рассмотреть людей на палубе. Это была длинная, судя по очертаниям, быстроходная топсельная шхуна¹⁹ с низкими бортами, черным шаром на фор-брамселе²⁰ и, очевидно, полным экипажем. Трудно было допустить, что на шхуне нас могли не заметить, и мы заволновались: не собирается ли она пройти мимо, оставив нас на погибель, – бесчеловечный поступок, который, как это ни невероятно, неоднократно повторяется в море при почти таких же обстоятельствах существами, которых принято относить к человеческому роду²¹. Однако в этом случае, милостью Божьей, нам было суждено ошибиться в своих опасениях, ибо через какое-то время мы заметили, что на борту началось движение, судно подняло британский флаг и, поймав ветер, направилось к нам. Еще полчаса, и мы оказались в кают-компании. Как выяснилось, это была «Джейн Гай» из Ливерпуля под командованием капитана Гая, направлявшаяся в южные моря и Тихий океан промыслить охотой на тюленей и торговать.

¹⁹ Шхуна, оснащенная на первой мачте, помимо косого паруса, несколькими прямыми.

²⁰ Прямой парус на фор-брам-стенге над фор-марселем.

²¹ Здесь весьма уместно упомянуть случай с бригом «Полли» из Бостона, в судьбе которого так много удивительных совпадений с нашей, что я не могу умолчать об этом. 12 декабря 1811 года это судно грузоподъемностью сто тридцать тонн под командованием капитана Касно вышло из Бостона с грузом леса и съестных припасов в Санта-Крус. Кроме капитана на борту находились восемь душ: его помощник, четыре матроса, кок, а также некий мистер Хант и принадлежавшая ему молодая негрятка. Пятнадцатого числа, миновав отмель Джорджес, во время налетевшего с юго-востока ветра оно дало течь и вскоре перевернулось, но потом, когда мачты снесло водой за борт, выровнялось. В таком положении, без огня и с мизерным запасом провизии, они провели сто девяносто один день, с пятнадцатого декабря по двадцатое июня, когда капитана Касно и Сэмюэля Бэджера, единственных ставших в живых, подобрало судно «Слава» (порт приписки Халл, капитан Фэзерстоун), возвращавшееся из Рио-де-Жанейро. Когда их спасли, они находились на 20° северной широты и 13° западной долготы, пройдя дрейфом две тысячи миль! Девятого июля «Слава» встретила с бригом «Дромеро» капитана Перкинса, который и высадил двух несчастных в Кеннебеке. Рассказ, из которого мы знаем все эти подробности, заканчивается следующими словами: «Вполне естественно задаваться вопросом: каким образом им удалось проплыть столь огромное расстояние в наиболее часто посещаемой судами части Атлантического океана и все это время оставаться незамеченными? Мимо них проходило более дюжины судов, одно из которых даже приблизилось к ним настолько, что они рассмотрели людей, глядевших на них с палубы, однако, к невыразимому огорчению голодающих и замерзающих жертв кораблекрушения, те презрели все законы сострадания и человечности, подняли парус и безжалостно бросили их на произвол судьбы».

14

«Джейн Гай» была изящной топсельной шхуной грузоподъемностью сто восемьдесят тонн. У нее был необычайно острый нос, и с ветром при умеренной погоде она могла развить скорость, какой я не наблюдал у других судов. Однако хорошими мореходными качествами при плохой погоде она похвастать не могла, и осадка ее была слишком велика для дела, на которое она была рассчитана. Для этих целей лучше подойдет судно покрупнее, с большей грузоподъемностью, скажем, от трехсот до трехсот пятидесяти тонн, оснащенное как барк и вообще имеющее конструкцию, не похожую на обычные суда южных морей. Такому судну совершенно необходимо хорошее вооружение. Ему следует иметь дюжину двенадцатифутовых каронад²², три-четыре длинноствольные пушки с запасом картечи и водонепроницаемыми пороховыми ящиками. Якоря и цепи у него должны быть намного крепче, чем те, что используются любыми другими торговыми судами, но, главное, ему требуется многочисленная и хорошо подготовленная команда, для описанного мною судна – не менее пятидесяти – шестидесяти крепких мужчин. У «Джейн Гай», если не считать капитана и помощника, команда состояла из тридцати пяти человек, но шхуна не была вооружена и оснащена так, как ее оснастил бы мореплаватель, знакомый с трудностями и опасностями торгового дела.

Капитан Гай был джентльменом, он обладал прекрасными манерами и имел солидный опыт плавания в южных широтах, которому посвятил большую часть своей жизни. Однако ему не хватало решимости, и, следовательно, того духа предпринимательства, который здесь совершенно необходим. Он являлся совладельцем судна и имел право по своему усмотрению курсировать по южным морям и перевозить любые подвернувшиеся грузы. Как часто бывает во время подобных плаваний, на борту у него имелся запас бус, зеркал, огнив, топоров, тесаков, пил, стругов, отвесов, зубил, стамесок, сверл, напильников, скобелей, рашпилей, молотков, гвоздей, ножей, ножниц, бритв, иголок, нитей, посуды, тканей, брелоков и других предметов подобного рода.

Шхуна вышла из Ливерпуля десятого июля, пересекла тропик Рака двадцать пятого под двадцатым градусом западной долготы и двадцать девятого достигла Сала, одного из островов Зеленого Мыса, где взяла на борт запас соли и прочие необходимые в плавании вещи. Третьего августа она покинула острова Зеленого Мыса и взяла курс на юго-запад, направляясь к побережью Бразилии, чтобы пересечь экватор между двадцать восьмым и тридцатым градусом западной долготы. Это обычный маршрут для судов, идущих из Европы к мысу Доброй Надежды или дальше – в Ост-Индию. Следуя этим курсом, можно избежать штилей и сильных противоположных течений, которые господствуют у берегов Гвинеи, и после достичь островов Зеленого Мыса с помощью постоянных западных ветров, которые делают этот путь кратчайшим. Капитан Гай по какой-то неизвестной мне причине собирался сделать первую остановку на островах Кергелен. В тот день, когда были подобраны мы, шхуна миновала мыс Сен-Рок на тридцать первом градусе западной долготы, таким образом получается, что мы продрейфовали с севера на юг на расстояние *не менее чем в двадцать пять градусов!*

На борту «Джейн Гай» нас окружили заботой, насколько требовало наше бедственное положение. Примерно через две недели, во время которых мы продолжали плыть на юг, Питерс и я полностью оправились от последствий пережитых лишений и страшных страданий и прошлое нам начало казаться скорее жутким сном, нежели событиями, произошедшими в действительности. Позже я открыл для себя, что частичное забвение подобного рода обычно является следствием внезапного перехода от одного сильного переживания к дру-

²² Короткое корабельное орудие.

гому, либо от счастья к горю, либо от горя к счастью, и степень забывчивости, как правило, пропорциональна степени противоположности чувств. Сейчас я не в состоянии осознать весь масштаб страданий, через которые прошел за дни, проведенные на борту наполовину затопленного судна. Сами события отложились в памяти, но ощущений, которые эти события вызывали, я вспомнить не могу. Знаю лишь, что, когда все это происходило, я думал, что человек выдержать таких испытаний не в силах.

Несколько недель плавания с нами не происходило ничего более существенного, чем встречи с китобойными судами или, что случалось чаще, с черными, или настоящими, китами, как они называются, в отличие от кашалотов. Правда, они встречаются главным образом южнее двадцать пятой параллели. Шестнадцатого сентября, находясь поблизости мыса Доброй Надежды, шхуна впервые после выхода из Ливерпуля попала в более-менее сильный шторм. В этом месте, но обычно к югу и востоку от выступа (а мы находились с западной стороны), мореплавателям часто противостоят особенно яростные штормы, налетающие с севера. Они всегда несут с собой сильнейшее волнение моря, и одной из главных опасностей является мгновенная перемена направления ветра, что почти всегда происходит, когда буря в разгаре. В одну секунду настоящий ураган может дуть с севера или северо-востока, а в следующую – с юга с невообразимой силой. Прояснение в южной части неба является верным признаком перемены и дает возможность судам совершить необходимые приготовления.

Было около шести часов утра, когда на нас налетел внезапный шквал, как обычно, с севера. К восьми часам он значительно усилился, подняв одни из самых больших волн, которые мне когда-либо доводилось видеть. Были проведены возможные приготовления, но тут проявились все недостатки шхуны, которая постоянно зарывалась носом в воду и не успевала с огромным трудом выбраться из-под одной волны, как ее накрывало другой. Перед самым закатом мы заметили прояснение на юго-западе, через час маленький передний парус безжизненно повис на мачте, а еще через две минуты, несмотря на все приготовления, нас словно по волшебству положило на бок и шхуну накрыло настоящей стеной пены. К счастью, удар с юго-запада ограничился шквалистым ветром и нам повезло выровнять судно, сохранив рангоут²³ в целости. Еще несколько часов после этого мы боролись с сильными перекрестными волнами, но к утру пребывали почти в таком же состоянии, как до начала шторма. Капитан Гай счел наше спасение чудом.

Тринадцатого октября мы подошли к острову Принс-Эдуард на 46°53' южной широты и 37°46' восточной долготы. Спустя два дня мы оказались у острова Владения, после чего миновали острова Крозе на 42°59' южной широты и 48° восточной долготы, а восемнадцатого достигли острова Кергелен, иначе называемого островом Запустения, в южной части Индийского океана и встали на якорь в гавани Рождества, имея под килем четыре сажени воды.

Этот остров, или, вернее, группа островов, отстоит от мыса Доброй Надежды примерно в восьмистах лигах²⁴ к юго-востоку. Открыты они были в 1772 году бароном де Кергуленом, или Кергеленом, французом, который полагал, что эта земля является частью обширного южного континента, о чем и заявил по возвращении домой, чем наделал много шума. Правительство, приняв это к сведению, в следующем году послало барона обратно для всестороннего изучения его открытия, тогда-то и выяснилось, что произошла ошибка. В 1777 году капитан Кук натолкнулся на ту же группу островов и самому большому из них дал название остров Запустения, которого тот, надо сказать, вполне заслуживает. Однако прибли-

²³ Общее название устройств для подъема и растягивания парусов, он обеспечивает их постановку и удержание в штатном (рабочем) положении.

²⁴ Британская и американская единица измерения расстояния. 1 лига = 3 мили = 24 фурлонга = 4828,032 метра.

жающийся к острову мореплаватель может предположить совершенно противоположное, потому что склоны его прибрежных холмов с сентября по март покрыты зеленью. Это обманчивое впечатление производит небольшое растение, похожее на камнеломку, которое огромными колониями растет посреди мха. Кроме этого растения, остров почти начисто лишен флоры, если не учитывать зарослей травы рядом с гаванью, некоторых видов лишайников и низкорослого кустарника, который внешне похож на семенную капусту и имеет резкий горький вкус.

Местность на острове холмистая, хотя ни один из холмов нельзя назвать высоким. Вершины холмов постоянно покрыты снегом. Есть здесь несколько бухт, из которых гавань Рождества самая удобная. Это первая бухта, если подходить к острову с северо-востока, со стороны мыса Франсуа, который образует северное побережье и является хорошим ориентиром из-за своей необычной формы. Его выступ резко обрывается высокой скалой с большим проломом, образующим естественную арку. Бухта расположена на $48^{\circ}40'$ южной широты и $69^{\circ}6'$ восточной долготы. Если подходить к острову здесь, удобное место для якорной стоянки можно найти под прикрытием нескольких маленьких островков, которые защитят судно от восточных ветров. Если отсюда проследовать на восток, попадаешь в Осиную бухту в самой глубине гавани. Это небольшой водоем глубиной от трех до десяти морских саженей с плотным глинистым дном, со всех сторон окруженный землей, в который можно войти через проход глубиной четыре морских сажени. Корабль может простоять здесь на первом становом якорю хоть круглый год безо всякого риска. К западу, в глубине Осиной бухты, есть легкодоступный небольшой родник с чистой водой.

На островах Кергелен еще можно встретить тюленей и морских слонов. Пернатых здесь водится великое множество. Особенно многочисленны пингвины, представленные четырьмя видами, из которых самым крупным является королевский пингвин, получивший такое название из-за своих размеров и красивого оперения. Верхняя часть тела у них обычно серая, иногда с сиреневым оттенком, а нижняя окрашена в чистейший белый цвет. Голова блестящая, черная, как и лапы. Однако главным его украшением являются две широкие полосы золотистого цвета, которые опускаются от головы к груди. Длинный клюв бывает розовым или ярко-алым. Эти птицы ходят прямо, с величественной осанкой, голова высоко поднята, крылья опущены, как две руки, а хвост они несут на одной линии с лапами. Сходство с человеческой фигурой настолько поразительное, что при беглом взгляде или в вечернем сумраке наблюдатель может легко обмануться. Королевские пингвины, которых мы встретили на островах Кергелен, были значительно крупнее гуся. Кроме королевских здесь обитают хохлатые пингвины, пингвины-глупыши и обыкновенные пингвины. Они намного меньше, не так красиво окрашены и имеют некоторые другие отличия.

Помимо пингвинов здесь обитает много других видов птиц, среди которых можно упомянуть морских курочек, голубых буревестников, чирков, уток, хохлатых бакланов, капских голубков, исполинских буревестников, разные виды крачек, чаек, качурок, больших буревестников и, наконец, альбатросов.

Большой буревестник размером не уступает альбатросу, плотояден. Его часто называют костоломом или скопьяным буревестником. Эта птица не боится людей, и ее мясо, должным образом приготовленное, вполне можно употреблять в пищу. В полете она иногда опускается к самой поверхности воды, раскинув крылья и как будто не шевеля ими и даже не прикладывая никаких усилий.

Альбатрос – одна из самых крупных и хищных птиц Южного океана. Он относится к роду чаек, охотится в полете и на землю опускается исключительно для выведения потомства. Между альбатросами и пингвинами существует какая-то удивительная дружба. Гнезда они строят исключительно однообразно, причем с таким расчетом, чтобы это было выгодно обоим видам: гнездо альбатроса размещается в середине небольшого квадрата, образован-

ного гнездами четырех пингвинов. Мореплаватели называют такие гнездовья колониями. Есть много описаний этих колоний, но так как не все мои читатели могли видеть их собственными глазами и поскольку мне еще не раз придется упоминать пингвинов и альбатросов, будет не лишним подробно описать их образ жизни и гнездование.

Когда наступает сезон размножения, птицы собираются в огромных количествах и несколько дней как будто решают, как вести себя, после чего приступают к действиям. Они выбирают плоский участок земли подходящего размера (как правило, в три-четыре акра) как можно ближе к морю, но вне досягаемости волн. Место выбирается поровнее, и предпочтение отдается тому, где меньше камней. Решив этот вопрос, птицы в едином порыве, как будто движимые единым мозгом, начинают с математической точностью вычерчивать квадрат или другой четырехугольник, наиболее подходящий к выбранному участку земли и ровно такого размера, чтобы без труда вместить всех собравшихся птиц, но не более того, – очевидно, для того, чтобы предотвратить вторжение чужаков, которые не принимали участия в обустройстве лагеря. Одна из сторон обозначенного места идет параллельно линии воды и остается открытой для входа и выхода.

Определив границы колонии, птицы начинают очищать ее от мусора, собирают камешек за камешком, выносят их за пределы прямоугольника и выкладывают там из них некое подобие стены, которая окружает три обращенных на сушу стороны. Внутри этих стен протаптывается идеально ровная и гладкая дорожка шириной от шести до восьми футов, выходящая за пределы колонии, которая служит для общих прогулок.

Следующий этап – разделение общей территории на небольшие квадраты совершенно одинакового размера. Для этого прокладываются узкие тропинки, очень ровные и пересекающиеся под прямым углом на всей площади поселения. На каждом пересечении тропинок сооружается гнездо альбатроса – таким образом каждый пингвин оказывается в окружении четырех альбатросов, а каждый альбатрос – такого же количества пингвинов. Гнездо пингвина состоит из ямки в земле, очень неглубокой и необходимой лишь для того, чтобы единственное яйцо не укатилось. Гнездо альбатроса не настолько примитивно – это бугорок около фута высотой и двух футов в диаметре, сооруженный из земли, водорослей и ракушек, на вершине которого строится гнездо.

Птицы ни на секунду не покидают гнезд за все время высиживания яиц и даже до тех пор, пока молодое потомство не окрепнет и не научится само о себе заботиться. Пока самец охотится, самка несет караул и отлучается только по возвращении партнера. Яйца никогда не остаются открытыми – одна птица слетает, другая садится на ее место. Такая предосторожность вызвана возможностью воровства среди обитателей колонии, которые при первой же возможности с удовольствием похищают друг у друга яйца.

Несмотря на то что в некоторых колониях живут исключительно пингины и альбатросы, в большинстве из них селятся самые разные морские птицы, которые пользуются всеми выгодами общественной жизни, устраивая гнезда там, где находят свободное место, но при этом никогда не вторгаясь на занятое более крупными видами. Со стороны подобные поселения являют совершенно необыкновенное зрелище. Над колонией вьется настоящая туча из альбатросов и более мелких пернатых, беспрестанно то улетающих в океан, то возвращающихся домой. Под ними толпой стоят пингины, некоторые прогуливаются туда-сюда по узким тропинкам, а некоторые с поистине военной выправкой обходят поселение по окаймляющей его дорожке. Словом, при пристальном наблюдении начинаешь понимать, что самое поразительное в этом – видимость разума, которую производят эти пернатые создания, и поистине ничто не дает человеческому уму большей пищи для размышлений, нежели это зрелище.

На следующее утро после нашего прибытия в гавань Рождества помощник капитана, мистер Паттерсон, спустил лодки и (несмотря на то что сезон охоты еще не начался) отпра-

вился на поиски тюленей, высадив капитана и его юного родственника на голой отмели к западу от шхуны: им по какому-то делу, природу которого мне не удалось выяснить, нужно было попасть в глубь острова. Капитан Гай взял с собой бутылку с запечатанным письмом внутри и направился с того места, где его высадили на берегу, к самому высокому холму. Возможно, он собирался оставить там послание для какого-то судна, которое должно было прийти сюда после него. Едва он скрылся из виду, мы (Питерс и я тоже находились в лодке помощника капитана) приступили к поискам тюленей. Этому занятию мы посвятили три следующие недели, внимательно обследуя берега не только архипелага Кергелен, но и нескольких крошечных окрестных островков. Впрочем, усилия наши не увенчались успехом. Мы видели множество морских котиков, но они оказались очень пугливыми, и ценой огромных усилий нам удалось добыть каких-то триста пятьдесят шкур. Острова изобиловали морскими слонами, особенно много их было на западном берегу главного острова, но их мы убили всего двадцать, и то с огромным трудом. На мелких островах мы нашли немало обыкновенных тюленей, но их мы не трогали. Одиннадцатого мы вернулись на шхуну, где застали капитана Гая и его племянника, которые поделились с нами весьма нелестным впечатлением о внутренней части острова: по их словам, это было одно из самых унылых и пустынных мест в мире. Из-за оплошности второго помощника, который забыл вовремя послать за ними со шхуны лодку, им пришлось провести на острове две ночи.

15

Двенадцатого числа мы подняли паруса, вышли из гавани Рождества и, взяв курс на запад, миновали по левому борту остров Марион из группы островов Крозе. Затем мы прошли остров Принс-Эдуард, тоже оставляя его по левому борту, после чего взяли немного севернее и в пятнадцать дней достигли островов Тристан-да-Кунья под $37^{\circ}8'$ южной широты и $12^{\circ}8'$ западной долготы.

Эта группа, ныне хорошо изученная и состоящая из трех округлых островов, была открыта португальцами, впоследствии здесь побывали голландцы в 1643 и французы в 1767 годах. Острова складываются в треугольник и отстоят друг от друга примерно на десять миль, так что между ними имеются широкие открытые проливы. На всех трех островах местность довольно возвышенная, особенно на самом Тристан-да-Кунья. Это остров, имея в окружности пятнадцать миль, является самым крупным из группы, и он так высок, что в ясную погоду его можно видеть с расстояния в восемьдесят – девяносто миль. Северная часть острова отвесно вздымается над морем на тысячу футов. Отходящее от него высокогорное плато достигает почти середины острова, и на этом плато возвышается огромная коническая гора наподобие Тенерифского пика. Нижняя часть этого конуса покрыта большими деревьями, но верхушка состоит из голых камней, как правило, окутана облаками и большую часть года покрыта снегом. У острова нет ни мелей, ни других особенностей, которые могут угрожать кораблям, берега его круты, а воды глубоки. На северо-западном берегу есть бухта с черным песком, где при южном ветре без труда можно пристать на лодках. Остров богат источниками превосходной воды, также здесь хорошо ловится на удочку треска и другая рыба.

Второй по величине остров и самый западный из группы называется Недоступным. Расположен он точно на $37^{\circ}17'$ южной широты и $12^{\circ}24'$ западной долготы. В окружности он имеет семь-восемь миль и со всех сторон окружен неприступными обрывистыми берегами. У него совершенно плоская вершина, и весь остров почти полностью лишен растительной жизни, здесь не растет ничего, кроме нескольких низкорослых кустов.

Соловьиный остров, самый маленький и южный в группе, расположен на $37^{\circ}26'$ южной широты и $12^{\circ}12'$ западной долготы. Рядом с его южной оконечностью из воды выступает цепочка скалистых островков, несколько подобных образований есть и на северо-восточной стороне. Глубокая долина разделяет неровную и безжизненную поверхность острова на две части.

В сезон на берегах этих островов собирается множество морских львов, морских слонов, котиков и тюленей, а также разнообразных морских птиц. Вокруг нередко можно встретить китов. Из-за того что охота на этих животных здесь не составляет труда, острова часто посещаемы. С самого открытия сюда часто наведывались голландцы и французы. Так, в 1790 году капитан Пэттен на корабле «Индустрия» из Филадельфии достиг острова Тристан-да-Кунья и провел там семь месяцев (с августа 1790 по апрель 1791), охотясь на тюленей. За это время он собрал не меньше пяти тысяч шестисот шкур и утверждал, что без труда наполнил бы большое судно тюленьим жиром за три недели. Четвероногих животных капитан Пэттен на островах не обнаружил, если не считать нескольких диких коз; теперь же они изобилуют ценными домашними животными, которых завезли сюда последующие экспедиции.

Насколько мне известно, вскоре после посещения капитана Пэттена к крупнейшему из островов на американском бриге «Бетси» пристал капитан Колкхун. Его целью был отдых и пополнение запасов. Он посадил здесь лук, картофель, капусту и много других овощей, которые теперь произрастают здесь в изобилии.

В 1811 году на судне «Нерей» остров Тристан-да-Кунья посетил некий капитан Хэйвуд. Он нашел там трех американцев, которые жили на острове, занимаясь заготовкой тюленьих шкур и жира. Одного из этих людей звали Джонатан Ламберт, и он называл себя правителем этих земель. Ламберт расчистил и возделал примерно шестьдесят акров земель и занялся выращиванием кофе и сахарного тростника, которыми его снабдил американский консул в Рио-де-Жанейро. Однако со временем это поселение было заброшено, и в 1817 году британское правительство аннексировало острова, выслав туда военный отряд с мыса Доброй Надежды. Они задержались там недолго, хотя после эвакуации британского населения двести английские семьи решили остаться там независимо от решения правительства. Двадцать пятого марта 1824 года судно «Бервик» под командованием капитана Джефффри, следовавшее из Лондона на Землю Ван-Димена²⁵, достигло островов, где обнаружили некоего англичанина по фамилии Гласс, бывшего капрала британской артиллерии. Он называл себя губернатором островов и имел в подчинении двадцать одного мужчину и трех женщин. Он весьма лестно отзывался о благотворности местного климата и плодородии земли. Население островов в основном занималось заготовкой жира морских слонов и тюленьих шкур, которые продавали на мысе Доброй Надежды – у Гласса имелась небольшая шхуна. Когда на остров прибыли мы, он все еще являлся губернатором, но его небольшая коммуна значительно увеличилась: на острове Тристан-да-Кунья жили пятьдесят шесть человек, если не считать семерых обитателей небольшого поселения на Соловыином острове. Нам без труда удалось запастись почти всем необходимым: овцы, свиньи, бычки, кролики, домашняя птица, козы, разнообразная рыба и овощи – всего здесь было в достатке. Из-за того что мы смогли бросить якорь очень близко к самому большому из островов, в восемнадцати морских саженьях, погрузка прошла без труда. Капитан Гай также купил у Гласса пятьсот тюленьих шкур и немного слоновой кости. Пробыли мы здесь неделю, все это время дул то северный, то западный ветер и стоял легкий туман. Пятого ноября мы подняли паруса и взяли курс на юго-запад, намереваясь обследовать группу островов Аврора, относительно существования которых имеются самые противоречивые мнения.

Говорят, что эти острова были открыты еще в 1762 году командиром корабля «Аврора». В 1790 году Мануэль де Оярвидо, капитан корабля «Принцесса», принадлежавшего Королевской Филиппинской компании, по его словам, проплыл между островами. В 1794 году испанский корвет «Атревида» отправился в эти широты для установления точного местоположения островов Аврора, и в сообщении Мадридского королевского гидрографического общества от 1809 года содержится следующее упоминание об этой экспедиции: «Корвет “Атревида” находился в непосредственной близости к островам с двадцать первого по двадцать седьмое января, произведя все необходимые наблюдения и с помощью хронометров замерив разницу в долготе между ними и портом Соледад на Мальвинских островах. Островов три, расположены они почти на одном меридиане. Центральный остров низменный, остальные два можно наблюдать с расстояния в девять лиг». Наблюдения, проведенные на борту «Атревиды», дают точные координаты каждого острова. Самый северный из них расположен на 52°37'24" южной широты и 47°43'15" западной долготы, средний – 53°2'40" южной широты и 47°55'15" западной долготы, а самый южный – 53°15'22" южной широты и 47°57'15" западной долготы.

Двадцать седьмого января 1820 года капитан британского морского флота Джеймс Уэддел отплыл от Земли Статен на поиски Авроры. Он сообщает, что провел самые старательные поиски и прошел не только непосредственно над точками, указанными капитаном «Атревиды», но и близлежащие районы во всех направлениях, однако не обнаружил и

²⁵ Первоначальное название, использовавшееся европейскими исследователями и поселенцами для определения острова Тасмания, расположенного к югу от Австралии.

следа суши. Эти противоречивые сведения побудили других мореплавателей отправиться на поиски островов, и, странное дело, в то время как одни, прочесав каждый дюйм моря в том месте, где они должны находиться, так ничего и не нашли, другие уверенно заявляли, что видели их своими глазами и даже подходили к их берегам. Капитан Гай намеревался сделать все, что в его силах, чтобы поставить точку в этом споре²⁶.

При переменной погоде мы продолжали путь на юго-запад до двадцатого числа, когда достигли места, вызвавшего такие споры, на $53^{\circ}15'$ южной широты и $47^{\circ}58'$ западной долготы, то есть в непосредственной близости от точки, в которой должен был находиться самый южный из островов группы. Не обнаружив никаких признаков суши, мы двинулись на запад по пятьдесят третьей западной параллели и дошли до пятидесятого меридиана. Потом мы повернули на север и, дойдя до пятьдесят второй параллели, взяли курс на восток, сверяя параллель по углу подъема солнца утром и вечером и меридиан по положению планет и луны. Продвинувшись таким образом на восток до меридиана, проходящего через западное побережье Южной Георгии, мы снова повернули на юг и возвратились к исходной точке. Затем мы прошли по диагоналям образованного таким образом прямоугольного участка моря, постоянно держа вахтенного на марсе. Наши поиски продолжались три недели, и все это время стояла на удивление ясная погода без намека на туман. Конечно же, мы пришли к заключению, что, если в этих водах когда-то и существовали острова, до наших дней от них не сохранилось и следа. Вернувшись домой, я узнал, что те же места с не меньшим тщанием исследовали в 1822 году Джонсон, капитан американской шхуны «Генри», и Морелл, капитан американской шхуны «Оса» – в обоих случаях с теми же результатами.

²⁶ Среди кораблей, которые в разное время якобы подходили к Авроре, можно упомянуть судно «Сан-Мигель», побывавшее там в 1769 году, судно «Аврора» – в 1774 году, бриг «Жемчужина» – в 1779 году и корабль «Долорес» – в 1790 году. Все они указывали на то, что острова расположены на 53° южной широты. (Примеч. авт.)

16

Капитан Гай планировал после поисков Авроры пройти через Магелланов пролив и подняться вверх вдоль западного побережья Патагонии, но сведения, полученные на острове Тристан-да-Кунья, побудили его повернуть на юг в надежде пристать к какому-нибудь из мелких островов, которые, как считается, расположены на 60° южной широты и $41^{\circ}21'$ западной долготы. Если бы найти их не удалось, он при благоприятной погоде продвинулся бы к полюсу. Итак, двенадцатого декабря мы отправились в этом направлении. Восемнадцатого мы оказались недалеко от места, координаты которого были указаны Глассом, и три дня курсировали в этих водах, не обнаружив и следа островов, о которых он упоминал. Двадцать первого числа при отличной погоде мы продолжили путь на юг, приняв решение продвинуться в этом направлении как можно дальше. Прежде чем приступить к этой части моего рассказа, думаю, будет не лишним тем моим читателям, которые не следят за историей исследований этих районов, вкратце рассказать о тех немногочисленных попытках достичь южного полюса, которые были предприняты на сегодняшний день.

Капитан Кук – первый из тех, о ком у нас сохранились какие-то определенные сведения. В 1772 году на корабле «Резолюшн» в сопровождении лейтенанта Фюрно на корабле «Адвенчер» он отплыл в южном направлении. В декабре он достиг пятьдесят восьмой параллели под $26^{\circ}57'$ восточной долготы. Здесь ему встретились узкие ледяные поля толщиной от восьми до десяти дюймов, простиравшиеся на северо-запад и юго-восток. Льдины стояли так тесно, что судну с большим трудом удавалось продвигаться вперед. Здесь по наличию большого количества птиц и по другим признакам капитан Кук определил, что неподалеку находится земля. В сильнейший холод он продолжил путь на юг, пока не достиг шестьдесят четвертой параллели под $38^{\circ}14'$ восточной долготы. Здесь потеплело, подули легкие ветры, пять дней термометр показывал тридцать шесть градусов²⁷. В январе 1773 года корабли пересекли Южный полярный круг, но дальше пройти не удалось, поскольку на широте $67^{\circ}15'$ дорогу им преградили сплошные льды, простиравшиеся далеко на юг. Лед был самый разнообразный, некоторые льдины шириной несколько миль собирались в сплошные массивы, выступающие из воды на восемнадцать – двадцать футов. Ввиду позднего времени года надежды одолеть это препятствие не было, и капитан Кук вынужден был повернуть на север.

В ноябре он продолжил поиск Антарктики. На $59^{\circ}40'$ южной широты он попал в сильное, направленное на юг течение. В декабре, когда суда находились на $67^{\circ}31'$ южной широты и $142^{\circ}54'$ западной долготы, наступили жестокие морозы, сопровождавшиеся сильными ветрами и туманом. Здесь тоже было много птиц, особенно альбатросов, пингвинов и буревестников. На $70^{\circ}23'$ были обнаружены большие айсберги, и вскоре на юге были замечены снежно-белые облака, указывающие на близость ледяного поля. На $71^{\circ}10'$ южной широты и $106^{\circ}54'$ западной долготы мореплавателей, как и в прошлый раз, остановил гигантский ледяной массив, занимавший все пространство до южного горизонта. Северная оконечность массива, полоса шириной примерно в милю, была сплошь загромождена изломанными торосами, сросшимися так крепко, что пройти через них было решительно невозможно. Позади нее ледяная поверхность была сравнительно гладкой и вдалеке упиралась в цепь гигантских, громоздящихся друг на друга ледяных гор. Капитан Кук пришел к выводу, что это обширное пространство достигало Южного полюса либо соединялось с каким-нибудь материком. Мистер Дж. Н. Рейнольдс, благодаря чьим огромным усилиям и упорству наконец была организована национальная экспедиция, целью которой было среди прочего исследование и этой области, так пишет о попытках, предпринятых «Резолюшн»: «Нас не удивляет,

²⁷ Здесь и далее температура приведена по Фаренгейту.

что капитан Кук не смог продвинуться за $71^{\circ}10'$, но поразительно то, что он смог достичь этой точки на $106^{\circ}54'$ западной долготы. Земля Палмера лежит к югу от Шетландских островов, на широте 64° , и тянется на юг и запад дальше, чем до сих пор проникал кто-либо из мореплавателей. Кук полагал, что достиг земли, когда был остановлен льдом, который, надо полагать, присутствует там всегда в такое раннее время года, как шестое января, и для нас не станет неожиданностью, если выяснится, что описанные капитаном Куком ледяные горы какой-то частью примыкают к Земле Палмера или какой-нибудь другой суше, находящейся дальше на юг и запад».

В 1803 году российский император Александр отправил капитанов Крузенштерна и Лисянского в кругосветное плавание. Пытаясь проникнуть на запад, они не прошли дальше $59^{\circ}58'$ на $70^{\circ}15'$ западной долготы. Здесь они встретили сильное, направленное на восток течение. В этих водах было много китов, но льда они не увидели. В отношении этого плавания мистер Рейнольдс отмечает, что, если бы Крузенштерн прибыл на это место в более раннее время года, он застал бы там лед (указанной широты он достиг в марте). Преобладающие здесь южные и западные ветра и течения отнесли льдины в область сплошных льдов, ограниченную на севере островом Южная Георгия, на востоке Сандвичевыми и Южными Оркнейскими островами, а на западе Южными Шетландскими островами.

В 1822 году капитан британского морского флота Джеймс Уэддел на двух небольших судах проник на юг дальше остальных мореплавателей без особых сложностей. Он утверждает, что часто оказывался в окружении льдов, пока не достиг семьдесят второй параллели, но за ней не обнаружил ни льдинки и до $74^{\circ}15'$ увидел лишь три айсберга. Примечательно, что, несмотря на присутствие больших птичьих стай и прочие признаки близости суши, несмотря на то что к югу от Шетландских островов его марсовые видели какие-то неизвестные берега, тянущиеся на юг, Уэддел отрицает идею существования земли в южной полярной области.

Одиннадцатого января 1823 года капитан Бенджамин Моррелл на американской шхуне «Оса» отплыл от островов Кергелен, намереваясь проникнуть как можно дальше на юг. Первого февраля он оказался на $64^{\circ}52'$ южной широты и $118^{\circ}27'$ восточной долготы. Далее следует отрывок из записи в его путевом журнале, помеченной этим числом: «Вскоре ветер усилился до скорости в одиннадцать узлов, и мы, воспользовавшись этим, взяли курс на запад, но, будучи уверены, что чем дальше мы продвинемся от шестьдесят четвертой параллели к югу, тем меньше вероятность встретить льды, стали забираться южнее, пересекли Южный полярный круг и дошли до $69^{\circ}15'$ южной широты. Здесь никаких сплошных льдов не было, лишь несколько айсбергов».

Также я обнаружил запись, датированную 14 марта: «Море было свободно от сплошного льда, и виднелся лишь десяток айсбергов. В то же время температура воздуха и воды оказалась здесь самое меньшее на тринадцать градусов выше обычной для параллелей от шестидесятой до шестьдесят второй. Далее мы достигли $70^{\circ}14'$ южной широты, где температура воздуха составляла сорок семь, а воды – сорок четыре градуса. В этих условиях отклонение магнитной стрелки составило $14^{\circ}27'$ на восток по азимуту... Я неоднократно пересекал Южный полярный круг на разных меридианах и каждый раз обнаруживал, что температура как воздуха, так и воды становится все выше по мере продвижения на юг от шестьдесят пятой параллели и что, соответственно, отклонение магнитной стрелки уменьшается в той же пропорции. Находясь к северу от этой широты, скажем, между шестидесятым и шестьдесят пятым градусом широты, мы часто с трудом находили проход между крупными и крайне многочисленными айсбергами, некоторые из них в окружности достигали мили, а то и двух, и уходили под воду более чем на пять сотен футов».

Израсходовав почти все запасы топлива и еды, не имея необходимых инструментов, а также ввиду приближающейся полярной зимы капитан Моррелл был вынужден отказаться

от дальнейшего продвижения на запад и вернуться, хотя перед ним лежало совершенно свободное ото льда море. Он высказывает мнение, что, если бы эти обстоятельства не заставили его отступить, ему бы удалось достичь если не самого полюса, то, по крайней мере, восемьдесят пятой параллели. Я столь пространно пересказываю его соображения лишь для того, чтобы мой читатель в дальнейшем имел возможность увидеть, насколько они подтверждаются моим собственным опытом.

В 1831 году капитан Бриско, состоявший на службе у господ Эндерби, лондонских владельцев китобойных суден, отправился на бриге «Шустрый» и катере «Фуле» в Южный океан. Двадцать восьмого февраля, находясь на $66^{\circ}30'$ южной широты и $47^{\circ}31'$ восточной долготы, он увидел вдалеке землю и «четко рассмотрел сквозь снег черные вершины горной гряды, уходящей на ост-зюйд-ост». Весь следующий месяц он оставался в этих водах, но не смог приблизиться к берегу ближе чем на десять лиг из-за непогоды. Поняв, что в этом сезоне дальнейшие исследования невозможны, он отправился зимовать на расположенную севернее Землю Ван-Димена.

В начале 1832 года он снова начал продвижение на юг и четвертого февраля, находясь на $67^{\circ}15'$ южной широты и $69^{\circ}29'$ западной долготы, увидел на юго-востоке землю. Вскоре выяснилось, что это остров, расположенный рядом с открытым им ранее мысом на материке. Двадцать первого числа ему удалось высадиться на этом острове и именем короля Вильгельма IV провозгласить его британским владением, которому он в честь английской королевы дал название Аделейд. Когда эти подробности были сообщены Королевскому географическому обществу в Лондоне, ученые пришли к выводу, что «существует сплошной отрезок суши, растянувшийся вдоль шестьдесят шестой – шестьдесят седьмой параллели от $47^{\circ}30'$ восточной широты до $69^{\circ}29'$ западной долготы». В ответ на это заключение мистер Рейнольдс замечает: «С правильностью подобных выводов мы не можем согласиться, и открытия Бриско не дают к тому ни малейших оснований. Именно внутри этих координат Уэддел продвинулся на юг по меридиану к востоку от Георгии, Сандвичевых, Южных Оркнейских и Шетландских островов». Мой собственный опыт самым непосредственным образом указывает на ошибочность выводов, сделанных этим ученым сообществом.

Таковы главные попытки проникнуть в высокие широты юга, из чего становится понятным, что до плаванья «Джейн Гай» огромный отрезок Южного полярного круга, равный тремстам градусам, не пересекал ни один корабль. Конечно, перед нами лежало широкое поле для открытий и предложение капитана Гая продвинуться на юг вызвало у меня огромный интерес.

17

Отказавшись от дальнейших поисков островов Гласс, мы четыре дня шли на юг, не встретив никакого льда. Двадцать шестого числа в полдень, оказавшись на $63^{\circ}23'$ южной широты и $41^{\circ}25'$ западной долготы, мы увидели несколько крупных айсбергов и ледяное поле, но не очень широкое. Ветер дул юго-восточный и северо-восточный, но очень слабый. Всякий раз, когда ветер дул с запада, что случалось редко, начинался дождь. Каждый день шел снег, то сильнее, то слабее.

1 января 1828 года. В этот день мы оказались полностью зажаты льдами, и перспективы были самыми безрадостными. Все утро с северо-востока дул ураганный ветер, ударяя большими дрейфующими льдинами о подзор кормы и руль с такой силой, что нас одолевали мрачные предчувствия. Ближе к вечеру, когда ураган все еще продолжал бушевать, большое ледяное поле перед нами расступилось и мы получили возможность, поставив все паруса, пробиться через небольшие обломки льда на открытую воду. Приближаясь к этой большой полынье, мы постепенно убирали паруса, пока не остались под одним зарифленным фоком.

2 января. Погода сделалась в меру сносной. В полдень мы оказались на $69^{\circ}10'$ южной широты и $42^{\circ}20'$ западной долготы, за Южным полярным кругом. К югу от нас льда было очень немного, хотя позади остались огромные ледяные поля. В этот день мы соорудили некое подобие лота из большого железного горшка на двадцать галлонов и двух сотен саженей троса и обнаружили течение, идущее на север со скоростью примерно четверть мили в час. Температура воздуха была примерно тридцать три градуса, отклонение магнитной стрелки составило $14^{\circ}28'$ на восток по азимуту.

5 января. Продолжали идти на юг, не встречая каких-либо значительных преград, однако этим утром, находясь на $73^{\circ}15'$ южной широты и $42^{\circ}10'$ западной долготы, снова были остановлены огромным полем толстого льда. На юге мы увидели большое открытое пространство и решили, что наверняка сможем его достичь. Направляясь на восток вдоль края льдов, в конце концов мы нашли проход шириной примерно в милю, через который и прошли к заходу солнца. Море, в котором мы оказались, было густо усеяно айсбергами, но свободно от ледяных полей, и мы продолжили идти вперед, не снижая скорости. Температура не понижалась, несмотря на постоянный снегопад и частый сильнейший град. В этот день над шхуной с юга на север пролетела большая стая альбатросов.

7 января. Море оставалось открытым, поэтому следовать своим курсом нам не составляло труда. На западе заметили невероятного размера айсберги и днем прошли совсем близко от одного из них, высотой не менее четырех сотен саженей от поверхности океана. У основания он, вероятно, имел в поперечнике три четверти лиги, и по бокам его из расщелин текли ручьи. Этот ледяной остров оставался в поле зрения еще два дня и лишь потом скрылся в тумане.

10 января. Рано утром имели несчастье потерять человека за бортом. Это был американец по имени Питер Вреденбург из Нью-Йорка, который считался одним из самых ценных членов экипажа «Джейн Гай». Выйдя на нос, он поскользнулся, упал между двумя огромными льдинами и больше не показывался. В полдень этого дня мы находились на $78^{\circ}30'$ южной широты и $40^{\circ}15'$ западной долготы. Холод значительно усилился, с севера и востока постоянно налетал шквалистый ветер с градом. Также в этом направлении мы опять увидели несколько внушительного размера айсбергов, и весь горизонт на востоке показался нам сплошь закрытым громоздящимися друг на друга ледяными торосами. Вечером мимо нас проплыли какие-то деревянные обломки, а над нами летало большое количество птиц, среди которых я увидел несколько видов буревестников, альбатросов и какую-то крупную птицу с ярким голубым оперением. Здесь отклонение магнитной стрелки по азимуту было меньше,

чем во время прошлого замера, который мы произвели до пересечения Южного полярного круга.

12 января. Дальнейшее продвижение на юг снова оказалось под вопросом, поскольку по направлению к полюсу не было видно ничего, кроме безграничного сплошного ледяного поля и нагромождения ледяных глыб, угрожающе нависающих друг над другом. До четырнадцатого числа будем идти на запад – может быть, там нам удастся найти проход.

14 января. Утром достигли западной оконечности мешающего нам ледяного поля и, обогнув его, вышли в открытое море, полностью лишенное льда. Опустив лот на двести саженой, обнаружили направленное на юг течение со скоростью полмили в час. Температура воздуха была сорок семь градусов, воды – тридцать четыре. Продвигались на юг, не останавливаясь ни на минуту, до шестнадцатого, когда в полдень оказались на $81^{\circ}21'$ южной широты и 42° западной долготы. Здесь снова забросили лот и нашли то же самое южное течение, которое уже имело скорость три четверти мили в час. Отклонение по азимуту уменьшилось, воздух сделался мягким и приятным, термометр поднялся до пятидесяти одного градуса. Льда мы не видели. Все, кто был на борту, уже не сомневались, что мы достигнем полюса.

17 января. Этот день был полон происшествий. Неисчислимые полчища птиц пролетали над нами с юга на север, нескольких удалось подстрелить с палубы, и мясо одной, похожей на пеликана, оказалось превосходным на вкус. Примерно в полдень с марса была замечена одинокая льдина по левому борту, и на ней находилось какое-то крупное животное. Поскольку погода была хорошей и почти безветренной, капитан Гай распорядился спустить две шлюпки, чтобы выяснить, что это за зверь. Мы с Дирком Питерсом присоединились к первому помощнику на большей из шлюпок. Приблизившись к льдине, мы обнаружили, что на ней обосновалось гигантское создание из породы белых медведей, только гораздо крупнее любого из них. Мы были хорошо вооружены и потому не раздумывая напали на него. Было произведено несколько быстрых выстрелов, большинство из которых явно попали в голову и тело. Однако чудовище они, похоже, только разозлили. Оно бросилось со льдины в воду и с разинутой пастью поплыло к шлюпке, на которой находились мы с Питерсом. Из-за смещения, вызванного столь неожиданным поворотом событий, никто не выстрелил во второй раз, отчего медведю удалось, наполовину высунувшись из воды, налечь своим огромным телом на наш планшир и схватить одного из матросов пониже спины, прежде чем мы успели что-нибудь сделать. В этом отчаянном положении нас спасли от верной гибели лишь сноровка и проворство Питерса. Запрыгнув на спину громадному зверю, он вонзил нож в основание его шеи, одним ударом перерезав спинной мозг. Бездыханное животное безвольно скатилось в воду, увлекая за собой Питерса. Тот вскоре пришел в себя и, обвязав брошенной веревкой тушу медведя, залез обратно в лодку. После этого мы с триумфом вернулись на шхуну, таща на буксире добычу. Измерив медведя, мы выяснили, что в длину он имел полных пятнадцать футов. Белоснежная и очень грубая шерсть закручивалась в короткие плотные завитки. Кроваво-красные глаза по размеру значительно превосходили глаза белого медведя, морда тоже более округлая, напоминающая скорее бульдога. Мясо его оказалось нежным, хоть и сильно отдавало рыбой, впрочем, матросы, с аппетитом отведавшие его, нашли мясо превосходным.

Едва мы успели поднять нашу добычу на палубу, как с марса раздался радостный крик вахтенного: «Земля по правому борту!» Всех охватило нетерпение, и благодаря как нельзя кстати налетевшему с северо-востока ветру мы вскоре приблизились к берегу. Оказалось, что это плоский каменный островок окружностью примерно в лигу, совершенно лишенный растительности, если не считать каких-то растений, напоминающих опунцию. Если подходить к нему с севера, видно необычный, выдающийся в море утес, по форме очень напоминающий перевязанную кипу хлопка. За выступом, с западной стороны, имеется небольшая бухточка, в глубине которой наши шлюпки смогли без труда пристать.

На то, чтобы исследовать весь остров, много времени не ушло, и, за одним исключением, мы не обнаружили на нем ничего достойного внимания. На крайней южной его оконечности, у самой воды, в гряде битых камней мы нашли кусок деревянной конструкции, который, судя по виду, некогда был частью носа каноэ. На обломке были видны следы резьбы, и капитан Гай даже как будто различил изображение черепахи, но мне сходство не показалось убедительным. Кроме обломка носа каноэ (если это действительно был он), мы не обнаружили других следов пребывания на острове живых существ. Вокруг острова виднелись несколько небольших льдин, но их было очень немного. Точные координаты острова (которому капитан Гай дал имя остров Беннета в честь совладельца его шхуны): $82^{\circ}50'$ южной широты и $42^{\circ}20'$ западной долготы.

К этому времени мы продвинулись на юг более чем на восемь градусов дальше, чем кто-либо из мореплавателей до нас, и перед нами по-прежнему простиралось открытое, без льдинки море. Кроме того, мы обнаружили, что с продвижением на юг отклонение магнитной стрелки равномерно уменьшалось, но самое удивительное было то, что температура воздуха, а с недавнего времени и воды неуклонно повышалась. Погоду можно было даже назвать приятной, с севера дул устойчивый, но несильный бриз. Небо почти все время оставалось чистым, лишь изредка над южным горизонтом очень ненадолго поднималась дымка. Мы столкнулись лишь с двумя препятствиями: у нас заканчивалось топливо и у некоторых членов экипажа появились признаки цинги. Это заставило капитана Гая задуматься о возвращении, и он все чаще об этом говорил. Что касается меня, то, не сомневаясь в том, что мы скоро достигнем искомой земли, если будем продолжать двигаться избранным курсом, и имея все основания полагать, что она окажется не такой голой и пустынной, какими обычно бывают земли в высоких полярных широтах, я настойчиво внушал капитану мысль о целесообразности дальнейшего продвижения на юг, хотя бы еще в течение нескольких дней. Еще никогда человеку не давалась столь заманчивая возможность раскрыть великую тайну Антарктического материка, и, признаюсь, меня распирало от негодования, когда я слышал неуверенные и несвоевременные возражения нашего командира. Кажется, однажды я не сдержался и высказался на этот счет откровенно, что в конечном счете и побудило его продолжить путь. Несмотря на то что я не могу не скорбеть о жутких, кровавых событиях, непосредственной причиной которых стал мой совет, полагаю, я все же имею право испытывать некоторую степень удовлетворения, потому что помог, хоть и косвенно, открыть глаза ученым на одну из самых волнующих загадок, когда-либо привлекавших к себе их внимание.

18

18 января. Утром²⁸ продолжили движение на юг при такой же приятной погоде. Море оставалось совершенно спокойным, с северо-востока дул теплый ветер, температура воды была пятьдесят три градуса. Мы снова приготовили лот и, опустив его на сто пятьдесят саженей, выявили направленное к полюсу течение со скоростью одной мили в час. Эта неизменная направленность на юг как ветра, так и течений стала причиной оживленных обсуждений и даже тревоги в разных частях шхуны, и я заметил, что это произвело немалое впечатление на капитана Гая. Однако он был чрезвычайно чувствителен к любым насмешкам, и мне в конце концов удалось развеять его страхи. Отклонение магнитной стрелки стало совсем незначительным. За день мы несколько раз видели черных китов и над шхуной неисчислимое количество раз пролетели альбатросы. Еще мы нашли куст растения неизвестного вида, обильно поросший красными ягодами, похожими на ягоды боярышника, и останки удивительного животного. В длину оно имело три фута, в высоту всего примерно шесть дюймов, четыре очень короткие лапы были снабжены длинными когтями ярко-красного цвета, по виду напоминавшими коралл. Тело было покрыто прямой шелковистой шерстью, совершенно белой. Хвост около полутора футов в длину на конце сужался, как у крысы. Голова напоминала кошачью, только уши висели, как у собаки. Зубы были одного цвета с когтями – ярко-красные.

19 января. Сегодня море приобрело какой-то необычный темный оттенок. На 83°20' южной широты и 43°5' западной долготы вахтенный на марсе снова увидел землю. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это один из группы очень больших островов. За обрывистым берегом мы рассмотрели довольно плотные заросли деревьев, чему несказанно обрадовались. Примерно через четыре часа после того, как земля была замечена, мы бросили якорь на глубине десять саженей на песчаном дне в лиге от берега, так как высокий прибой и беспокойные волны делали дальнейшее приближение нецелесообразным. Капитан приказал спустить две самые большие шлюпки, и хорошо вооруженный небольшой отряд (в том числе мы с Питерсом) отправился на поиски прохода в рифе, который, казалось, окружал остров. После непродолжительных поисков нам удалось обнаружить бухту, и мы как раз в нее заходили, когда заметили, что от берега отходят четыре больших каноэ, полные вооруженных до зубов людей. Мы стали ждать их приближения, и, поскольку каноэ двигались с большой скоростью, очень скоро они оказались в пределах слышимости. Когда капитан Гай поднял белый платок, привязанный к лопасти весла, незнакомцы резко остановились и принялись галдеть все разом, время от времени издавая крики, в которых можно было различить слова «Анаму-му!» и «Лама-лама!». Так продолжалось по меньшей мере полчаса, и за это время мы смогли хорошенько их рассмотреть.

Всего в четырех каноэ длиной около пятидесяти футов и шириной примерно пять находилось сто десять дикарей. Ростом они не отличались от европейцев, только имели более крепкое сложение. Кожа у них была совсем черная, волосы – длинные и курчавые. Одежда их состояла из шкур какого-то черного животного с косматой мягкой шерстью, причем скроена она была не без умения – мехом внутрь, кроме отворотов у шеи, на запястьях и лодыжках. Вооружены они были главным образом дубинками из какого-то темного и, надо полагать,

²⁸ Термины «утро» и «вечер», которые я использую для того, чтобы, насколько возможно, избежать путаницы в своем рассказе, не следует понимать буквально. Уже долгое время у нас вовсе не было ночи и круглые сутки светил дневной свет. Даты указываются в соответствии с морским временем, а местоположение определяется по компасу. Также отмечу здесь, что я не могу ручаться за точность дат, долгот или широт в первой части изложенного, поскольку начал вести постоянный дневник только после событий, описанных в первой части. Во многих случаях мне приходилось полагаться на память (Примеч. авт.).

очень твердого дерева. Впрочем, мы заметили и несколько копий с кремниевыми наконечниками и пращи. На дне каноэ лежали груды черных камней размером с крупное яйцо.

Когда с приветствием было покончено (а болтовней своей они, очевидно, преследовали именно эти цели), один из них, очевидно вождь, поднялся на носу каноэ и знаками пригласил нас подплыть к нему. Мы сделали вид, что не понимаем, решив, что будет благоразумнее по возможности сохранять дистанцию между нами – количеством они вчетверо превосходили нас. Разобравшись что к чему, вождь приказал остальным трем каноэ отплыть немного назад и приблизился к нам на своем. Едва поравнявшись с нами, он запрыгнул на большую из шлюпок и уселся рядом с капитаном Гаем, одновременно указывая на шхуну и повторяя слова «Анаму-му!» и «Лама-лама!». Мы поплыли обратно к кораблю, все четыре каноэ последовали за нами, держась на небольшом расстоянии.

Оказавшись рядом со шхуной, вождь начал всячески проявлять высшую степень удивления и удовольствия: хлопал в ладоши, бил себя по бедрам и груди, громко хохотал. Его соплеменники присоединились к веселью, и несколько минут стоял поистине оглушительный шум. Когда тишина была наконец восстановлена, капитан Гай приказал поднимать шлюпки, и в качестве необходимой предосторожности дал понять вождю (которого, как мы вскоре выяснили, звали Туу-Уит), что на борт мы можем брать не больше двадцати его людей за раз. Это последнего, кажется, полностью удовлетворило, он что-то крикнул своим в каноэ, после чего одно из них отделилось от державшейся ярдах в пятидесяти группы и подошло к нам. Поднявшиеся на борт «Джейн Гай» двадцать дикарей принялись разгуливать по всей палубе, рыться в снастях, чувствуя себя как дома, и осматривать все с великим любопытством.

Было вполне очевидно, что никогда прежде они не видели белых людей, чья белая кожа, похоже, у них вызывала отвращение. «Джейн Гай» они посчитали живым существом и очень боялись уколоть ее копьями, из-за чего осторожно подняли их наконечниками вверх. Один случай премного позабавил команду шхуны. Наш кок рубил дрова рядом с камбузом и случайно ударил топором в палубу, пробив глубокую дыру. Туу-Уит мгновенно подскочил к нему, довольно грубо отпихнул кока в сторону и, издав то ли визг, то ли вой, стал всячески выражать сочувствие раненой шхуне, гладил дыру руками и даже промыл ее морской водой из стоявшего рядом ведра. Такой степени невежества мы не могли ожидать, и мне показалось, что по крайней мере часть ее была притворной.

Когда гости кое-как удовлетворили любопытство наверху, они спустились вниз, и тут их удивлению не было предела. Они были слишком потрясены, чтобы что-то говорить, и осматривали внутренности корабля в молчании, нарушаемом лишь приглушенными восклицаниями. Когда мы разрешили им осмотреть и потрогать наше оружие, оно немало озадачило их. Не думаю, что они догадывались о его предназначении, скорее всего, дикари приняли ружья за идолов, когда увидели, как бережно мы к ним относимся и как внимательно следим за их движениями, когда они берут их в руки. При виде пушек их изумление удвоилось. Они приблизились к ним с видом величайшего почтения и благоговейного страха, но от внимательного осмотра воздержались. В кают-компании на стенах висели два больших зеркала, и здесь удивление их достигло кульминации. Туу-Уит первым вышел на середину кают-компании, оказавшись лицом к одному зеркалу и спиной к другому. Заметил он их не сразу, но, когда дикарь поднял глаза и увидел свое отражение, я подумал, он сойдет с ума. Когда же он развернулся, чтобы убежать, и снова увидел себя в зеркале напротив, я испугался, что он умрет прямо на месте. Никакие уговоры не заставили его снова посмотреть в зеркало. Он бросился на пол, закрыв лицо руками, и оставался в таком положении, пока мы не вытащили его на палубу.

Так группами по двадцать человек все дикари поочередно побывали на борту нашей шхуны. Туу-Уиту пришлось оставаться на шхуне все это время. Склонности к воровству мы у них не заметили, и после их отбытия никаких пропаж не обнаружилось. Все время пребывания на борту они вели себя очень дружелюбно. Однако некоторых особенностей их поведения мы были не в силах понять. Так, они наотрез отказывались приближаться к некоторым совершенно безобидным предметам, например к парусам шхуны, яйцу, открытой книге или миске с мукой. Мы попытались разузнать, есть ли у них что-нибудь на обмен, но так и не смогли им втолковать, чего мы от них хотим. Однако мы выяснили, и это необычайно поразило нас, что на острове в изобилии водятся галапагосские черепахи, одну из которых мы заметили в каное Туу-Уита. Кроме того, в руках одного из дикарей мы увидели несколько трепангов, которых тот поглощал сырыми. Все эти странности (а иначе их назвать нельзя, если вспомнить, на какой широте мы находились) разбудили в капитане Гае желание всесторонне изучить эти земли, с тем чтобы извлечь выгоду из своих открытий. Что до меня, то как мне ни хотелось узнать побольше об островах, еще большим было мое желание безотлагательно продолжить путь на юг. Погода установилась благоприятная, но невозможно было предугадать, как долго она продлится; и теперь, когда мы уже достигли восьмьдесят четвертой параллели, а перед нами расстилалось открытое море с сильным южным течением и дул попутный ветер, я терял всяческое терпение, когда слышал любые предложения задержаться на острове дольше, чем было совершенно необходимо для улучшения здоровья команды и погрузки на борт достаточных запасов горючего и провизии. Я убеждал капитана, что мы без труда можем вернуться на эти острова на обратном пути и даже зазимовать здесь, если окажемся зажатыми льдами. В конце концов он согласился со мной (сам не знаю почему, но я приобрел значительное влияние на него), и было решено, что даже в том случае, если удастся найти трепангов, мы пробудем здесь неделю, чтобы набраться сил, после чего продолжим движение на юг, пока будут позволять условия. Соответственно, были проведены все необходимые приготовления, и под руководством Туу-Уита мы провели «Джейн Гай» через рифы, встав на якорь примерно в миле от берега в удобной, окруженной со всех сторон землей бухте глубиной десять сажень и с черным песчаным дном на юго-восточной оконечности самого большого из островов. В глубине бухты, как нам рассказали, текли три ручья с прекрасной водой, берега ее были покрыты лесами. Вместе с нами в бухту вошли четыре каное, но они держались от нас на почтительном расстоянии. Туу-Уит оставался на борту и, когда мы бросили якорь, пригласил нас сойти на берег и посетить его деревню в глубине острова. Капитан Гай принял приглашение, десять дикарей в качестве заложников остались на борту, и наш отряд, всего двенадцать человек, начал готовиться к высадке. Мы хорошо вооружились, но так, чтобы не внушить недоверие своим видом. На шхуне выкатили пушки, подняли абордажные сети и приняли все остальные меры предосторожности во избежание любых неожиданностей. Первому помощнику было дано указание в наше отсутствие никого не пускать на борт, и, если мы не вернемся через двенадцать часов, послать на поиски катер с вертлюжной пушкой вокруг острова.

С каждым шагом в глубь острова мы убеждались, что попали в страну, существенно отличающуюся от тех мест, где до сих пор ступала нога цивилизованного человека. Мы не увидели здесь ничего хотя бы отдаленно знакомого. Деревья не напоминали ни одно растение, произрастающее в жарких, умеренных или холодных северных областях, так же как не имели они ничего общего с теми растениями, которые встретились нам в низких южных широтах. Сами камни казались необычными по составу, цвету и форме, и даже ручьи, хоть это и покажется совершенно невероятным, до того не походили на ручьи, которые можно встретить в ином климате, что мы попробовали их воду с опаской и нам трудно было поверить, что ее свойства природного происхождения. У одного небольшого ручья (первого, через который проходил наш путь) Туу-Уит и его спутники остановились, чтобы напиться.

Из-за необычности воды мы отказались ее пробовать, решив, что ручей загрязнен, и лишь через какое-то время поняли, что так вода выглядит во всех источниках на острове. Я не знаю, как описать характер этой жидкости, и вряд ли смогу это сделать в немногих словах. Несмотря на то что по всем наклонным поверхностям она текла со скоростью обычной воды, свойственную воде прозрачность можно было заметить лишь в тех случаях, когда она падала каскадом с определенной высоты. В то же время она была не менее прозрачна, чем любая самая чистая вода на свете, и разница была исключительно внешней. На первый взгляд, особенно в местах, где отсутствовали наклонные поверхности или перепады, по консистенции она напоминала густой раствор гуммиарабика в обычной воде. Но это наименее удивительное из ее необычных качеств. Вода эта не была бесцветной и не имела какого-то определенного цвета, но в движении являла взору все мыслимые оттенки пурпура, подобно переливчатому шелку. Такие изменения в цвете поразили наш отряд не меньше, чем зеркала поразили Туу-Уита. Набрав воду в посуду и дав ей отстояться, мы увидели, что жидкость состоит из множества отдельных прожилок, каждая из которых имеет собственный оттенок, что прожилки эти не смешиваются и что сила сцепления частиц каждой отдельной прожилки превосходит силу, удерживающую прожилки вместе. Когда мы провели ножом поперек струй, вода тут же сомкнулась на лезвии, как любая другая вода, а когда вынули нож, следа от нее не осталось. Однако если мы аккуратно проводили лезвием между двумя прожилками, они разъединялись, и лишь через некоторое время сила сцепления снова соединяла их. Удивительные свойства этой воды стали первым звеном в длинной цепочке настоящих чудес, в окружении которых мне было суждено оказаться.

19

До деревни добирались почти три часа, ибо располагалась она более чем в девяти милях от берега и наш путь лежал через пересеченную местность. По мере продвижения сопровождение Туу-Уита (первоначально состоявшее из ста десяти дикарей с каноэ) постоянно пополнялось все новыми отрядами из шести-семи человек, которые как бы случайно присоединялись к нам на каждом повороте тропинки. Во всем этом чувствовался некий замысел, и у меня невольно начали возникать разного рода подозрения, которыми я поделился с капитаном Гаем. Однако отступать было поздно, и мы решили, что безопаснее всего будет делать вид, что мы свято верим в честность Туу-Уита. С тем мы и продолжили путь, пристально наблюдая за маневрами дикарей и не позволяя им разделять нас. Пройдя таким строем через ущелье с отвесными стенами, мы наконец достигли того, что, как нас уверяли, являлось единственным жилым поселением на острове. Когда мы оказались в пределах видимости, вождь издал крик и несколько раз повторил слово «Клок-клок», которое, как мы поняли, было названием деревни или же означало само понятие «деревня».

Жилища являли собой самое жалкое зрелище и, в отличие от жилищ даже самых примитивных из известных человечеству народов, не имели единого плана. Некоторые (как мы позже выяснили, они принадлежали «вампу» или «ямпу», старейшинам острова) были сложены из дерева, срубленного примерно в четырех футах от корня, и большой черной шкуры, наброшенной на него и свисающей свободными складками до земли. Под такими шкурами и жили дикари. Другие были сделаны из грубых веток с засохшими листьями, уложенными под углом в сорок пять градусов на бесформенную грудку глины высотой футов пять-шесть. Были и простые ямы, вырытые в земле и накрытые такими же ветками, которые отодвигались, когда обитатель ямы собирался спуститься, и возвращались на место, когда оказывался внутри. Некоторые были сооружены на деревьях между ветвей, причем верхние ветви подрезались, чтобы они наклонялись и образовывали лучшую защиту от непогоды. Однако большинство дикарей ютились в маленьких узких пещерках, очевидно, выдолбленных в крутой темной скале, которая окружала деревню с трех сторон. У входа в каждую такую пещерку стоял небольшой камень, который ее обитатель аккуратно придвигал ко входу, когда собирался уходить. Для чего это делалось, мне не известно, поскольку камни эти не перекрывали и трети входа.

Деревня, если это место достойно такого названия, располагалась в неглубокой долине, и попасть в нее можно было только с юга, так как крутая гряда, о которой я уже упоминал, отрезала подход с других сторон. Посреди долины протекала бурная речушка с той самой таинственной водой, которая тоже уже была описана. Вокруг поселения мы увидели несколько причудливых животных, очевидно одомашненных. Самое крупное из них формой тела и носом напоминало нашу свинью, но обладало при этом пушистым хвостом и стройными, как у антилопы, ногами. Передвигалось оно очень неуклюже и как-то нерешительно, и мы ни разу не видели, чтобы оно попыталось бежать. Также мы заметили несколько других похожих животных, но с более длинным, покрытым черной шерстью телом. Вокруг них копошилось множество домашних птиц самых разных видов, которые, вероятно, служили основной пищей для туземцев. Мы необычайно удивились, когда среди пернатых заметили черных альбатросов, которые время от времени свободно улетали в море на поиски пищи, но всегда возвращались в деревню. Для гнездования они использовали южный берег. Там к ним присоединялись дикие пеликаны, но последние никогда не допускались к жилью дикарей. Среди других ручных птиц можно назвать уток, почти не отличавшихся от обычных нырков, которые обитают в нашей стране, черных олушей и каких-то больших птиц, имеющих определенное сходство с сарычем, но не плотоядных. В рыбе недостатка не было. За время

пребывания в деревне мы видели много сушеной семги, трески, голубых дельфинов, скумбрии, черной рыбы, скатов, морских угрей, лобанов, кефали, морских языков, морских петухов, мерлуз, хеков, камбал, барракуд и неисчислимое множество других видов. Также мы обратили внимание на то, что почти все они были сходны с рыбами, которые водятся у островов лорда Окланда, на 51° южной широты. Галапагосских черепах тоже было много. Мы увидели лишь нескольких диких животных, ни одного крупного или похожего на известные нам виды. Под ноги нам попала пара змей устрашающего вида, но туземцы не обратили на них внимания, и мы решили, что они не ядовиты.

Когда мы с Туу-Уитом и его отрядом приблизились к деревне, нам навстречу вышла большая толпа с громкими криками, среди которых удалось только различить неизменные «Анаму-му!» и «Лама-лама!». Мы были немало удивлены, увидев, что, за немногим исключением, эти люди были совершенно голыми и в шкуры были одеты только дикари, встретившие нас на каноэ. Также, похоже, все имеющееся в деревне оружие тоже находилось в распоряжении воинов с каноэ, поскольку все обитатели деревни были безоружны. Мы увидели много женщин и детей, и надо сказать, что женщины не были лишены определенной привлекательности. Высокие и стройные, они держались со свободной грацией, которой не увидишь в цивилизованном обществе. Только губы у них, как и у мужчин, были такими мясистыми и малоподвижными, что даже во время смеха зубы никогда не обнажались. Волосы их были мягче, чем у мужчин. Среди всех обитателей деревни, возможно, человек десять – двенадцать были одеты так же, как отряд Туу-Уита, в черные шкуры, и вооружены копьями и тяжелыми дубинками. Эти, похоже, имели большое влияние на остальных, и в обращении к ним всегда произносилось слово «вампу». Именно эти «вампу» занимали жилища из черных шкур. Жилище Туу-Уита стояло в середине деревни, было гораздо крупнее остальных подобных и отличалось более искусной конструкцией. Дерево, которое служило ему основанием, было срублено на высоте футов двенадцати или около того от корня, а чуть ниже было оставлено несколько веток для растягивания навеса, сшитого из четырех очень больших шкур, скрепленных деревянными иглами. Внизу навес был прибит к земле колышками. Пол под ним, точно ковер, устилали сухие листья.

В эту хижину нас торжественно ввели, после чего туда же набилась целая толпа туземцев. Туу-Уит уселся на листья и жестом предложил нам последовать его примеру. Мы сели и оказались в положении крайне неудобном, если не сказать критическом. Мы сидели на земле, двенадцать человек, в окружении никак не меньше сорока дикарей, сомкнувшихся так тесно, что в случае какой-нибудь заварухи мы бы не смогли воспользоваться оружием и даже подняться на ноги. Теснота была не только в хижине, но и снаружи, где, вероятно, собралось все население острова, и лишь постоянные окрики Туу-Уита не давали толпе растоптать нас. Однако главным залогом нашей безопасности было присутствие рядом с нами самого вождя, и мы решили держаться как можно ближе к нему, чтобы при первом же проявлении враждебных намерений принести его в жертву.

После определенных усилий было восстановлено некое подобие тишины, и вождь обратился к нам с пространной речью, сильно напоминающей ту, что он произнес в каноэ при первой встрече, с той лишь разницей, что теперь «Анаму-му!» выделялись интонацией сильнее, чем «Лама-лама!». Мы выслушали его разглагольствования в полном молчании, после чего капитан Гай в ответной речи заверил его в вечной дружбе и доброжелательности, в ознаменование чего преподнес ему в дар несколько нитей синих бус и нож. Если при виде бус правитель острова, к нашему изумлению, презрительно поморщился, то нож вызвал у него безграничный восторг, и он тут же приказал подать обед. Угощения передали через головы собравшихся, и оказалось, что состоят они из еще дымящихся внутренностей какого-то крупного животного, возможно, одной из тонконогих свиней, которых мы видели на подходе к деревне. Видя нашу растерянность, он решил подать нам пример и начал ярд за ярдом

поглощать кишки. Мы, не в силах смотреть на это, обнаружили явные признаки возмущения желудка, вызвавшие у его величества изумление, сравнимое разве что с тем, какое воздействие произвели на него зеркала. Мы отказались угощаться разложенными перед нами деликатесами и попытались заставить его понять, что мы не голодны, поскольку совсем недавно плотно пообедали.

Когда правитель покончил с трапезой, мы начали расспросы, пытаясь самыми хитроумными способами разведать, что производит его страна и можем ли получить из этого какую-то выгоду. Наконец он, кажется, понял, чего мы от него добивались, и предложил провести на ту часть берега, где, по его заверениям, можно было найти много трепангов (он для наглядности указал на них). Мы были рады возможности столь скоро выбраться из толпы, поэтому тут же дали ему понять, что нам не терпится отправиться в путь. После этого мы покинули хижину и в сопровождении всей деревни прошли с вождем на юго-западную оконечность острова, недалеко от бухты, где стояла на якоре наша шхуна. Здесь мы прождали около часу, пока к нам на каноэ не приплыли несколько дикарей. После этого весь наш отряд погрузился в одну из них и нас повезли вдоль упомянутого рифа, а потом вдоль другого, расположенного чуть дальше, на котором мы увидели гораздо большее количество трепангов, чем самые опытные моряки из нашего отряда когда-либо наблюдали в одном месте на нижних широтах, особенно славящихся этим товаром. Рядом с рифами мы оставались, пока не убедились, что при необходимости могли бы наполнить этими животными хоть дюжину судов, после чего нас подвезли к шхуне и мы расстались с Туу-Уитом, взяв с него слово в течение суток привезти нам столько уток и галапагосских черепах, сколько поместится в его каноэ. За все это время ничто в поведении туземцев не вызвало у нас подозрения, кроме того, как планомерно пополнялся их отряд по дороге от шхуны к деревне.

20

Вождь сдержал слово, и вскоре нас снабдили свежей провизией. Черепахи оказались выше всяческих похвал, а утки по своим качествам превосходили самую лучшую нашу дичь, мясо у них было исключительно нежное, сочное и вкусное. Кроме них туземцы, уразумев наше желание, привезли много коричневого сельдерея и лука и еще целое каноз рыбы, свежей и сушеной. Сельдерей показался нам настоящим лакомством, а лук буквально поставил на ноги наших больных с признаками цинги. Очень скоро в списке больных не осталось ни одного имени. Помимо этого нам доставили в избытке и других продуктов, среди которых можно упомянуть неизвестную нам разновидность моллюска, внешне напоминавшего мидию, но со вкусом устрицы. Еще нам привезли целую гору разных креветок и яйца альбатросов и других птиц, все с темной скорлупой. Также мы взяли на борт большой запас мяса свиней, которых я описывал ранее. Большинству наших людей оно пришлось по вкусу, но я почувствовал в нем рыбный привкус, и вообще оно мне не понравилось. В обмен на это добро мы дали дикарям синие бусы, медные безделушки, гвозди, ножи, куски красной материи, и те остались вполне довольны сделкой. На берегу, прямо под пушками шхуны, мы устроили настоящий рынок, где производился честный обмен, к обоюдному удовольствию и даже с неким подобием порядка, чего мы никак не могли ожидать от обитателей деревни Клок-Клок.

В такой дружелюбной обстановке прошло несколько дней, дикари часто навевались группками на корабль, а наш отряд сходил на берег и совершал длинные прогулки вглубь острова, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны туземцев. Видя, как легко можно загрузить судно трепангами с помощью дружественно расположенных островитян и с какой готовностью они предлагают помощь в их сборе, капитан Гай решил вступить в переговоры с Туу-Уитом относительно сооружения на острове помещений для обработки товара, а также услуг самого вождя и его соплеменников в сборе как можно большего количества трепангов, пока сам капитан, воспользовавшись благоприятной погодой, продолжит путешествие на юг. Услышав это предложение, вождь с готовностью согласился. Была заключена обоюдо-выгодная сделка, по которой после необходимых приготовлений (как-то: выбор и расчистка подходящего места, возведение части построек и некоторые другие работы, для выполнения которых потребуется вся наша команда) шхуна продолжит продвижение по первоначальному маршруту, оставив на острове троих человек, которые будут наблюдать за осуществлением проекта и обучать туземцев сушке трепангов. Что касается выгоды, то она целиком зависела от усердия, которое проявят дикари в наше отсутствие. Мы условились, что они получают заранее оговоренное количество синих бус, ножей и прочих полезных предметов за каждый пикуль сушеных трепангов, который будет готов к нашему возвращению.

Описание этого важного продукта и способа его приготовления может показаться интересным моим читателям, и я не вижу более подходящего места, чтобы привести его. Следующее ниже всестороннее изложение предмета позаимствовано из недавнего отчета о плавании в Южный океан.

«Этот тихоокеанский моллюск в торговле известен под французским названием *bouche de mer* (морское лакомство). Если не ошибаюсь, прославленный Кювье называет его *gasteropoda pulmonifera*. Его в больших количествах собирают на берегах островов в Тихом океане в основном для китайского рынка, где за них дают хорошую цену, возможно, такую же, как за пресловутые съедобные птичьи гнезда из желатиноподобного вещества, которое ласточки собирают с тел этих моллюсков. У них нет ни раковин, ни ног, ни каких-либо иных выступающих частей тела, кроме ротового и противоположного ему заднепроходного отвер-

ствия, но с помощью гибких колец наподобие гусениц или червей они ползают по мелко-водью, где во время отлива их находят ласточки. Вонзая острый клюв в мягкое тело, они достают из него клейкое волокнистое вещество, которое, засыхая, образует прочные стенки гнезд. Отсюда и название *gasteropoda pulmonifera*.

Этот моллюск имеет продолговатую форму и бывает разных размеров, от трех до восемнадцати дюймов в длину, и я сам видел несколько экземпляров длиной никак не меньше двух футов. В поперечнике они почти круглые, с небольшим уплощением с одной стороны, на котором они и лежат на морском дне, и в ширину достигают от одного до восьми дюймов. Трепанги выползают на мелководье в определенное время года, вероятно, для размножения, поскольку их часто находят парами. Именно в это время, когда солнце нагревает воду, они приближаются к берегу и часто добираются до таких неглубоких мест, что с отливом оказываются на суше под лучами солнца. Но молодняк они никогда не выводят на мель – никто не видел их потомства, и из глубины всегда выходят только взрослые особи. Питаются они главным образом зоофитами, из которых образуются кораллы.

Собирают *bouche de mer* чаще всего на глубине трех-четырех футов, после чего выносят на берег и ножом делают на одном конце надрез длиной в дюйм или более, в зависимости от размера моллюска. Сквозь этот надрез выдавливают внутренности, которые ничем не отличаются от внутренностей других мелких обитателей глубин. Затем товар моют и варят при определенной температуре, которая не должна быть слишком высокой или слишком низкой. После этого их закапывают на четыре часа в землю, а потом опять варят короткое время, после чего высушивают либо на огне, либо на солнце. Высушенные на солнце экземпляры ценятся больше, но пока на солнце сушится один пикуль (133 1/3 фунта), на огне можно успеть высушить тридцать пикулей. При правильной обработке их можно хранить в сухом месте два-три года, но нужно проверять раз в несколько месяцев – скажем, четыре раза в год, – чтобы они не испортились от сырости.

Китайцы, как было сказано выше, считают *bouche de mer* большой роскошью и верят, что этот продукт прекрасно укрепляет и насыщает организм и восстанавливает силы при половом истощении. Товар первого сорта идет в Кантоне по очень высокой цене – девяносто долларов за пикуль, за второй сорт дают семьдесят пять долларов, за третий – пятьдесят долларов, за четвертый – тридцать долларов, за пятый – двадцать долларов, за шестой – двенадцать долларов, за седьмой – восемь долларов и за восьмой – четыре доллара, однако в Маниле, Сингапуре и Батавии небольшие партии уходят по более высокой цене».

Заклучив договор, мы немедленно начали выносить с корабля все необходимое для подготовки площадки и постройки помещений. Было выбрано широкое ровное место на восточном берегу бухты, где имелось достаточно леса и воды, недалеко от рифов, на которых планировалось добывать трепангов. Все мы усердно принялись за работу и вскоре, к изумлению дикарей, срубили нужное для наших целей количество деревьев, быстро придали им вид, необходимый для сооружения каркасов зданий, и через пару дней они уже были готовы настолько, что окончание работ можно было смело доверить трем добровольцам, которые вызвались остаться на острове. Это были Джон Карсон, Альфред Харрис и Петерсон (все уроженцы Лондона, если не ошибаюсь).

К концу месяца все было готово к отплытию. Однако мы согласились нанести официальный прощальный визит в деревню, и Туу-Уит так упорно настаивал на том, чтобы мы исполнили обещание, что нам показалось неблагоразумным обижать его напоследок отказом. Думаю, никто из нас в то время не питал ни малейшего сомнения в добропорядочности дикарей. Они все как один держались с нами обходительно и с готовностью помогали нам в работе, приносили нам разную мелочь и часто ее отдавали бесплатно, и никогда, ни разу, ничего не стянули, хотя явно очень ценили имевшиеся у нас товары, о чем говорил

бурный восторг, охватывавший их всякий раз, когда они получали от нас подарки. Женщины были особенно услужливы, и мы были бы самыми подозрительными существами в мире, если бы у нас возникла даже мысль о вероломстве людей, которые так хорошо к нам относились. Однако уже очень скорое будущее показало, что это притворное расположение являлось всего лишь частью хорошо продуманного плана нашего уничтожения и что островитяне, о которых у нас сложилось столь высокое мнение, были одними из самых свирепых, скрытных и кровожадных негодяев, когда-либо осквернявших этот мир своим существованием.

Первого февраля мы спустились на берег, чтобы пойти в деревню. Хотя, как уже было сказано, никто из нас не питал ни малейших подозрений в отношении дикарей, необходимыми мерами предосторожности мы пренебрегать не стали. На шхуне остались шесть матросов, которым было дано указание никому не позволять приближаться к ней в наше отсутствие ни под каким предлогом и все время оставаться на палубе. Абордажные сети были подняты, бортовые пушки набиты двойным зарядом картечи, вертлюжные – мушкетными пулями. Шхуна стояла на якоре примерно в миле от берега, так что, если бы к ней поплыло каноэ, с любой стороны оно было бы непременно замечено и оказалось под прицелом вертлюжных пушек.

Без шести матросов, оставленных на шхуне, отряд, спустившийся на берег, состоял из тридцати двух человек. Все мы были вооружены до зубов, имели при себе мушкеты, пистолеты и абордажные сабли; кроме того, у каждого имелся длинный морской нож, внешне несколько напоминавший охотничьи ножи, которыми теперь так часто пользуются на западе и юге нашей страны. Сотня чернокожих воинов встретила нас на берегу, чтобы сопроводить к деревне. Мы не без удивления заметили, что на этот раз они не имели при себе оружия, а когда об этом обстоятельстве спросили Туу-Уита, тот просто ответил, что «матее нон уэ па па си», что означало: когда все – братья, оружие ни к чему. Мы в ответ рассмеялись и отправились в путь.

Миновав источники и ручей, о которых я говорил ранее, мы вошли в узкое ущелье, ведущее сквозь цепь стеатитовых скал. Ущелье было очень неровное и каменистое, и во время первого посещения в Клок-Клок пробраться через него нам стоило большого труда. Общая длина ущелья – полторы, возможно, две мили, но сквозь скалы оно вело такими немислимыми извивами и изломами (очевидно, в давние времена это было русло реки), что по нему нельзя было пройти и двадцати ярдов, не сделав резкого поворота. Отвесные стены на всем пути возвышались, я уверен, футов на семьдесят-восемьдесят и на некоторых участках достигали поистине немислимой высоты, нависая над тропой, так что на нее почти не попадал солнечный свет. В ширину ущелье в среднем имело футов сорок, но местами сужалось настолько, что не больше пяти-шести человек могли пройти там в ряд. Короче говоря, трудно себе представить место, более подходящее для устройства засады, поэтому вполне естественно, что мы тщательно осмотрели оружие перед тем, как войти в ущелье. Когда я думаю о непростительной глупости, которую мы совершили, меня больше всего поражает то, что в таких условиях мы вообще рискнули отдаться во власть дикарей и позволили им идти по этому ущелью впереди и позади нас. Тем не менее именно такой порядок мы слепо приняли, бездумно полагаясь на нашу многочисленность, на силу нашего огнестрельного оружия (действие которого все еще оставалось тайной для туземцев) и на то, что Туу-Уит и его люди были безоружны, но главное – поверив в дружбу, которую так долго изображали эти подлые твари. Пять-шесть туземцев шли впереди, как будто чтобы указывать путь и очищать дорогу от больших камней и веток. Далее тесной группой следовали мы. Нашей единственной заботой было не позволить себя разделить. Замыкал шествие основной отряд дикарей, которые соблюдали необычный для них порядок и торжественность.

Дирк Питерс, человек по имени Уилсон Аллен и я находились с правой стороны от наших товарищей и по дороге рассматривали необычное залегание пород в нависавших над нами отвесных стенах ущелья. Наше внимание привлекла одна трещина в мягкой скальной породе. Она была достаточно широка, чтобы в нее свободно мог пройти человек, уходила прямо в глубину скалы футов на восемнадцать – двадцать, а потом под наклоном сворачивала влево. Высота прохода, насколько нам было видно, составляла от шестидесяти до семидесяти футов. В пещере росли какие-то низкорослые кусты, и, заинтересовавшись их плодами, похожими на фундук, я быстро вошел внутрь и сорвал сразу пять-шесть орехов. Повернувшись, я увидел, что Питерс и Аллен последовали за мной. Я сказал им, чтобы они возвращались, потому что двоим в этой трещине не разойтись и что моих орехов хватит на всех. Они развернулись и начали пробираться обратно (Аллен находился ближе к выходу), когда я вдруг почувствовал мощнейшее, ни с чем не сравнимое сотрясение, от которого у меня возникла мысль, если я вообще в то мгновение мог о чем-то думать, что земля вдруг раскололась пополам и миру пришел конец.

21

Придя в чувство, я понял, что лежу, задыхаясь, в полной темноте посреди груд камней и земли, которые продолжали валиться со всех сторон, угрожая засыпать меня полностью. Придя в ужас от этой мысли, я с большим трудом поднялся на ноги и замер на несколько секунд, пытаясь постичь, что произошло и где я нахожусь. Вдруг совсем рядом я услышал громкий стон, а потом голос Питерса, который звал меня на помощь. Я сделал пару неверных шагов вперед и наткнулся прямо на голову и плечи своего товарища, который, как стало понятно, оказался наполовину засыпан землей и теперь отчаянно пытался выбраться. Собрав все силы, я принялся разгребать руками землю и помог ему освободиться.

Как только мы оправились от страха и удивления настолько, что к нам вернулась способность соображать, мы оба пришли к выводу, что стены пещеры, в которую мы вошли, из-за какого-то подземного толчка или, быть может, под собственным весом обрушились, похоронив нас заживо, и что мы оказались в ловушке, из которой нет выхода. Долгое время мы предавались отчаянию, которое не может представить тот, кто никогда не оказывался в подобном положении. Я был твердо убежден, что ни одно происшествие из тех, что когда-либо случаются с человеком на протяжении всей его жизни, не способно вызвать такого полнейшего физического и умственного упадка, как то, что выпало на нашу долю, – погребение заживо. Кромешная тьма, окутывающая жертву, ужасное давление на легкие, удушающие запахи сырой земли соединяются со страшными мыслями о том, что у тебя нет даже прозрачной надежды на спасение и отныне тебя ждет удел мертвых, и вселяют в человеческое сердце ужас, который невозможно вынести, невозможно постичь.

Наконец Питерс предложил оценить размеры катастрофы и обойти на ощупь нашу темницу; сделать это было едва ли возможно, но он сказал, что в завалах мог остаться какой-нибудь просвет, через который мы сможем выйти. Я жадно ухватился за эту мысль и, напрягая все силы, попытался пробиться сквозь толщу обрушившейся земли. Едва я продвинулся на шаг вперед, как мы увидели еле различимый мерцающий лучик света, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить меня, что мы, во всяком случае, не умрем от удушья. Приободрившись, мы стали надеяться на лучшее. Когда грома комьев земли и камней, затруднявшая дальнейшее продвижение в направлении света, была пройдена, пробираться дальше стало проще, тем более что мы почувствовали большое облегчение в легких. Вскоре мы смогли осмотреться и обнаружили, что находимся в дальней части первого прямого отрезка пещеры, рядом с поворотом налево. Еще немного усилий, и, к неописуемой радости, мы увидели трещину, уходящую высоко вверх под углом в сорок пять градусов, а местами и круче. Заглянуть в нее и увидеть, что делается внутри, мы не могли, но свет, который шел из нее, не оставлял сомнений, что наверху (если каким-то образом нам удастся взобраться наверх) мы найдем проход наружу.

Тут я вспомнил, что в расселину нас вошло трое и что наш товарищ Аллен до сих пор не дал о себе знать. Мы тут же приняли решение вернуться и найти его. После долгих поисков в страхе нового обвала Питерс наконец крикнул, что нащупал ногу нашего спутника и что тело завалено так, что вытащить его невозможно. Вскоре я убедился, что он не ошибся и что Аллен давно испустил дух. С тяжелым сердцем мы оставили труп и вернулись к повороту.

В довольно узкий проход протиснуться можно было с большим трудом, а подниматься по нему и вовсе казалось невозможным, и после пары безуспешных попыток мы снова упали духом. Я уже упоминал, что гряда гор, сквозь которую проходило ущелье, состояла из мягкого камня, похожего на стеатит. Стены трещины, по которой мы хотели подняться, состояли из той же горной породы; они от влаги были такими скользкими, что мы едва могли упереться ногой, даже в самых пологих частях, а в некоторых местах, где они были практически

вертикальными, подъем был необыкновенно трудным, почти невозможным. Но отчаяние иногда придает решимости, и мы принялись ножами прорубать в мягком камне ступеньки, цепляться с риском для жизни за края твердого сланца, выступающие в разных местах из общей массы, и наконец сумели добраться до небольшого природного уступа, с которого можно было рассмотреть клочок голубого неба и дальний конец густо поросшего лесом ущелья. Оглянувшись, теперь уже без содрогания, на разлом, через который только что пробрались, мы по его стенам четко увидели, что появился он недавно, и заключили, что столь ошеломившее нас содрогание, какой бы ни была его причина, расширило трещину, открыв этот путь к спасению. Напряжение вымотало нас, и от усталости мы едва могли стоять на ногах или говорить, поэтому Питерс предложил попытаться привлечь к себе внимание наших товарищей выстрелами из пистолетов. Мушкеты и сабли потерялись где-то в завалах земли на дне расселины. Последующие события показали, что если бы мы тогда выстрелили, нам пришлось бы сильно пожалеть об этом, но, к счастью, у меня в мыслях уже начало зарождаться смутное подозрение, и мы не стали выдавать дикарям свое местонахождение.

Отдохнув с час, мы продолжили медленный подъем и не успели преодолеть большое расстояние, как услышали несколько пронзительных воплей, следовавших один за другим. Наконец мы выбрались на поверхность – после каменного уступа наш путь пролегал под нависшим высоким откосом, через ветки каких-то растений. Очень осторожно мы подкрались к узкой брешу, через которую нам открылся вид на окружающую нас местность и страшная причина удара.

Площадка, с которой мы смотрели вниз, располагалась недалеко от самого высокого пика стеатитовых скал. Ущелье, в которое вошел наш отряд из тридцати двух человек, находилось слева от нас футах в пятидесяти. Но по меньшей мере сто ярдов этого ущелья были завалены миллионом тонн земли вперемешку с камнями, искусственно обрушенными вниз. Способ, которым это удалось сделать, был столь же прост, сколь и очевиден, ибо следы этого чудовищного злодеяния никуда не исчезли. На вершине восточного края теснины (мы находились на западной) в нескольких местах в землю были вогнаны колья. В этих точках земля осталась на месте, но на всем протяжении обвала в почве были заметны углубления, как после бурения, указывавшие на то, что туда тоже вбивали колья – причем довольно плотным рядом, не более чем в ярде друг от друга – на протяжении примерно трех сотен футов и футах в десяти от края обрыва. На оставшиеся стоять колья были наброшены веревки из виноградной лозы, и, очевидно, то же проделали с остальными кольями. Я уже упоминал о необычной структуре стеатитовых скал, и описанная выше узкая глубокая расселина, благодаря которой мы избежали погребения заживо, лучше поможет представить их внешний вид. Природа скал была такова, что любое естественное потрясение расщепляло составляющую их породу на параллельные вертикальные слои, и вызвать этот процесс можно было сравнительно небольшим усилием. Этим дикари и воспользовались для осуществления своего вероломного замысла. Не вызывает сомнения, что неразрывная линия вбитых кольев произвела частичный разлом грунта глубиной, вероятно, два-три фута, после чего дикари, потянув одновременно за веревки (которые были привязаны к верхушкам кольев и уходили в противоположную от края обрыва сторону), добились большой рычажной силы, благодаря чему смогли по сигналу отколоть всю верхнюю часть обрыва и обрушить ее на дно пропасти. Судьба наших несчастных товарищей больше не вызвала сомнений. Мы одни избежали удара сокрушительной силы и были теперь на острове единственными оставшимися в живых белыми людьми.

22

В ту минуту мы едва не пожалели, что не остались погребены навечно внизу. Мы не видели для себя иного удела, нежели смерть от рук дикарей или жалкое существование в неволе. Да, мы могли какое-то время скрываться от них в горах или, в крайнем случае, в расселине, из которой только что выбрались, но во время долгой полярной зимы мы бы либо умерли от холода и голода, либо были обнаружены дикарями.

Дикари, полчища которых, как мы теперь видели, приплывали на плотках с южных островов, наверняка для того, чтобы сообща захватить и разграбить «Джейн Гай». Шхуна по-прежнему безмятежно стояла на якоре в бухте, и те, кто находился на борту, судя по всему, не догадывались о нависшей над ними опасности. Как же нам захотелось оказаться рядом с ними, чтобы либо помочь спастись, либо погибнуть вместе с ними, защищаясь. Мы не видели способа предупредить их, не подвергнув себя немедленной гибели, да и в этом случае надежда на то, что наша смерть принесет им хоть какую-то пользу, была весьма призрачной. Пистолетный выстрел мог известить их о том, что произошло нечто непредвиденное, но это не могло сообщить им, что их единственный шанс на спасение — тотчас сняться с якоря и уплыть прочь от этого острова, невозможно было передать им, что их уже не связывают никакие обязательства перед товарищами, потому что товарищей нет в живых. Услышав пистолетный выстрел, они не смогли бы сделать для встречи с врагом, который уже готовился к нападению, ничего больше, чем уже было сделано. Таким образом, выстрелы принесли бы не пользу, а только вред, и по зрелом размышлении мы отказались от этого.

Потом у нас появилась мысль выбежать на берег, захватить одно из каноэ, стоявших в бухте, и попытаться прорваться к судну. Но скоро стало понятно, что этот замысел обречен на неудачу. Все вокруг, как я уже говорил, буквально кишело дикарями, которые прятались в кустах и горных расселинах, чтобы их не заметили со шхуны. Прямо под нами, на единственной тропе, по которой мы могли надеяться добраться до берега в нужном месте, расположился целый отряд чернокожих воинов с Туу-Уитом во главе. Они до сих пор не напали на «Джейн Гай» лишь потому, что ждали подкрепления. Вокруг каноэ тоже копошились туземцы, безоружные, но наверняка оружие было где-то припрятано. Поэтому мы вынуждены были оставаться в своем укрытии и невольно стали молчаливыми свидетелями разыгравшейся в скором времени трагедии.

Примерно через полчаса мы увидели на южной стороне залива шестьдесят или семьдесят набитых дикарями то ли плотов, то ли плоскодонных лодок без такелажа. Оружия при себе они не имели, кроме дубинок и камней, лежавших на дне плотов. Сразу после этого еще больший отряд с таким же оружием показался с противоположной стороны. Тут же четыре каноэ наполнились стремительно выбежавшими из-за кустов туземцами и полетели к шхуне. Таким образом, быстрее, чем я написал эти строки, «Джейн Гай» оказалась окружена настоящей армией головорезов, готовых на все, чтобы захватить ее.

В том, что им это удастся, мы не сомневались ни секунды. С какой решимостью ни защищали бы судно шесть оставшихся на нем матросов, их было слишком мало, чтобы должным образом управиться с пушками и выстоять в таком неравном бою. Я даже не верил, что они вообще смогут оказать сопротивление, но в этом ошибся; они быстро развернули судно правым бортом к каноэ, которые к этому времени уже подошли на расстояние пистолетного выстрела, в то время как плоты еще находились в четверти мили от левого борта. По какой-то неизвестной мне причине, но, скорее всего, из-за волнения, охватившего наших несчастных товарищей, когда они увидели всю безнадежность своего положения, выстрел оказался неудачным. Не было сбито ни одно каноэ, не был ранен ни один туземец, картечь легла с недолетом и рикошетом перелетела через их головы. Дикари лишь были поражены

неожиданным грохотом и дымом, да так, что мне на мгновение показалось, что они откажутся от своего замысла и вернутся на берег. И они, скорее всего, так бы и поступили, если бы наши товарищи продолжили пушечные выстрелы ружейной и пистолетной пальбой по каноэ, которые уже приблизились настолько, что промахнуться было невозможно, чем они хотя бы могли остановить их и успеть дать бортовой залп по плотам. Но вместо этого люди на шхуне бросились к левому борту готовиться к встрече с плотами, что позволило отряду на каноэ оправиться от паники, осмотреться и проверить, есть ли раненые.

Залп с левого борта оказался куда более удачным. Пушечные выстрелы разнесли семь или восемь плотов в щепки, убив разом человек тридцать-сорок дикарей и сбросив в воду не меньше сотни, многие из которых получили страшные ранения. Остальные, ополоумев от страха, бросились в отступление, даже не пытаясь подобрать искалеченных соплеменников, которые барахтались в воде и просили о помощи. Однако этот успех пришел слишком поздно для спасения мужественных защитников судна. Отряд, плывший на каноэ, уже был на шхуне, все полторы с лишним сотни человек. Большинство из них вскарабкались по цепям и абордажным сетям еще до того, как матросы успели поднести к орудиям запалы. Теперь ничто не могло противостоять их беспощадной ярости. В считанные секунды наших людей повалили, растоптали и буквально разорвали на части.

Увидев это, дикари на плотках справились со страхом и налетели стаей на шхуну, чтобы принять участие в разграблении. Неистовая вакханалия в пять минут превратила «Джейн Гай» в жалкое зрелище. Палубы были разбиты и взломаны, канаты, паруса и все незакрепленные предметы были уничтожены. Затем, подталкивая шхуну в корму и в бок, негодяи наконец вытолкнули ее на берег (якорная цепь соскользнула в воду еще раньше) и подтянули к Туу-Уиту, который все это время, как опытный военачальник, обзревал происходящее с наблюдательного пункта в горах, но теперь, одержав победу, спустился, чтобы разделить добычу со своими чернокожими воинами.

Когда Туу-Уит спустился на берег, мы получили возможность покинуть свое убежище и совершить вылазку на гору. Примерно в пятидесяти ярдах от выхода из нашей расселины мы обнаружили небольшой ручей, водой которого утолили терзавшую нас жажду, а рядом с ним увидели кусты с похожими на фундук плодами, какие я упоминал выше. Попробовав орехи, мы нашли их довольно вкусными и очень похожими на обычный лесной орех. Мы тут же набрали полные шапки этих плодов, отнесли их в расселину и вернулись, чтобы набрать еще. Торопливо обрывая их, мы вдруг услышали шуршание в кустах и уже хотели незаметно вернуться обратно в наше убежище, когда над зарослями медленно, точно с трудом, поднялась в воздух большая черная птица из породы выпей. Я от неожиданности замер на месте, но Питерс сохранил достаточно самообладания, чтобы броситься к ней и поймать за шею, прежде чем она успела подняться высоко. Птица отчаянно вырывалась и оглашала воздух такими громкими воплями, что мы уже подумывали отпустить ее, чтобы она не привлекла внимание дикарей, которые могли прятаться неподалеку, но удар ножом наконец заставил ее замолчать, и мы понесли добычу в расселину, поздравляя себя с тем, что теперь имеем запас пищи на неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.